

М. И. Грудинин

В АРВАРИН
ЛЕСИК

УДК 891.71-32
Г 90

Грудинин М. И.
ВАРВАРИН ЛЕСИК / М. И. Грудинин. – Иркутск : Иркут.
гос. ун-т, 2007. – 171 с.

ISBN 978-5-9624-0172-0

В книге приводятся сведения о людях, проживавших по берегам и островам Ангары до её затопления, связанного со строительством первой плотины Иркутской ГЭС в пятидесятых годах прошлого века. Автор делится своими воспоминаниями о жизни и быте людей, которые там проживали, о природных особенностях этого участка нашего края. Это не ворчание по поводу ушедшей юности, а пожелание нынешнему поколению – беречь окружающую среду.

Автор также высказывает своё мнение относительно состояния современного общества.

Книга адресуется широкому кругу читателей и будет интересна краоведам-географам.

УДК 891.71-32

ISBN 978-5-9624-0172-0

© Грудинин М. И., 2007
© ГОУ ВПО «Иркутский государственный
университет», 2007

О книге «Варварин лесик»

Новая книга воспоминаний и раздумий М. И. Грудинина посвящена почти целиком жизни и быту его малой родины – деревне Грудинино. Тем самым она вносит важный вклад в полузабытое сибирское краеведение, вытесненное громкоголосой репортажностью описаний успехов социалистической индустриализации Сибири.

В течение длительного времени в Сибири преобладало сельское население, лишь стремительная индустриализация региона в ходе выполнения планов первых пятилеток и особенно послевоенных «строек коммунизма» – каскад ГЭС на Ангаре, Енисее, Оби, новые города и заводы – радикально изменила структуру расселения. Теперь Сибирь вошла в разряд наиболее урбанизированных районов страны; на селе остаётся уже менее 20 процентов населения, из деревень уходит молодёжь, сами сёла или забрасываются, или мельчают. Между тем специфика сибирского расселения и истории селений в Сибири до сих пор плохо изучены. Именно крестьянское освоение составило первый и наиболее поучительный этап развития производительных сил этого региона. Оно никогда не было только земледельческим в узком смысле этого слова, для выживания было необходимо научиться содержать скот, пользоваться богатством живой природы – прежде всего охотой и рыболовством.

Успешное выживание сельских поселений в Сибири до сих пор остаётся трудной проблемой. СМИ пестрят сообщениями о наводнениях и даже вынужденных переносах деревень, социальной неустроенности разучившегося кормиться своим трудом и дарами окружающей природы населения, которое в ходе разрушения колхозов и отъезда молодёжи в города оказалось ассиметрично «пензионерским».

В давние времена сельское население Сибири держалось на многоотраслевом хозяйстве семейного «двора» – никаких «собесов» в досоветские времена отродясь не бывало, именно двор обеспечивал и воспроизводство населения, и выполнение госу-

дарственных повинностей, и воспроизводство окружающей природы. При этом огромную роль играло «соседство», родство и кумовство, общинные и приходские традиции, взаимопомощь, ритмы «правильной» жизни сообщества.

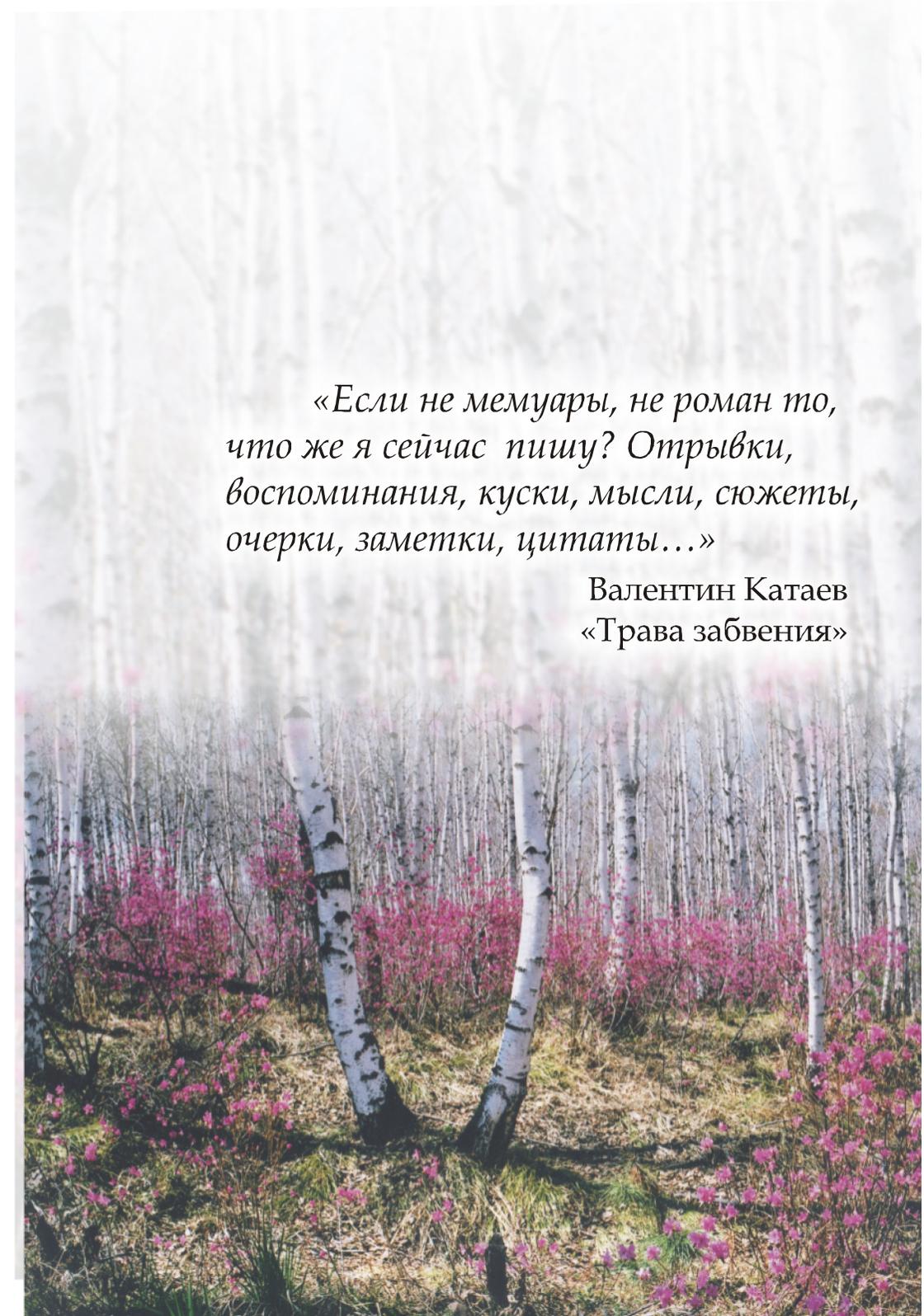
Роль семейно-дворового хозяйства и уклада, характеристика эффективных, то есть наиболее полезных и выстраданных традиций (подворье, организация животноводства и огородничества, природопользование посредством охоты, рыболовства, собирательства), тонкости отношений поколений в сохранении этих традиций, соседские отношения – в хозяйстве и культуре, характеристика торговохозяйственных отношений с ближними городами и составляют, на наш взгляд, содержание и предмет сельского краеведения. Говорят, «что ни город, то нор», – в равной, если не большей степени, это верно и для старинных сибирских деревень. Вот почему до сих пор актуально изучение опыта эталонных, прямо скажем, – немногочисленных успешных общин, не только в противостоянии с суровой и не слишком щедрой сибирской природой, но и связавших своих жителей с эпохой города и технического прогресса.

Именно такой опыт описан в новой книге М. И. Грудинина, хотя писал он о своих односельчанах как просто о дорогих ему людях, живых или уже ушедших из жизни. За это ему и наше общее спасибо.

*Б. М. Ишмуратов, географ,
19 апреля 2007 г., Иркутск*

*«Если не мемуары, не роман то,
что же я сейчас пишу? Отрывки,
воспоминания, куски, мысли, сюжеты,
очерки, заметки, цитаты...»*

Валентин Катаев
«Трава забвения»

Иркутское водохранилище

гэс ИРКУТСК
IRKUTSK

Поселок 2-й

Мелничный

Березовый (Стр.)

Умрудинский (Стр.)

443.4

474.6

49

50

51

52

53

54

55

56

57

Ерши

556.0

61

62

63

64

65

66

67

68

69

70

71

72

73

74

Под-Мельничная

531.7

75

76

77

78

79

80

81

82

83

84

85

86

87

88

Шукино

510.8

89

90

91

92

93

94

95

96

97

98

99

100

101

102

Новогрудина

553.6

103

104

105

106

107

108

109

110

111

112

113

114

115

116

Патроны

522.5

117

118

119

120

121

122

123

124

125

126

127

128

129

130

Грудино

510.8

131

132

133

134

135

136

137

138

139

140

141

142

143

144

Патроны

510.8

145

146

147

148

149

150

151

152

153

154

155

156

157

158

ИРКУТСК

510.8

159

160

161

162

163

164

165

166

167

168

169

170

171

172

Предисловие

Эти метания, «воспоминания,... мысли...» Валентина Катаева, прозаика прошлого века, автора таких известных в своё время повестей и романов, как «Я сын трудового народа», «Сын полка», «Белеет парус одинокий» и многих других, мне были более всего близки при написании настоящего повествования. Творчество этого, безусловно, талантливого и обласканного в своё время коммунистическим режимом писателя для меня было с юношеских лет хорошо известно, я с огромным интересом и восторгом «проглатывал» эти повести и романы ещё в школьные годы как что-то само собой разумеющееся в нашей повседневной жизни. Да и вряд ли все эти «идеологически направленные» произведения в те, в общем-то, давние советские времена кого-то из того романтического поколения могли оставить равнодушным. Особенно это касалось молодёжи, которая воспитывалась на этих повестях и романах, жила в одно время с этим писателем и, по видимому, эти романы и повести были близки её помыслам.

После выхода в свет «Моих воспоминаний» мне мои друзья говорили, что наиболее интересной для читателя частью этих «воспоминаний» стали описания деревенской жизни, особенно жизни моей деревни довоенных и послевоенных лет. Многих интересуют подробности деревенской жизни, бывшие окрестности старой деревни. У меня же от этих воспоминаний до сих пор щемит «под ложечкой». Мне и сейчас явственно вспоминается небольшая берёзовая рощица под названием «Варварин лесик» на южной окраине нашего села или голубичные заросли в восточной части острова. «Варварин лесик» в довоенные годы был самым любимым местом игрищ для деревенской детворы. Всё это меня подвигло и вдохновило написание воспоминаний, касающихся более подробного описания природы и повседневной жизни людей населённых пунктов, расположенных в долине реки Ангары, выше города Иркутска и прежде всего моей родной деревни Грудино. Ведь в наши дни вся эта прибрежная часть

Ангары и разбросанные по берегам и островам этой реки селения, которые раньше были расположены выше по течению от восточной окраины города Иркутска, уже многие десятилетия находятся под покровом Иркутского водохранилища. Более того, тогдашнее строительство Иркутской ГЭС, первенца из группы намечавшихся гидроэлектростанций в Сибири, было внове и, я бы сказал, как бы неожиданным, не столько для строителей, сколько для людей, населявших долину реки Ангары в зоне предполагаемого затопления.

В этой книге я также сделал попытку выразить своё личное мнение о состоянии современного общества и высказать свой взгляд на жизнь современной деревни и города, со всеми их прелестями и недостатками.

При написании настоящей книги мне помогли вспомнить или подсказали, где найти сведения о некоторых давних эпизодах, событиях, фактах из деревенской жизни довоенных и послевоенных лет Павел Николаевич и Владимир Васильевич *Грудинины*, Валерий Михайлович *Жуков*, Николай Сергеевич *Ермаков* и Вячеслав Иванович *Недельский*. Восстановление планов местности исполнено Раммой Мухтаровной *Ивченко*, а некоторые современные видовые фотографии любезно сделала Татьяна Михайловна *Мельникова*. Черновой вариант книги прочитали и сделали ряд конструктивных замечаний Татьяна Ивановна *Елизарьева* и Альбина Ивановна *Кузнецова*. Большую помощь по комплектованию и вёрстке настоящей книги мне оказал мой внучатый племянник Андрюша *Шалин*. Всем этим товарищам, родственникам и друзьям я приношу огромную благодарность и глубочайшую признательность.

Родное
Приангарье

Проезжая по плотине Иркутской ГЭС и вглядываясь в контуры Иркутского водохранилища, я мысленно часто возвращаюсь в те далёкие времена конца первой половины прошлого столетия, когда на месте этого водохранилища находилось живописнейшее русло реки Ангары с многочисленными протоками, с большими и малыми островами. Эти, знакомые до боли в сердце, родные места, исхоженные в своё время мною и моими сверстниками вдоль и поперёк, напоминают мне о промелькнувшей молодости, о далёком детстве и юности. Уже многие десятилетия всё это находится под многометровой толщей воды на дне Иркутского водохранилища, а у меня всё также явственно остаются в памяти те благословенные островки и острова, где проходили мои детские и юношеские годы, где так много пережито и с чем так много связано.

В те давние времена эти места представляли собою пойму реки Ангары с множеством больших и малых островов и тихих заводей, с многочисленными шумными перекатами и обширными плёсами, с заливами и старицами. По берегам этой изумительной красавицы-реки или на её островах располагались небольшие деревушки и отдельные поселения в виде разъездов вдоль железной дороги, которая проходила тогда на левом берегу по искусственной насыпи, на некотором возвышении относительно основной части поймы реки. Это, на мой взгляд, очень украшало общий вид местности. А проносившиеся в сумерках с обилием электрического света пассажирские поезда приводили в восторг местную детвору. Дети хорошо знали, когда будет проходить скорый до Владивостока, а когда «Ученик», развозящий по субботам местных школьников, которые обучались в Иркутске-2 в железнодорожной школе-интернате, по многочисленным разъездам, станциям и близлежащим деревням. Все эти благодатные места мне всегда были особенно дороги, я их часто вспоминаю. Они и теперь для меня значительно милее того «рукотворного моря», которое именуется Иркутским водохранилищем.

Конечно, берега Иркутского водохранилища и в настоящее время представляют собой в летнюю пору прекрасные места отдыха для иркутян и гостей нашего города. Здесь имеется множество прелестных бухт и заливов, которые летом хорошо прогреваются; по склонам небольших гор растёт преимущественно сосна и берёза; берега, как правило, сухие, особенно левобережной части водохранилища, и покрыты мягкой зеленью. Что ещё нужно для хорошего летнего отдыха?! Нужно, чтобы отдыхающие относились бережно к тем заливам и бухточкам, где они проводят свой досуг, и не вырубали деревья, не захламляли эти чудесные места «благами цивилизации». Хотелось бы пожелать всем отдыхающим, чтобы они всегда помнили: в такие места можно приехать и на следующий год и ещё, и ещё... А, может быть, через несколько десятилетий будут приезжать туда их дети, внуки и правнуки, и там будет всегда чисто, хорошо и уютно. Некоторые из постоянных отдыхающих, которые приезжают на свои излюбленные места, действительно после каждого посещения тщательно собирают после себя оставленный мусор и закапывают его. Но это делают далеко не все. Подавляющее же большинство приезжающих на отдых иркутян действуют по принципу: «после нас хоть потоп». После таких отдыхающих на берегу остается неприглядная картина: многочисленные кострища да поломанные деревья, битое стекло, пластиковые бутылки и груды другого мусора.

Надо сказать, что и зимой эти места редко пустуют: их любовали любители подводной рыбалки. Кроме того, почти всё побережье, а в настоящее время чаще всего и непосредственно береговая его часть, стали местом строительства отдельных коттеджей для «новых русских». По крайней мере, немало таких строений появилось в последнее время в окрестностях деревни Новогрудино. Нынешние власти этим не очень-то обеспокоены, хотя многие такие строения находятся в запретной зоне водозабора для городов Иркутска и Шелихова. А ведь это серьёзные природоохранные нарушения, связанные со стоком вредных веществ в водохранилище и его загрязнением, а, следовательно, с нарушением экологического равновесия. Этими проблемами, на мой взгляд, следовало бы давно обеспокоиться соответствующим властным структурам.

К сожалению, с самого начала возникновения водохранилища берега этого «рукотворного моря» сильно подмываются, что ведёт к их интенсивному разрушению. Достаточно сказать, что на отдельных участках из-за постоянной абразивной деятельности береговая линия «ушла» в глубь материка примерно на сто метров, так что некоторые строители, которые возвели свои дачи вблизи берега, вынуждены были ретироваться; да и сейчас многие из них, не ведая об этом, могут оказаться в таком же плачевном положении. А что будет дальше?! Не получим ли мы со временем огромную заболоченную лужу? Ведь постоянно размываемый в береговой части материал переносится в глубь водоёма в виде песка и глины, где он осаждается. Всё это приводит к тому, что водохранилище постепенно мелеет, отдельные его части уже сейчас заболачиваются. К тому же, с размывом материковой части в водохранилище попадает большое количество техногенного материала, связанного с деятельностью человека. Все это, на мой взгляд, отнюдь не положительно сказывается на развитии всего живого в данном водоёме и, безусловно, влияет на развитие биоценоза в Иркутском водохранилище. По-видимому, именно с этим обстоятельством связывается тот факт, что с возникновением водохранилища исчезли некоторые виды рыб, такие как карась, окунь, которые в изобилии водились в протоках и особенно в заводях до затопления этой части реки Ангары и в первые годы существования водохранилища. Наверное, по этой же причине стало мало в водохранилище щуки, да и сильно измельчала эта рыба в последние десятилетия; совсем мелкими стали плотва (сорога) и елец, которые, к тому же, часто заражены солитёром. Наверное, тоже не от хорошей жизни. Что же останется будущему поколению!? Необходимо в самое ближайшее время безотлагательно укреплять берега этого «рукотворного моря», хотя бы в широкой его части. Простой народ достаточно быстро реагирует на такие изменения и теперь вместо водохранилища нередко среди местных жителей можно услышать такое неприятное словосочетание как «водогноилище».

Вместе с тем строительство Иркутской ГЭС сильно изменило и облик нашего города, его окрестностей. Более того, появление каскада ГЭС на Ангаре значительно отразилось на всестороннем развитии Иркутска и Иркутской области.

Население столицы Восточной Сибири менее чем за столетие увеличилось более чем в десять раз: 51 тысяча жителей в 1897 году и 550 тысяч по переписи 1979 года. В начале прошлого века город был деревянным. Лишь отдельные кирпичные строения, городской театр да многочисленные храмы возвышались над одно- и двухэтажными домами. К сожалению, многие церкви и некоторые другие знаковые исторические памятники, такие как Московские и Амурские ворота, были снесены или разрушены в разные годы, в том числе, во времена правления коммунистов. К счастью, многие храмы, восстановленные в наши дни, являются истинным украшением города. Да и площадь городских поселений, в сравнении с началом прошлого столетия, за счёт возникновения в послевоенные годы множества новых жилых микрорайонов, также, наверное, увеличилась не менее чем в три-четыре раза. Это хорошо видно по фрагменту плана города за 1903 год. Что и говорить, контуры города довоенных лет прошлого века и наших дней несопоставимы. Обратите внимание: по этому плану деревни Жилкино, Титово, Кузьмиха в левобережной части реки Ангары находятся далеко за пределами города. Также на этом плане за пределами города находится и посёлок Лисиха, а место, где впоследствии была построена плотина Иркутской ГЭС, расположено и того далее. Именно после окончания строительства этой гидроэлектростанции указанные выше поселения оказались непосредственно в городской черте.

Однако общий ландшафт поймы реки Ангары изменился не только выше водохранилища, но и в пойменной части, ниже плотины, в непосредственной черте города, где река разделяет его почти на две равные части. Возведенные ещё в пятидесятых годах прошлого столетия Иркутская, а несколько позднее Братская и Усть-Илимская ГЭС, несомненно, стали благом для иркутян и всех жителей Приангарья. С пуском этих грандиозных по тем временам сооружений население получило дешёвую электроэнергию; в области начала бурно развиваться алюминиевая и лесоперерабатывающая промышленность. Плотина же Иркутской ГЭС в значительной степени, как мне представляется, преобразовала и изменила общий вид города Иркутска, а завершение строительства плотины в своё время стало неординарным событием в жизни иркутян. Если мне память не изменяет, на торжества, связанные с пуском гидроэлектростанции, приезжал

тогдашний секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущёв. А известный советский драматург Алексей Арбузов посвятил строительству этой ГЭС свою пьесу «Иркутская история», которая с успехом шла не только на сцене Иркутского драматического театра, но и во многих театрах страны, в том числе, и на столичных сценических площадках.

Между тем следует отметить, что со строительством Иркутской ГЭС, на мой взгляд, связаны и многие негативные явления, которые произошли ниже плотины. Известно, что подъём воды в Иркутском водохранилище сильно отразился на уровне грунтовых вод в городской черте. В некоторых подвальных помещениях центральной части города, после возведения плотины и наполнения водохранилища, появилась вода. Повышение грунтовых вод, связанное со строительством Иркутской ГЭС, особенно отразилось на улице Верхняя Набережная. Здесь многие дома оказались подтопленными и стали непригодными для жилья. Убеждён и в том, что ничего хорошего не даст засыпка протоки в районе Шишиловского острова. Полагаю, что засыпка протоки только усугубит в будущем экологические проблемы не только в этой части нашего города, но особенно для населённых пунктов, расположенных ниже по течению. Сиюминутные выгоды часто несут непредсказуемые опасности. Ведь когда-то, в далёкие послевоенные годы,

Центральная и левобережная части города Иркутска. Издание городской управы, 1903 г. с использованием плана города Иркутска, составленного по материалам

1900–1917 г. Иркутск на почтовых открытках. С. И. Медведев, 1906. 645 с.

1. Железнодорожный вокзал. 2. Московский тракт. 3. Кругобайкальский тракт. 4. Дорога в деревни Титово и Кузьмиха. 5. Циклодром (ныне парк Парижской коммуны). 6. Медведковская больница (ныне курорт «Ангара»). 7. Понтонный мост. 8. Амурские ворота. 9. Крестовоздвиженская церковь. 10. Троицкая церковь. 11. Спасская церковь. 12. Богоявленский собор. 13. Тихвинская церковь. 14. Часовня Св. Иннокентия. 15. Дача «Звёздочка». 16. Пароходная пристань. 17. Большая улица (ныне улица Карла Маркса). 18. Амурская улица (ныне улица Ленина). 19. Площадь графа Сперанского (ныне сквер Кирова). 20. Мыльниковская улица (ныне улица Чкалова). 21. Баснинская улица (ныне улица Свердлова). 22. Кругобайкальская улица (ныне улица Терешковой). 23. Александровская улица (ныне улица Профсоюзная). 24. Пушкинская улица.

Кафедральный собор

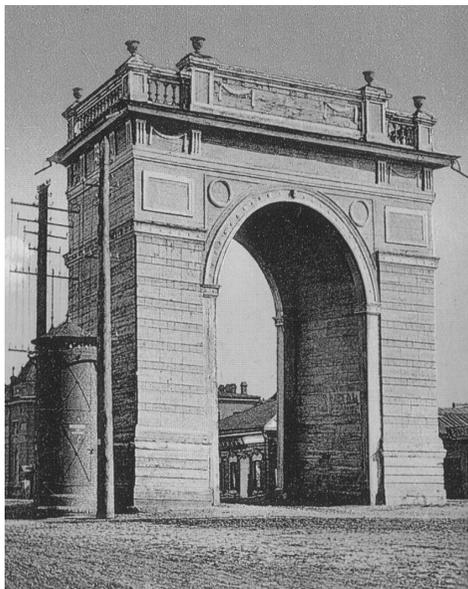
*Тихвинская
церковь*

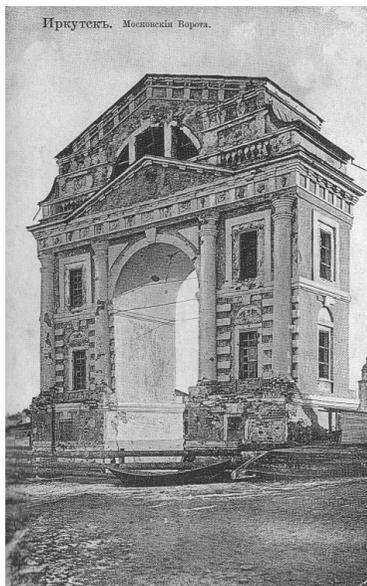
*Благовещенская
церковь*

Понтонный мост через р. Ангару

Московские ворота

Амурские ворота

Детский сад на Амурской улице

Вид на улицу Большую

Снимки Кафедрального (нового) собора, Тихвинской и Благовещенской церквей, Амурских и Московских ворот, Девичьего института Восточной Сибири (ныне один из корпусов Иркутского государственного университета), вид на Большую улицу с фрагментом лютеранской церкви и детского сада на Амурской улице взяты из издания «Иркутск на почтовых на открытках». Автор С.И.Медведев. М. 1996.

областными или городскими властями, теперь уже и не помню кем, вынашивался проект плана строительства на Шишиловском острове театра оперы и балета. Конечно, этот проект близок к фантастике. Но право же пофантазировать можно. Как же было бы красиво: почти в самом центре города через перекинутые ажурные мостки нарядные жители нашего города переходят правобережную протоку и выходят к великолепному парку, в котором находится здание оперного театра! Проект был отклонён, насколько я помню, именно по экологическим мотивам, и музыкальный театр (к сожалению не театр оперы и балета) был построен в другом месте. А вот строительство на этом острове и на месте засыпанной протоки бензозаправочной станции, мягко

говоря, отнюдь не безопасное сооружение для Ангары и всех жителей, проживающих по её берегам. Ведь зарытые в землю ёмкости с бензином (а по-другому сделать такое сооружение просто невозможно) всегда будут представлять серьёзную угрозу для Ангары и Иркутска, а также для всех населённых пунктов, находящихся ниже по её течению. Именно в этой части нашего города, как мне представляется, вполне возможно размещение такого культурного сооружения как аквапарк, построенного по типу подобных зарубежных сооружений.

На мой взгляд, в настоящее время следовало бы провести основательную чистку днища правобережной протоки, русло которой идет в непосредственной близости вдоль односторонней улицы Верхняя Набережная. Ведь до строительства гидроэлектростанции эта протока была одним из водотоков Ангары, и её русло было устлано галькой, а в настоящее время мы видим преимущественно застойные или отдельные заиленные водоёмы, постепенно превращающиеся в болото. Очистка же днища этой протоки безусловно в значительной степени улучшила бы экологическую обстановку в этой части города, а в протоке вновь бы появилась такая рыба, как хариус и ленок.

В наши дни строится новый мост через Ангару, который, несомненно, изменит архитектурный ансамбль и облик нашего города. Необходимость и важность строительства этого фундаментального объекта настолько очевидна, что переоценить это просто невозможно. Новый мост резко улучшит транспортные развязки в городе, приблизит микрорайоны левобережья к центру. Но необходимо помнить, что этот мост проходит по живописнейшим островам поймы Ангары, задев любимейшие места отдыха иркутян. На островах сейчас всё ещё произрастают многие лекарственные травы и кустарники: курильский чай (похоже, что кустарников этого полезного растения здесь уже почти не осталось), аптечная ромашка, валериана, тысячелистник, льнянка и многие, многие другие полезные растения. Постоянная прохлада на этих островах летом, даже в самую сильную жару, делает эти места особенно притягательными для отдыха иркутян. Слов нет, при крупном строительстве возникает необходимость чем-то жертвовать, но, по возможности, надо пытаться и многое сохранить, а может быть, и приумножить. Например, произвести на острове массовые посадки деревьев и кустарников, как это

было во второй половине прошлого столетия. Наверное, помнят только старожилы, что в довоенные времена на этих островах не росло ни одного деревца. Ведь все эти острова до строительства Иркутской ГЭС затапливались в зимний ледостав и основательно «счищались» весенним ледоходом. И только после пуска Иркутской ГЭС, когда уровень реки Ангары в течение всего года был относительно стабилен, на некоторых из этих островов ружьями горожан были высажены деревья и кустарники.

Зелёные насаждения во второй половине прошлого столетия высаживались на острове, расположенном примерно в ста метрах от бывшего парка Парижской Коммуны (южное продолжение улицы Карла Маркса). Этот небольшой остров и получил название «Остров Юности». Там был разбит первый парк, а затем высаживались деревья и на других прилегающих островах этой части поймы Ангары. В этом большом общественном мероприятии принимали участие все жители города, особенно студенчество. В наше время вряд ли такое возможно. Более того, эти насаждения в последние годы подвергаются варварскому уничтожению: их выламывают, а осенью и весной случаются частые пожары травы, а вместе с сухой травой погибают и молодые деревья и кустарники. Не лучшим образом ведёт себя руководство детской железной дороги, проходящей по этим островам: работники этой дороги умудряются сжигать прямо на месте старые шпалы, а вместе со шпалами сгорают кустарники и деревья, не говоря уже о том, что эта копоть выносит в воздушное пространство над городом немало вредных веществ. С тоской и грустью можно сказать, что пожары, а правильнее систематические весенне-летние пожары, это – бич современного безответственного общества.

При строительстве нового моста, а также при дальнейшем обустройстве прилегающей к нему территории, властям нашего города и области необходимо помнить о максимальном сохранении удивительно прекрасного природного ландшафта поймы Ангары, в том числе, в пределах города Иркутска. Грех не воспользоваться такими изумительными творениями природы, которыми нас наградила красавица Ангара. Ведь эти прекрасные места, на мой взгляд, можно превратить в великолепную зону отдыха для жителей города Иркутска и его гостей, которых у нас с каждым годом становится всё меньше и меньше. Остаётся только пожелать, что при возможном благоустройстве одного из

прекраснейших уголков нашего города, каким является пойма реки Ангары в пределах городской черты, был, по возможности, как можно больше сохранён тот первозданный облик этой части города. Опасения вызывает возможное в таких случаях привнесение в эту зону излишних коммерческих бутиков (питейных, развлекательных и т. п.) при осуществлении подобных мероприятий. Очень хочется надеяться, что при этом будет преобладать благоразумие, а не коммерциализация и, в конце концов, наступит такое время, когда все мы будем бережно обращаться с природой, от состояния которой зависит наше здоровье и здоровье будущего поколения.

Кардинальные изменения внешнего облика местности после заполнения Иркутского водохранилища произошли выше плотины. Исчезла с лика земли протекавшая здесь и дышащая прохладой в летний зной Ангара. Исчезли все её великолепные острова и протоки с говорливыми шиверами, шумными перекатами и красивыми тихими плёсами и заводами, обрамлёнными в летнюю пору высокими сочными травами и мелкими кустарниками; перестали существовать и многочисленные населенные пункты, как и проходящая здесь ранее железнодорожная магистраль, так хорошо вписавшаяся в ландшафт этой красивейшей местности. На этих поистине благодатных местах, где в течение ряда веков проживало немало людей, в прямом и переносном смысле возникло «разливанное море». Это море, по сути дела, на огромной территории долины реки Ангары, начиная от её истока – озера Байкал – и включая небольшие притоки, покрыло многометровым слоем воды все эти прекрасные острова с их изумительными плёсами и заводами в этой части реки от Байкала до Иркутска.

Мне представляется, что с возникновением Иркутского водохранилища в значительной степени изменился облик окрестностей города Иркутска. Более того, с появлением Иркутского, а затем и Братского водохранилищ изменился и климат нашего края, он стал более влажным и, я бы сказал, более мягким. По крайней мере, тех трескучих морозов, которые бывали почти каждую зиму в довоенные годы, стало значительно меньше. Изменение ландшафта местности больше коснулось пригородных окрестностей в их юго-восточной части. Кто не видел или не помнит тех благодатных роскошных мест, которые существовали

до заполнения водохранилища в этой окраинной части пригорода, для тех, возможно, и хороши берега, заливы и бухты современного «рукотворного моря», которые теперь также требуют охраны; а мне же милее и дороже тех протоков и островов, которые были в долине реки Ангары, ничего нет.

На существовавшей в этих местах до заполнения водохранилища железнодорожной магистрали, которая проходила от станции Иркутск до станции Байкал, было ещё две станции – Михалёво и Подарвиха, а также располагалось множество небольших железнодорожных разъездов. На этих двух станциях и многочисленных разъездах проживало немалое количество людей, преимущественно обслуживающих железную дорогу. Все жители этих поселений, как правило, имели довольно большие приусадебные участки, держали разнообразную домашнюю живность, многие из них с успехом занимались рыбной ловлей и охотой. И все эти большие и малые деревни, разъезды и станции, расположенные вдоль долины Ангары от Иркутска до Байкала, можно сказать, в одночасье оказались погребёнными под многометровой толщей воды. И места эти стали называться Иркутским водохранилищем.

А между тем, повторюсь, места здесь были изумительно красивыми. Не случайно многие горожане в летнюю пору выезжали семьями отдыхать на излюбленные острова или снимали комнаты в близлежащих деревнях и проводили там свой отпуск. Как правило, иркутяне в отпускное время в этих местах с удовольствием охотились, занимались рыбалкой, а также сбором ягод и грибов. Взгляните только на былую карту этой местности. На ней вы увидите множество больших и малых островов в пойме Ангары, а также примыкающие к этой реке многочисленные широкие долины, пади и небольшие распадки с сельскохозяйственными и охотничьими угодьями. До строительства Иркутской ГЭС, здешние леса отличались изобилием животного мира: здесь можно было нередко встретить сохатого, изюбря, медведя, волка, косулю, лису, кабана и других более мелких животных. Да и лесные угодья в те годы были куда разнообразнее и богаче, чем в наше время. Тогда в здешних лесах было много голубики, брусники, смородины и других ягод. Много было и самых разнообразных грибов. Ведь в наши дни найти в окрестных лесах пригородной зоны этой части Иркутска сырой груздь – большая удача

для грибника. А в те годы такой груздь здесь можно было увидеть чуть ли не под каждой берёзой.

На одном из многочисленных островов этой части долины реки Ангары находилась деревня Грудиново. Надо сказать, что, по моему глубокому убеждению, до затопления Иркутского водохранилища остров и расположенная на нём деревня представляли собой один из красивейших уголков пойменной части этой чудеснейшей реки. Весной окрестности деревни утопали в цветении черёмух и яблонь, а летом остров покрывался синевой голубики и ягодами красной смородины. Красной смородиной мы, ребяташки, лакомились, а вот к голубике был коммерческий интерес – её собирали и до последней ягодки продавали. Эта островная голубика за её прекрасные вкусовые качества особенно ценилась на рынке. Теперь такой ягоды и днём с огнём не отыскать. Надо полагать, что такие кустарники голубики в пойме реки Ангары вряд ли где-то сохранились. Ведь в наши дни почти вся долина этой реки заполнена водохранилищем. А какие вокруг деревни были теплые и ласковые заливы! Один из таких заливов находился недалеко от нашего дома. Дно этого залива почти всё было устлано мягкой травкой, где купание доставляло ни с чем несравнимое удовольствие – рай земной для ребятни! А в протоках и на их перекатах мы, ребяташки, ловили бутылками через выбитое доньшко мелкую рыбёшку. Таких дивных и прелестных мест отдыха для детей в наше время вряд ли где-либо можно найти.

И, несмотря на то, что деревня была расположена вблизи областного центра, в ее окрестных лесах, как я уже писал, водились самые разнообразные дикие животные, вплоть до сохатого, а также и другая более мелкая живность. В наше время такие географические понятия, как Мельничная Падь, Картакой, Каллей, Курма, определяют только названия дачных поселений. В те же далёкие довоенные времена они имели совсем другие предназначения. Например, долина Курмы славилась большими сенокосными угодьями, которые широко использовались окрестными селянами. В долине Каллея всегда было много голубики, брусники, клюквы, а в её вершине водились сохатые, изюбри и кабаны. В Картакое встречалось много диких коз, и к тому же это были необычайно ягодные и грибные места, которые сейчас можно найти только в самых укромных уголках. Грудининский остров, по-существу, был одним из самых крупных и высоких

островов в этой части долины Ангары, вплоть до её истока – озера Байкал. На острове было множество проток, озёр и заводей, он был покрыт небольшими перелесками и рассечен относительно глубокими логами, которые осенью, как правило, заполнялись водой. Однако значительная часть этого острова не затоплялась даже в самые критические ледоставы, когда уровень реки при её замерзании поднимался на несколько метров. Все же другие селения выше плотины Иркутской ГЭС располагались либо на правом (Большая Разводная, Шукино, Патроны, Пашки и другие), либо на левом (Титово, Кузьмиха, Ершово, Михалёво, Парки, Подарвиха) берегах Ангары.

Насколько мне помнится, более всего сохранила свои строения именно деревня Грудинино. Она почти в полном «составе» «переехала» на более высокое место из зоны затопления, образовав современное селение Новогрудинино, которое в настоящее время находится примерно в двух километрах на юго-восток от прежнего её расположения. Несколько домов в это селение было перевезено из большого села Михалёво, которое было расположено также на левом берегу Ангары, в четырёх километрах выше по течению от деревни Грудинино. На юго-восточной окраине села Михалёво находилась и одноименная железнодорожная станция. Большинство же селян из этой деревни переехало на житеё в посёлок Новомельниково под Иркутском, а также во вновь образованное селение Мельничная Падь, расположенное в левобережной части устья одноименной долины, на берегу Иркутского водохранилища. В этом селении был создан леспромхоз, и многие из бывших жителей окрестных разъездов и деревень нашли в нём постоянную работу. Многие жители железнодорожных разъездов в большинстве случаев переехали на новые железнодорожные станции – Гончарово и Большой Луг. Туда же перевезли многие дома из села Парки. Почти все жители из селений Шукино и Патроны перевезли свои дома в уже тогда существовавшее достаточно крупное военное поселение «Стройка» (в довоенные времена там располагалась воинская часть), образовав теперешний посёлок Патроны.

Не могу не сказать несколько слов о Ершовском заливе, на дне которого в наши дни покоятся останки небольшого села Ерши (в своё время моя бабушка это село называла Ершово), в котором насчитывалось не более трёх-четырёх десятков домов.

Название Ершовского залива появилось после возникновения Иркутского водохранилища. До заполнения водохранилища это село располагалось на высокой террасе, на берегу красивого небольшого залива левобережной протоки Ангары. Живописный остров Ершовский отделял деревню Ерши от основного русла реки. Приустьевые части падей Берёзовка, Черёмуховая и Паровка как раз и были местом основания селения Ерши. По пади Паровка через деревню Ерши проходила просёлочная дорога, связывающая населённые пункты Парки, Михалёва, Грудинино, Кузьмиха и Титово с Иркутском. Селение Ерши было, пожалуй, самое благоприятное в климатическом отношении место среди всех населённых пунктов этой части поймы реки Ангары. Ведь эта деревня с трёх сторон была окружена горами, и её не очень-то беспокоили и северные ветры, и ветры, дующие с акватории холодного Байкала. Не зря говорила моя бабушка, что самые жаркие дни в этих местах бывали только в её родной деревне Ершово – она родилась именно в этой деревне. Да и в наши дни в этом заливе вода в летнюю пору прогревается очень хорошо. Не случайно летом здесь, в образовавшемся Ершовском заливе, в солнечные дни всегда очень многолюдно и весело, много купающей молодёжи, детей, да и взрослого населения.

Непреренно следует упомянуть про деревню Большая Разводная, которая была расположена на высокой террасе правого берега реки Ангары, недалеко от Иркутска. Насколько я помню, большинство строений в этой деревне отличалось ухоженностью и основательностью; они часто были окружены зелёными насаждениями, что, вообще-то говоря, не свойственно было для старых приангарских деревень. Скорей всего в этом сказалось влияние проживающих в этой деревне декабристов. Кроме того, село Большая Разводная выделялась красивым одноэтажным кирпичным зданием школы. Проживание в своё время в этой деревне сосланных декабристов, Андрея и Пётра Борисовых, Артёма Муравьёва, Алексея Юшневского, в значительной степени отразилось на её жизненных устоях. Ведь известно, что сосланные в наши края декабристы лечили крестьян, открывали школы, занимались растениеводством. (Желающих больше узнать о жизни декабристов в нашем крае адресую к книге Г. П. Шатрова «Декабристы в Сибири». Томск. 1962» и книге Л. И. Шинкарёва «Сибирь: откуда она пошла и куда она идёт». М. 1978.) Деревня

же Большая Разводная в своё время несомненно представляла значимую часть пригородной зоны города Иркутска. Протянувшееся на несколько километров вдоль берега реки Ангары это селение славилось богатыми урожаями овощей, которые легко находили рынок сбыта в городе. Как говорила моя бабушка, в деревне Большая Разводная было очень много зажиточных крестьян, женщины там одевались по-городскому.

Долина реки Ангары до заполнения Иркутского водохранилища.

Непосредственно по левому берегу проходит железнодорожная магистраль; двойной линией обозначена улучшенная грунтовая дорога, жирной линией – обычная просёлочная дорога: тонкой линией – водотоки; кружками показаны долины, распадки и небольшой лес по берегам и островам в пойме реки Ангары. «Раз. 28 км.» – железнодорожные полустанки. Водная поверхность реки Ангары и её протоков затемнены

Самым ближайшим поселением к деревне Грудиново было село Патроны. Это небольшое селение с односторонней улицей в 20–25 домов располагалось на противоположном от нашей деревни высоком берегу Ангары и также, как и наше селение, в зимние ледоставы не подтапливалось. Его жители занимались сельским хозяйством, рыбной ловлей и охотой. В этой деревне проживала семья Максима Андриановича, если мне память не изменяет, Платонова. Максим Андрианович слыл отменным рыбаком и дружил с моим папой. Как говорится – рыбак рыбака видит издалека. Где-то в семидесятых годах прошлого столетия, когда папы и мамы уже не было в живых, когда наши селения разделяла не узкая полоса реки Ангары, а широкое Иркутское море, мы с сестрой Марией и её подругами неожиданно навестили этого уважаемого в нашей семье человека. В те годы Максим Андрианович был уже в преклонном возрасте и проживал с дочерьми в новых Патронах. Дело было так. Второго августа, в Ильин день, у Марии был день рождения. Так случилось, что в тот ясный и солнечный день поздравить сестру пришли тётя Глаша (папина сестра), подруга Марии, наша дальняя родственница, Мария Семёновна Кудреватых и я. После обеда, Мария вдруг заявила, что хочет покататься на только что приобретённом мною катере. Отказать сестре я, конечно, не мог. Это катание мне запомнилось на всю жизнь. Мои пассажирки оказались великолепными певуньями. Пели такие песни как «По Дону гуляет...», «Поедем, красotka, кататься...», «О чём дева плачешь...», закончили «Расцвела под окошком...». И тут Мария ко мне обращается с новой просьбой: отвези нас навестить Максима Андриановича. Как же был рад этот пожилой человек нашему визиту! Он был растерян; не знал, где посадить дорогих гостей, чем угостить, а под конец даже прослезился. Вот так встречали в былые времена даже не родственников, а просто добрых знакомых.

Все другие деревни этой части долины Ангары, такие как Михалёво, Шукино, Пашки, пожалуй, ничем особым не выделялись, да и мне они были менее знакомы. Я в них бывал крайне редко, а в Шукино и Пашках не помню – бывал ли!? Все они располагались на высоких террасах реки, на её противоположном берегу относительно нашей деревни Грудиново и даже зимний ледостав их практически не касался. Конечно же, очень запомнилась, проходящая в этих живописнейших местах по левому берегу Ангары, железнодорожная магистраль. Особую прелесть

этой магистрали создавало её географическое положение, заключающееся в том, что с одной стороны она извивалась вдоль крутых склонов достаточно изрезанного рельефа, а с другой – широко открывался изумительный вид на правобережную часть поймы Ангары, её многочисленные острова, протоки и на дальнюю панораму южной части Прибайкалья. Конечно же, весьма привлекательными были и мосты с прекрасной каменной кладкой, перекинутые через многочисленные, чаще всего бурные водотоки, спустившиеся с больших и малых расщелин.

Буквально на глазах изменялся ландшафт местности, когда приходилось проезжать по железной дороге от ст. Иркутск-пассажирский до ст. Байкал. Вначале от Иркутска до ст. Михалёво Ангара несла свои воды спокойно и величаво, а вот после Михалёво она постепенно ускоряла свой бег, островов в её пойме становилось все меньше и, приближаясь к истоку, скорость течения её значительно увеличивалась. Долина реки сужалась, склоны гор становились крутыми, а Шаман-камень, находящийся в истоках этой изумительной реки, в те времена выглядел значительно крупнее и солиднее, словно исполин, поднимающийся из глубин Байкала. Тогда, действительно, можно было поверить существующей легенде, что старик-Байкал бросил этот камень вслед убегающей красавицы-дочери к жениху – могучему Енисею. В наши дни, поскольку уровень озера Байкал из-за плотины Иркутской ГЭС несколько поднялся, этот камень, когда проезжаешь мимо, выглядит довольно скромно и прозаично.

Эти благодатные места имели свои прелести в любое время года. Осенью и весной пойма Ангары кишела от перелётных птиц, таких как утки, гуси, журавли, лебеди. Клёкот этого птичьего базара иногда продолжался несколько суток подряд – днём и ночью. Создавалось такое впечатление, что всё птицы в весенне-осенний перелёт старались непременно побывать в наших местах. Интересным, хотя и порою не безопасным, бывал зимний ледостав, об этом я расскажу несколько позднее. Ну, а о самом тёплом времени года и говорить не приходится. Это самая прекрасная пора, особенно для нашего короткого сибирского лета. Пожалуй, одно из значительных впечатлений на меня производило в те годы цветение реки в летнее время. К августу водная гладь реки становилась желто-зелёной и в приповерхностной её части скапливалось множество рыбы, обилие последней создавало эффект кипения воды. В такое время рыба ловилась на лю-

бую наживку. И всё-таки основным орудием лова рыбы тогда были сети и невод. Считалось, что ловля рыбы удочкой – баловство, праздное времяпровождение и разрешалось только детям. Конечно, занимались этим делом и те жители деревни, которые без особой охоты занимались крестьянским трудом. А мне в детстве очень нравилось ранней весной, как только Ангара освобождалась ото льда, ходить с рыболовецкой бригадой на ловлю хариуса неводом в этой реке. Вообще, рыбалка всегда мне доставляла больше радости, чем охота.

Должен сказать, что более всего в этих местах очень красиво было весной, когда расцветал багульник, а крутые склоны гор, покрытые этими кустарниковыми растениями иногда 2–3-метровой высоты, приобретали какой-то необычный почти фантастический бледно-розовый оттенок. Взгляд от такого видения было трудно оторвать. В эту пору здесь было умиротворённо и, я бы сказал, благостно. В весенне-летнее время в наших краях всегда была уйма полевых цветов самых разнообразных, большинство из которых (жарки, колокольчики и многие другие) и сейчас радуют глаз. Правда, некоторые из них в наши дни вряд ли где-то встретишь, такие как, например, красные кукушкины сапожки (из семейства орхидных), а тогда их было много, и эти редкие крупные цветки можно было найти без особого труда (лет тридцать тому назад такие цветы я находил в окрестностях Академгородка). Много меньше стало душистой жёлтой лилии. И, представьте себе, от этих благодатных, веками обжитых мест со своим немудрящим, но крайне необходимым в жизни скарбом, надо было куда-то переезжать всем людям, проживавшим ранее в этих прекрасных незабвенных уголках нашей матушки-земли.

В общих чертах история этого знаменательного события, связанного с переселением жителей, проживавших в долине Ангары выше города Иркутска, на новые места, на мой взгляд, своими корнями уходила ещё в довоенные времена. Между тем, вскоре после окончания Великой Отечественной войны, в августе 1947 году в Иркутске проходила Всесоюзная научная конференция по изучению производительных сил Иркутской области. Готовили конференцию академики И. П. Бардин и Л. Д. Шевяков. На конференции собрался весь цвет отечественной науки тех лет. Обсуждались многие проблемы, связанные с развитием Сибири и, в частности, много было дебатов о строи-

тельстве каскада ГЭС на реках Ангара и Енисей. По-видимому, это был главный толчок к решению советского правительства относительно строительства Иркутской ГЭС. Уже в последующие годы проводились достаточно активные инженерно-исследовательские работы, и вскоре после этого началось интенсивное строительство самой гидроэлектростанции.

На первый взгляд переселение на новые места проходило как будто бы спокойно и организованно, при непосредственном участии властных структур. Так, в администрации Иркутского района была создана оценочная комиссия, которая определяла стоимость каждого жилого дома и всех прилегающих к нему многочисленных построек и пристроек. Кроме того, на вновь отведенных участках производился надел земли под индивидуальное строительство домов, под хозяйственные постройки и огороды.

И, тем не менее, для населения это было чрезвычайно тяжелое бремя. Надо сказать, что при этом не обходилось и без дискриминации: членам колхоза земли под индивидуальное строительство выделялось значительно больше, чем, скажем, для бывших семей железнодорожников. А ведь жить-то они оставались в одинаковых условиях! А главное: оценочная комиссия, созданная администрацией Иркутского сельского района при Иркутском облисполкоме, проводила свою работу в значительной степени формально и, как правило, сильно занижала стоимость домов и всяческих пристроек и жилых сооружений. По-видимому, была такая установка: государственные интересы превыше всего. Так, например, два жилых добротных дома, амбар, баня, подвал, сеновал, колодезь и другие хозяйственные постройки у вдовы Анисьи Иннокентьевны Грудининой (нашей дальней родственницы, муж которой погиб на фронте) были оценены в 19 тысяч рублей в ценах 1951 года. Что такое 19 тысяч рублей в ценах тех лет? Новая автомашинка «Победа» тогда стоила 16 тысяч рублей, вот и судите сами: большие или малые деньги выплачивало государство жителям деревни за переселение на новое место жительства. Случались и неприятные казусы. Так, например, уж совсем смехотворную цену назначила комиссия за дом другой одинокой вдове весьма преклонного возраста – 7500 рублей. На такие деньги, конечно же, эта пожилая женщина не могла перевезти свой дом на отведённое ей новое место, в связи с этим остаток жизни баба Пана вынуждена была коротать у

добрых знакомых: бабу Пану на старости лет приютила на житье моя старшая сестра Анна Ивановна. Благо, что в те далёкие времена такие люди ещё находились.

Надо быть объективным и признаться, что наше государство никогда не утруждало себя заботами о сирых и убогих, хотя простой народ в те времена таких людей не оставлял в беде. По крайней мере, в деревнях в старое доброе время для них всегда находился тёплый угол и необходимый кусок хлеба. К большому сожалению, в настоящее время особенно туго приходится простому человеку, главному труженику государства всех времён. Именно простому народу, который больше всего в своё время трудился, особенно в тяжелые годы войны, а порою трудится и в наши дни, приходится думать о хлебе насущном, о том, как выжить в это непростое время. Например, в наше время формально государство вроде бы беспокоится о «тружениках тыла». Наделяет их какими-то льготами. На деле же получить это «звание» ох как не просто – необходимо пройти через огромное унижительное сито чиновничества. К тому же, надо иметь отменное здоровье, чтобы обойти эти многочисленные чиновничьи инстанции, но при хорошем здоровье можно обойтись и без этих мизерных подачек.

Именно отсутствие здоровья и материальных средств к более или менее сносному существованию, отсутствие приспособления к новым реалиям жизни привело к появлению в обществе многочисленного класса алкоголиков, наркоманов, бомжей, нищих и попрошаек. По этой же причине можно видеть множество пожилых людей, копошащихся в мусорных контейнерах, в надежде отыскать что-нибудь съестное. Я что-то не припомню, что бы такую картину в нашем городе можно было наблюдать даже в тяжелейшие послевоенные годы.

Необходимо заметить, что совсем в недалёком прошлом, в дореформенные времена, скромной пенсии хватало на вполне сносное существование, и даже была возможность съездить раз в году по льготному билету к своим родным и близким в любой регион нашей страны. Используя существующие в те годы для всех пенсионеров ежегодные льготы, моя сестра Нюра неоднократно ездила в гости к родственникам в Хабаровск, а затем и в Ачинск, где работал её сын. А сестра Мария, будучи на пенсии, отдыхала в Болгарии. Возможно ли всё это в наше время!? Теперь

обычный человек, а особенно пенсионер, стал «невъездной личностью», как считались некоторые граждане бывшего Союза.

В то время при строительстве домов на новом месте плотниками становились сами жители; строительных материалов никаких не предусматривалось, да и купить их было негде и не на что. Лес же, которого было в избытке рядом со строящимися домами, рубить категорически запрещалось. Хотя после возникновения Иркутского моря много строевой древесины погибло. Всё объясняется просто: ложе будущего водохранилища вовремя полностью не очистили от леса. При переезде жителей деревень на новые места лес бдительно охранялся властями, а законы тогда исполнялись в строгом их соответствии. Это в наше время в окрестностях той же деревни Новогрудино вырубаются огромные поляны, и никому до этого нет дела. А в то время некоторые дома и прилегающие к ним строения были уже старыми, и естественно, находились в весьма плачевном состоянии. Как выкручивались новосёлы одному Богу известно. Ведь порубка даже небольшого дерева для прясла или палисадника, не говоря уже о рубке строевого леса, без надлежащего на то разрешения, каралась сурово. Плохо было и с транспортом. Смешно сказать, на переселение деревни Грудиноно был выделен из соседнего колхоза деревни Хомутово... один старый трактор. В основном же жители обходились собственной тягловой силой да гужевым транспортом. Артельный способ, столь распространённый на древней Руси, очень пригодился и в те нелёгкие времена. Сообща или поодиночке люди переносили или перевозили на небольших тележках своё немудрящее, но крайне необходимое имущество.

Наиболее трудной оказалась осень 1954 года. К этому времени свыше было приказано полностью очистить территорию деревни Грудиноно. Тогда всё выполнялось беспрекословно. К поздней осени все дома деревни были перевезены на новое место. Но подавляющее большинство жителей, в связи с переездом, не успели выкопать картофель и собрать другие сельскохозяйственные культуры. Было очень тревожно – как пережить предстоящую зиму, тем более, что не было заготовлено и в достаточном количестве топлива. Наверное, такие трудности может преодолеть только русский мужик.

По-существу жизнь на новом месте надо было начинать заново. Большинство селян было пожилого возраста, мужчины мо-

лодого и среднего поколения далеко не все вернулись с фронта, а если и вернулись, то в большинстве случаев калеками. Поэтому переезд, который происходил вскоре после закончившейся войны, для жителей всех деревень лёг тяжёлым бременем и в основном на плечи пожилого поколения, ещё не отошедшего от тягот военных лет. Это переселение было не только трудным, но и мучительным. Люди перестали находить радости в жизни, были грустными и озабоченными предстоящими проблемами переселения. Некоторые из селян начали заниматься этим делом загодя. По настоящему же понять этот переезд на новое место жительства может только тот, кто сам испытал на себе это крайне тяжёлую и в моральном и физическом смысле перемену в жизни. Вряд ли эти переживания можно описать лучше, чем это сделал наш земляк-писатель Валентин Распутин в своей знаменитой повести «Прощание с Матёрой». Вместе с тем повесть В. Г. Распутина, насколько я знаю, была посвящена одной из деревень, расположенной в ложе будущего Братского водохранилища, образование которого происходило, по крайней мере, десятью годами позже возникновения Иркутского моря. И, конечно же, при строительстве Братской ГЭС в значительной степени учитывались те огрехи (и, наверное, ошибки, связанные с переселением), которые допускались при строительстве Иркутской ГЭС. Ведь последнюю гордо именовали «первенцем» Ангарского каскада ГЭС.

Вообще жители окрестных деревень и отдельных небольших поселений, расположенных в долине Ангары, в зоне будущего водохранилища, как правило, были знакомы между собой. Иногда, а это случалось обычно по большим престольным праздникам, некоторые из них бывали друг у друга в гостях. Случались и родственные связи. Например, хорошо помню, что моя бабушка Екатерина Александровна любила ходить в гости в Михалёво, там у нее жили сёстры, выданные замуж также как и бабушка из деревни Ерши за михалёвских парней. Иногда эти сёстры бывали у нас в гостях. Несмотря на то, что сёстры бабушки – Мария Александровна и Прасковья Александровна – на вид были весьма строгими старухами, мы, дети, радовались этому приходу дорогих гостей. Довольно распространённым явлением было сватовство между женихами и невестами соседних деревень. Обычно такие события часто заканчивалось свадьбами. Поэтому родственные и дружеские связи между соседними деревнями были довольно частыми, я бы сказал и более прочными, чем даже

близкие родственные связи в наши дни. Да и непосредственно жители одной деревни в большинстве случаев были дружны между собой. На мой взгляд, начавшаяся в 1941 году Великая отечественная война ещё более сплотила людей. В годы войны люди, не считаясь со временем, работали по 14-16 часов в сутки. Ведь в деревнях остались одни старики, женщины да дети. В те времена эти люди всячески поддерживали друг друга, а чем-то и помогали. Деревенские жители всегда откликались на различные пожертвования и сборы, связанные с войной, хотя сами в те тяжёлые годы едва-едва сводили концы с концами

Правда в конце войны и после её окончания народ стал не таким собранным, упала дисциплина, наблюдалось падение нравов, особенно среди молодёжи, не побывавшей на войне. В послевоенные годы широкое распространение, особенно среди мужского населения, получила матерщина. Нецензурной бранью иногда грешили и молодые женщины. Некоторые деревенские девицы начали, как говорила моя бабушка, «вольничать»: сквернословили, грубили родителям, вели разгульный образ жизни, что приводило людей старшего поколения в смятение. Следствием чего случались трагические события: несколько девиц в нашей деревне умерли от подпольных абортов. Но дети и подростки, как правило, за матерные словечки строго наказывались. Подавляющее большинство семей в деревне и в эти времена дисциплину блюли. В основном же, селяне оставались между собой дружными, были заботливы и внимательны друг к другу, не случайно во время намечающихся перемен, связанных со строительством Иркутской ГЭС, а соответственно и с переездом на новые места, селяне совместно обсуждали надвигающиеся на них сложные проблемы. Переезды на новые, как правило, осуществляли совместно, и это давало им дополнительные силы. Новых соседей выбирали сами новосёлы, обычно по принципу родственников или дружеских отношений. К сожалению, в настоящее время в силу ряда обстоятельств такие отношения практически исчезли, да и старожилов в новой деревне почти не осталось. С переездом на новое место полностью исчез тот давний и симпатичный облик старой деревни и её патриархальный быт.

Жизнь старой деревни, существование которой закончилось в середине пятидесятых годов прошлого столетия, отличалась относительной тишиной и спокойствием. Мужское население занималось сельским хозяйством и рыболовством в организо-

ванном ещё с довоенных времён колхозе или работало на железной дороге. В летнюю пору на улице деревни было особенно тихо и пустынно – в такое время все жители, и взрослое и подрастающее поколение, были заняты посадкой овощей, заготовкой дров, сена и уборкой урожая. Хорошо запомнились приятные песнопения возвращавшихся с работы колхозниц. Народные песни тогда любили петь и пели с большой охотой даже в самые трудные военные времена. Большим событием для жителей старой деревни было увидеть на её улице первую грузовую автомашину. Легкового автомобиля в старой деревне, по-моему, не было. А какой большой переполох вызвало появление в первые послевоенные годы старенького, выдавшего вида, американского виллиса, который в зимнюю пору прикатил в деревню по льду через Ангару из Патрон! Сейчас и не вспомнишь – зачем и каким ветром его занесло в нашу деревушку.

Должен сказать, что облик старой деревни, который у меня остался в памяти до сей поры, ничего не имеет общего с ныне существующей деревней НовоГрудиного. В наши дни это современное неряшливое поселение и деревней-то назвать язык не поворачивается. Это – что-то среднее между дачным кооперативом и селом, построенное из старых деревенских изб, в окружении которых стоят как «бояре» новые кирпичные дома с претензией на стиль ампир. Все эти старые и новые строения почти по всему периметру селения окружены многочисленными кучами разного строительного хлама и мусора, до которого, как ни горько это осознавать, никому нет никакого дела, хотя совершенно убеждён, что всё это сделали новые жители «новой» деревни. Более того, кучи мусора разбросаны по всему прилегающему к деревне лесному массиву и по дорогам. Такого удручающего зрелища в старой деревне невозможно было даже и представить. По-видимому, это объясняется вседозволенностью теперешних времен, а также и тем, что местных жителей в этом селении почти не осталось. Ведь постоянно в деревне сейчас живут случайные люди или пенсионеры, подавляющее большинство которых имеют городские квартиры, и им нет никакого дела, что творится за их заборами. Впрочем, в городе-то ситуация не многим лучше. Посмотрите, например, местность вокруг построенных коттеджей, в окрестностях Академгородка. Здесь везде около заборов разбросаны многочисленные мешки с бытовым мусором. А сколько бытового мусора находится вдоль дороги, ведущей к

дачным кооперативам района «Мельничная падь». Да и в других пригородных районах дела обстоят отнюдь не лучшим образом.

В окрестностях теперешней деревни Новогрудино, на берегу Иркутского водохранилища, всё ещё сохранилось немало достаточно привлекательных мест отдыха, таких как Прямая падь, Ключ, Семёниха и некоторых других. В этих прелестных местах летом, особенно в выходные и праздничные дни, бывает так много народу, что, как говорится, негде и яблоку упасть – так много любителей позагорать и искупаться. Но это, по сути дела, места отдыха, где загорают, купаются, развлекаются, время от времени занимаются рыбалкой, а к осени и охотой, приезжающих на выходные дни или в отпуск иркутян. Эти отдыхающие особенно много после себя оставляют мусора, погубленных деревьев и кустарников, а также не затушенных кострищ, от которых в наши дни чаще всего и возникают многочисленные лесные пожары.

Старая деревня довоенных времён, на мой взгляд, была более компактной, люди в ней жили дружнее и основательнее, знали и понимали все житейские трудности друг друга, труд был их главным занятием, поэтому с большим презрением они относились к лентяям и пьяницам. Вместе с тем весной, когда у этих презренных людей заканчивались овощи и когда эти безвольные люди вынуждены отправлять по дворам своих детей попрошайничать, большинство селян подавали бедным ребятишкам милостыню – кто краюху хлеба, кто капусты, кто картошки, а в праздничные дни могли угостить и горячими пирожками.

В большинстве случаев селяне уважали друг друга, и, что важно, очень бережно хранили всё, что их окружало. Ласково и заботливо относились ко всей домашней живности, особенно к лошадям, коровам, собакам и кошкам. К сожалению, лошадей иметь после коллективизации не разрешалось, а коров можно было держать не более двух. Интересно, что собаки содержались только на дворе, и в дом им заходить категорически запрещалось. И лишь в самую суровую зимнюю стужу некоторые сердобольные хозяева пускали своих питомцев согреться в сени.

Деревенские жители умели ценить всё, что им давала природа. С большим нетерпением и радостью жители деревни ждали весной прилёта птиц: жаворонков, стрижей, ласточек, трясогузок (последних в деревне почему-то называли плишками). К стрижам и ласточкам было особое трепетное отношение. Эти птицы

вили свои многочисленные гнёзда обычно под навесом в каждом дворе, в некоторых из них количество гнезд достигало десятка и более, что вызывало особую гордость у хозяев таких деревенских усадеб. Птицы были как бы частью того или иного хозяйства. Детям строго наказывали не трогать в гнёздах отложенных яиц. Также строго указывалось, чтобы дети не беспокоили в гнёздах выведенных птенцов. На улице и во дворах всегда было чисто, по крайней мере, в сухое время года. В засушливое время следили за лесом; не допускали, чтобы возникали пожары, а если таковые и случались (очень редко!), то тушить шли всей деревней без особого на то напоминания. Лес охраняли как зеницу ока. Ведь он для деревенских жителей был и топливом, и местом охоты, и сбора ягод и грибов.

Вблизи старой деревни, за посковиной было немало уютных и прелестных лужаек, таких как Варварин лесик (небольшая берёзовая роща, расположенная между деревней и железной дорогой), Лога (черёмуховые заросли на восточной окраине деревни), Подогородная, Мочилище (старица протоки, где селяне замачивали коноплю). Все эти места были любимейшим местом разнообразных игр, купания или сбора ягод для многочисленной деревенской детворы. Таких приметных мест было много и в отдалении от деревни, где селяне заготавливали сено и дрова, а некоторые из них в таких местах с успехом занимались и охотой. Это, прежде всего, небольшие речки и ручьи левобережной части реки Ангары, такие как Курма, Каллей, Картакой, Мельничное болото. Только Мельничное болото почему-то в настоящее время стали называть рабочий посёлок Мельничная падь. А ведь Мельничная падь всего-навсего небольшой распадок в водосборной части Мельничного болота. Таких распадков в названных водотоках очень много. Но кто в наше время помнит, где находится падь Сидориха или Федотиха, Климова или Сосуча, Бричалова или Анофриская подушка?! А ведь там были когда-то отличные сенокосные угодья, которые являлись, возможно, единственным предметом спора местных жителей по поводу того, кому из них и где косить сено или заниматься заготовкой дров. Но подобные споры возникали только после коллективизации, а до этого эпохального события всё было строго распределено между селянами. Именно окрестности этих падей были массовым местом сбора ягод и грибов для взрослого населения. Во всех окрестных лесах водилось много глухарей и рябчиков.

Этих птиц можно и сейчас встретить здесь, хотя, конечно, значительно реже. А в те годы эти места были очень хороши и для осенней загонной охоты на коз. Такая охота для определённой части мужского населения деревни была обычным прагматичным занятием – добычей дикого мяса, тогда как для нас, 13–15 летних подростков, которых брали взрослые охотники как загонщиков, это было чрезвычайно увлекательно. В загоне часто можно было увидеть дикую козу, лису, зайца, а уж про разную дичь типа глухаря, тетерева, рябчика и говорить не приходится. Невероятно интересно! Не обходилось и без конфузов, когда кто-то из загонщиков уходил в другую сторону, его приходилось «отлавливать» и вся охота уходила насмарку. В этом случае домой возвращались с пустыми руками и, конечно, в плохом состоянии духа. Но так бывало крайне редко. С падью Сидорихой у меня остались самые светлые и тёплые воспоминания. Дело в том, что в предвоенные и военные годы наша семья в этой пади заготавливала сено. Иногда мы с папой оставались ночевать. Ведь до старой деревни, наверное, было не меньше часа ходу. В наши дни в этой пади давно уже никто не косит траву, и она практически заросла молодым лесом и кустарником.

Следует, пожалуй, хотя бы очень коротко остановиться на транспортных связях деревни с окружающим её миром в то время. До коллективизации в деревне практически в каждом дворе имелась хотя бы пара лошадей, которые и являлись основной тягловой силой как в повседневной работе крестьян, так и при поездках в другие населённые пункты, в том числе, при помощи этих милых животных осуществлялась связь и с городом Иркутском. С городом связывала деревню просёлочная дорога, о которой я упоминал выше. Другая, так называемая «казённая дорога» проходила на том же месте, как и в наши дни. Для автотранспорта она стала пригодной только в девяностые годы двадцатого столетия, хотя дорога, проходящая по водоразделу Ангары и Каи, с давних пор громко именовалась «Московским трактом».

Другим не менее важным средством передвижения был водный транспорт по Ангаре и её протокам и заводям. Ведь крестьяне вода окружала со всех сторон. По воде транспортировали дрова, сено. На воде занимались рыбной ловлей и охотой. Причём основным средством передвижения была лёгкая лодка под названием стружок. Такая лодка выдалбливалась из толстой осины, которая затем тщательно высушивалась, а днище её обильно

смолилось. Сейчас подобных лодок не делают, а тогда они были, как говорится, «и беда и выручка»; вплоть до того, что их иногда использовали как «скорую помощь». Так, например, в своё время рожать меня мою маму отвозили в роддом Иркутска именно на стружке. На этом лёгком судёнышке также возили в город рыбу на продажу. Правда, обратный ход, вверх по Ангаре, был достаточно утомительным и довольно трудным и, не скрою, таил в себе определённые опасности при передвижении на перекатах, особенно для людей малоопытных. Чтобы добраться из Иркутска до Грудиного, необходимо было подняться вверх против течения довольно стремительной Ангары около тридцати километров, стоя в такой весьма неустойчивой «посудине» и постоянно толкая её шестом, а затем ещё и надо было переправиться на противоположный берег. Подобный способ передвижения вверх по реке назывался «шеститься». Все деревенские жители, от мало до велика, кто в хозяйстве имел такие лодки, отлично владели таким способом передвижения по реке. Ну, а наиболее ловкие и смелые мужики на стружках, посредством сплава рыболовных сетей, занимались отловом хариуса, ленка и даже тайменя, но таких мужиков в деревне было немного, и к ним деревенские жители относились крайне уважительно. Этот способ рыбалки достаточно опасен и бывали случаи, когда он заканчивался трагически.

Подобная рыбалка заключалась в следующем. Прежде всего, необходимо было иметь соответствующий инвентарь: хорошую лодку-стружок со специальным веслом, шест, набор сетей, две тонких верёвки и наплав (специальное приспособление из досок сухого дерева для устойчивого положения движущейся по течению реки сети). Обычно такая рыбалка проводилась на наиболее быстрых участках основного течения реки и в тёмное время суток. В полнолуние подобной рыбалкой не занимались. В первую очередь в воду отпускался наплав с привязанной к нему верёвкой, затем погружалась в воду привязанная к наплаву сеть. К сети снова – верёвка, конец которой придерживает одной рукой рыбак, а другой – старается веслом выдерживать направление движущейся по течению водного потока сети. Повторяю, такая рыбалка весьма опасна, требует большой ловкости и сноровки, и далеко не каждый решался на подобный способ ловли рыбы в нашей деревне.

Интересно отметить, что в старой деревне было разделение всех селян на низовских и верховских. Не скрою, что среди молодёжи и особенно подростков бывали потасовки, особенно между низовскими и верховскими ребятами. Но жаловаться родителям никому не приходило в голову, а если кто и посмеет это сделать, то получал подзатыльники чаще всего сам. Обычно в таких случаях родители редко выступали в роли защитников своих чад. Это не принято было. Воспитание детей было достаточно строгим и суровым, особенно в довоенные годы, но большинство родителей стремилось обучать детей в начальной и даже средней школе, а некоторые из них пытались дать своим детям и даже высшее образование. Но на такую привилегию мог рассчитывать только сильный пол. Были это, как правило, единичные случаи. После окончания Великой отечественной войны уже больше детей училось в средней школе, а многие деревенские парни и девушки поступали в техникумы и даже в вузы и, как правило, их успешно заканчивали. Дети селян небольшой деревни Грудинино, а также их внуки и правнуки в послевоенные и последующие годы получили довольно разнообразные профессии: юриста, педагога, врача, военнотружущих, художника, экономиста, геолога, строителя, энергетика и многих других.

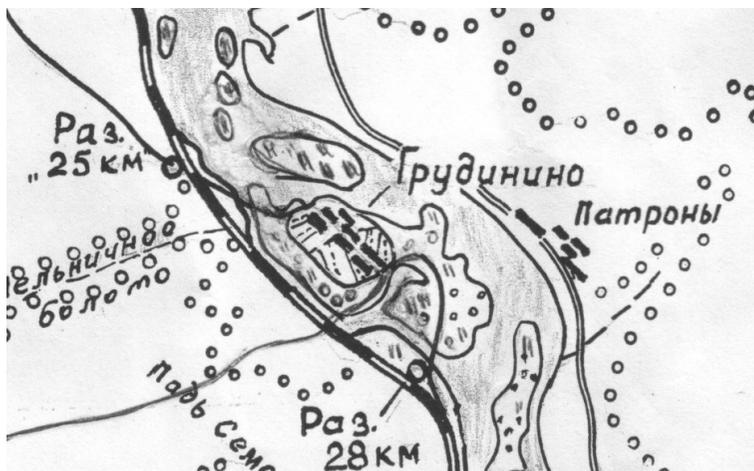
Большинство жителей старой деревни до тридцатых годов прошлого столетия имело фамилию Грудинины, что даёт основание предполагать о давнем родстве почти всех жителей этого селения. Скорей всего именно по этой причине чаще всего семейными узами традиционно связывались пары из соседних деревень. В настоящее время в Новогрудинино постоянных жителей с такой фамилией почти не осталось, разве, что только среди дачников, являющихся потомками бывших жителей старой деревни. Поскольку дома и приусадебные участки в старой деревне находились непосредственно в пойменной части долины Ангары, то и земли, в прилегающих к домам огородах, были значительно плодороднее. Именно в пойменной части колхозники выращивали, как правило, богатые урожаи картофеля, капусты, моркови. До сих пор перед глазами стоят возы моркови, которую готовили колхозники на рынок в город Иркутск ещё в довоенные годы. К началу войны автору этих строк было всего двенадцать лет, поэтому события, связанные с теми далёкими временами в большей части стерлись из памяти. Но отдельные фрагменты из жизни моих дорогих родных и близких все-таки запомнились, и

я по мере возможности постараюсь напрячь память и описать их. Я думаю, что кому-то все-таки интересно будет знать: как жили эти люди в довоенные и послевоенные годы, чем они занимались, как воспитывали своих детей, как общались между собой и как проводили свой досуг. Всё это я попытаюсь показать на жизни жителей нашей деревни Грудиново и, в частности, на жизни нашей довольно многочисленной семьи, её близких родственников, соседей и добрых знакомых, с которыми более всего общалось наше семейство. Тем более что деятельность, взаимоотношения, общения людей того времени сильно отличались от таковых в наши дни. Отношения людей основывалось на взаимопонимании, взаимовыручке, на дружелюбии и доброте.

Деревня моя...

Деревня Грудиново была расположена на одном из живописнейших островов в надпойменной части долины Ангары. Она находилась примерно в 10–12 км на юго-восток от современной плотины Иркутской ГЭС и была огорожена поскотиной. На дне этого водохранилища покоятся останки и других близлежащих деревень, о которых я коротко писал выше. Село Ерши, которое было расположено, также как и деревня Грудиново, на левом берегу реки Ангары, примерно в восьми километрах ниже по течению, было родиной моей бабушки Екатерины Александровны Грудиновой, в девичестве Саловаровой. А в существующем и поныне довольно крупном селении городского типа Марково (в довоенные годы на этом месте располагалась небольшая деревушка с одноименным названием), которая находится под Иркутском, родилась моя мама, а папа был родом из Грудиново. В деревне Марково родители моего отца Екатерина Александровна и Мефодий Ильич высватали маму, наперекор другому грудининскому жениху, который за неё сватался ранее и пришёлся не по душе невесте. Есть основания предполагать, что мои родители были знакомы ещё до свадьбы. По крайней мере, как утверждает

один из моих племянников, что как будто бы ему рассказывала бабушка, что сватать её приезжали, как было принято в те годы, поздней осенью. А несколько раньше летом того же года папа и мама познакомились на ярмарочных гуляньях, которые проходили в Иркутске. Так это было или иначе – сейчас уже никто не скажет.

*Родители мамы: бабушка Акулина и дедушка Афанасий с сыном Алексеем.
Снимок сделан примерно в 1910 году*

Мне представляется, что брак моих родителей оказался удачным. Насколько я помню себя, мама и папа, несмотря на тяжёлый крестьянский труд и постоянные житейские невзгоды, всегда жили в дружбе и согласии. Лично мне не припоминается,

что бы между ними были какие-либо серьёзные ссоры, размолвки или скандалы, в доме всегда было спокойно и уютно. И в деревне к нашей семье все относились приветливо и уважительно. Оба родителя были и в очень хороших отношениях со своими зятьями. И тому были, на мой взгляд, веские основания. Какие бы ни были недоразумения между моими сёстрами и их мужьями, мои родители никогда не принимали сторону дочерей и в их семейные дела не вмешивались. Жалобы обиженных дочерей на поведение своих мужей строго пресекались: вы сами выбирали мужей – вы и решайте, как жить дальше. В это трудно поверить, но это так. Все четыре зятя, по-моему, исключительно по родственному относились к маме и папе, а также к их близким родственникам. Помню, как в далёком детстве я сломал велосипед Иннокентия Гавриловича, мужа старшей сестры Нюры. Очень боялся показаться ему на глаза, но к моему удивлению и радости, он отнёсся к этому довольно спокойно. Даже не отругал меня как следует. А ведь в те годы эта вещь была не дешёвая. Иннокентий Гаврилович был вообще человеком очень уравновешенным, основательным и весьма уважаемым в деревне. Долгие годы он был председателем местного колхоза. Да и о других зятях у меня остались самые тёплые воспоминания. Словом, с зятьями у меня и у других моих многочисленных родственников были чрезвычайно доверительные, по-настоящему родственные отношения: все они были приветливыми и хлебосольными. Особенно душевно и ласково относился ко всем нам и к своим многочисленным племянникам муж сестры Лиды, Фёдор Меркурьевич Попков, всех он любил одаривать подарками, детям покупал конфеты, пряники, фрукты.

Надо сказать, что характер у моего отца был не простой, хотя от природы он был человеком добрым, отзывчивым и заботливым. Вместе с тем он мог по какому-то чаще всего не очень значительному поводу вспылить, но мама, будучи человеком спокойным, терпеливым и уравновешенным, умела его в такие минуты как-то быстро охладить и успокоить. По-моему, основной защитой против таких вспышек у мамы было не выяснять отношений и меньше всего реагировать на то, что папа начинает сердиться. Папа никогда не занимался рукоприкладством не только по отношению к маме, но и к своим детям. Правда, бывали случаи, когда он сильно ругался и даже грозился побить, но

до этого, насколько я помню, никогда не доходило. А вот с другой его слабостью она за все годы их совместного проживания так и не могла справиться, а, может быть, особенно и не стремилась к этому. Иногда случалось, что папа мог «угоститься» у кого-то из деревенских жителей, и тогда он считал своим долгом обязательно привести в дом своих «благодетелей», а по пути и прихватить встречных «друзей». Обычно в таких случаях мама говорила: «Вон отец опять ведёт гостей со всех волостей! Надо идти собирать на стол». Вступив в дом, папа громогласно и повелительно приказывал: «Афанасьевна, принимай дорогих гостей!». И мама без разговоров и какой-либо суеты начинала собирать угощение и выпивку. И так было всегда. Приятно вспомнить, что в нашем большом деревенском доме было всегда многолюдно, уютно и спокойно, часто кто-то заходил из соседей или родственников, велись неспешные житейские беседы, при этом родители всех, кто к нам заходил, старались угостить хотя бы чаем.

Я не ошибусь, если скажу: мои родители относились друг к другу с пониманием и весьма уважительно и не случайно незадолго до своей кончины, когда папы уже много лет не было в живых, в одной из частых бесед со своим малолетним внуком (моим племянником) Славой Недельским, мама ему поведала: «Мы с твоим дедом Иваном нашу долгую жизнь прожили, как песню пропели». Такие замечательные слова пожилого человека очень многого и дорогого стоят. Ведь прожили они вместе больше полувека и прожили, как оказалось, в любви и полном согласии. Я как-то не задумывался в детстве о взаимоотношениях моих родителей. Тогда мне казалось, что так и должно быть, так все и живут. Как выяснилось много позднее – это было мое глубокое заблуждение. До меня и тогда доходили слухи, что в некоторых семьях бывают ссоры и даже часто случаются побои.

Есть основания предполагать, что значительная часть населения старой деревни была преимущественно переселенцами с Дона (именно, по-видимому, поэтому большинство селян этой деревни называли *чалдонами* – человек с Дона). Такая версия, на мой взгляд, находит подтверждение в том, что говор жителей старой деревни, особенно пожилых людей, очень сильно был сродни говору жителей донских станиц, которых так блистательно описал великий русский писатель двадцатого века Миха-

ил Шолохов в своих рассказах и знаменитых романах «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Это такие слова, как «ись», «ишо», «надысь», «ковды», «лихоманка», «комуха трясучая» и многие другие, которыми так часто пользовались жители и нашей деревни и станиц «Тихого Дона»?!

В разговорном общении старой деревни было множество слов, которые в наше время вряд ли где-то можно услышать. Возможно, они также применялись жителями донских станиц? Для примера приведу некоторые теперь почти и не употребляемые слова, подобранные мною вместе с Павлом Николаевичем Грудининым, моим двоюродным братом. Вот эти слова: *комуха* (что-то вроде чертовщины, применяемое обычно с прилагательным «трясучая»), *ломоть* (кусок хлеба), *приженик* (пирожок, испечённый в сковородке на углях в русской печи), *лопоть* (всякого рода подстилка для ночлега, чаще всего старая ватная одежда), *сутунок* (короткое толстое бревно), *вечёр* (вчера), *каубыть* (может быть), *покедова* (пока, до свиданья), *тут* (в смысле здесь), *здесьяка* (здесь), *назём* (навоз), *краснолапая* (дикая утка-кряква), *покать* (склон горы), *помётка* (один сплав рыбацкой сети на Ангаре), *падера* (сильная метель или сильный холодный ветер с дождём), *рёлка* (возвышенное место на болоте, торфяник), *шивера* (небольшой перекат в протоке реки), *морсовик* (самец-хариус во время нереста), *изоган* (телёнок-первогодок у дикой косули), *осердие* (внутренние органы забитой скотины или убитого зверя), *матёрый* (чаще всего в смысле большой зверь или крупная рыба), *тетева* (длинная тонкая верёвка для соединения полотна сети), *подсуворник* (посадка полотна сети к тетеве), *рушать* (не в смысле смолоть зерно, а нарезать хлеба). Большинство из этих слов вряд ли можно найти в словарях Даля, Бархударова, Ожегова или Ушакова.

Конечно же, этим перечнем сейчас мало употребляемых слов не ограничивалось общение селян. Некоторые отдельные ёмкие слова определяли характер того или другого человека. Например, про некоторых людей (чаще всего это касалось женщин) говорили, что она «вечно близирничает», то есть прикидывается больной, немощной или бедной. На самом же деле эта особа вполне здорова и живёт в достатке. В деревне всё это было трудно утаить, все жили друг у друга, как говорили, на виду. И даже дома не закрывались на замок.

Наверное, как и во всякой другой деревне, нашим селянам также давались порою очень меткие прозвища. Многие из этих прозвищ даже трудно было объяснить и расшифровать, а между тем такие названия обычно «приклеивались» к тому или иному человеку на долгие годы, а то и на всю жизнь. Я, например, помню такие прозвища, как *бордалий*, *комрак*, *кучум*, *сакай*, *бабай*, *мёрзлый*, *баржа*, *коротель*, *чехман*, *карапет*. Баржой, например, в нашей деревне прозвали одну из самых габаритных женщин, а другая женщина, имеющая небольшой рост, но была достаточно полна – её прозвали коротель, а один из деревенских мужиков очень маленького роста получил прозвище карапет.

Как мне представляется, многие вполне литературные слова «родились» в российской деревне. Да и само слово *деревня* произошло от слова *дерево*, то есть дом, сделанный из дерева. Грустно сознавать, что это понятие в настоящее время имеет какое-то уничижительное значение. Такие слова, как *стол*, *лучина*, *дранка* имеют чисто деревенское происхождение. Известно, что такие слова как *престол*, *столица* произошли от слова *стол*. А вот значение слова *дранка* или *драница*, по-моему, не все смогут разъяснить. Между тем, и в наше время ещё остались дома, кровля которых покрыта дранкой (в деревне говорили – драница или во множественном числе драньё). Драницу, подобно лучине, путём простейшего приспособления отщепляли (драли) из круглого крупного дерева. Да что говорить! Слово *земля* имеет старославянское происхождение, означает – пол, низ.

Много, как и, наверное, во всяком другом селении, в нашей деревне было разного рода примет. Особенно много примет было про погоду, наверное, потому, что от нее многое зависело: виды на урожай, рыбалка и охота. Так, если ласточки и стрижи низко летают над землёй – быть дождю. Если же эти же птицы летают высоко в небе – к вёдру. Вдруг к середине дня или к вечеру закукарекал петух – к перемене погоды. Низко стелется дым – жди дождя, а вот если дым поднимается свечёй вверх – будет ясная погода. Солнце садится в облака – к плохой погоде. Таких примет было очень много и надо сказать, что большинство из них сбывалось. Народные приметы были главной составляющей в жизни людей. Прогноз погоды давался по «закату или восходу». На основании народных примет готовились к севу зерновых или к сенокосной поре и уборке урожая.

В старой деревне любили петь старинные казачьи песни – «По Дону гуляет...», «На диком берегу Иртыша...» «По диким степям Забайкалья...» и многие другие. Не исключено также, что выходцами здешних мест были и первые русские землепроходцы, осевшие в этих краях и взявшие в жёны местных красавиц из бурят или эвенков. Ведь не случайно в обличии многих сибиряков хорошо просматриваются черты восточных народностей. Другая часть жителей этого села переехала, по-видимому, сюда из средней России или восточной Украины, за это их прозвали кацапами и хохлами. Обрусевших украинцев в Сибири с давних пор было много. Последние переселенцы из средней России в деревне появились уже при советской власти, в тридцатых годах прошлого столетия, когда происходило поголовное раскулачивание более или менее зажиточных местных крестьян. Таких крестьян ссылали в «места не столь отдалённые», а в их дома селили вновь приехавших из средней или центральной части страны новосёлов. В те годы в нашу деревню приехало на житьё несколько семей из Курской и Воронежской областей. Эти семьи были расселены как раз в дома ранее раскулаченных и высланных из деревни крестьян. Немало в наших краях было, по-видимому, и беглых крестьян ещё с далёких царских времён. Не потому ли так часто напевали мои земляки известную народную песню:

*Там далеко в стране Иркутской,
Между гор и крутых скал,
Обнесён стеной высокой
Александровский централ...*

Учитывая масштабы нашей страны, её географическое положение и большое количество национальностей, можно предполагать, что, в наших российских генах, где бы мы ни проживали – в центральной России или на Урале, на Дальнем Востоке или в Сибири, с давних пор намешано множество рас и этносов. В этом, наверное, и заключаются обычаи, привычки и самобытность российского многонационального государства и его народа. Эта самобытность вырабатывалась многими веками, и избавиться от нее в одночасье, как нас теперь призывают некоторые горячие головы – «жить как все», вряд ли возможно и надо ли нам это делать вообще!? Может, именно этим наш народ и силён.

И, по моему глубокому убеждению, не следует кичиться тем, что ты русский или татарин, бурят или эвенк. Важно совсем другое – надо всегда помнить, что не в национальности дело, а в том, что сплочённость и сила российского народа как раз тем и определялась и определяется, что этот народ вобрал в себя из каждой проживающей в стране нации самое лучшее и стал одним из замечательных сообществ в мире. Эту самобытность и своеобразие нашего государства, как мне представляется, следует всячески сохранять. Именно силу и сплочённость нашего народа как раз и подтвердила Великая отечественная война. Лично я очень горжусь, бывая в других местах нашей или в другой какой-либо стране, когда меня называют сибиряком. Не правда ли, что такое определение и ёмкое, и звучное, и значительное?! Полагаю, что именно у сибиряков в настоящее время осталось больше всего той самобытности, которая свойственна российскому народу, если хотите этносу.

В нашей деревне, по сведениям летописца, на средства крестьян в 1884 году была построена часовня с алтарем, преосвященная в церковь во имя Михаила Архангела. «Её приписали – как пишет И. В. Калинина – к Николаевской церкви села Кузьминское. К этому событию в 1912 году был произведён капитальный ремонт часовни: подведён фундамент, сделаны новые печи, иконостас и выполнены другие наружные и внутренние работы. Освящение приписной церкви состоялось 3 июля 1913 года. После её закрытия в 1930-е годы в храме устроили клуб. Здание не сохранилось» (Из книги И. В. Калининой. Православные храмы Иркутской епархии. М., 2000). При строительстве Иркутской ГЭС это здание как клуб было перенесено в Новогрудинино, а впоследствии его сожгли в девяностых годах двадцатого столетия случайные люди. В этой церкви меня крестили, я даже смутно помню, как в этом же храме, будучи совсем маленьким, я принимал причащение, при этом батюшка поил меня из ложечки каким-то сладким напитком (вином).

Из воспоминаний раннего детства опишу ещё один, в какой-то степени, курьёзный эпизод. Наверное, теперь мало кто помнит, что в тридцатых годах прошлого столетия новогодняя ёлка была под запретом. Однако в нашем доме в деревне ёлку наряжали, правда, самодельными игрушками и дешёвыми карамельками в обёртке. В очередной новый год нарядили ёлку, постави-

ли её в углу большой комнаты на табуретку. Под ёлкой поставили самодельного деда мороза и домик, внутри которого стояла настоящая свеча. Несколько свечей водрузили на ветках ёлки. Ёлка и украшения были укутаны «снегом» (ватой). Когда зажигали свечи, то для меня, четырёх или пятилетнего малыша, всё это казалось сказкой. Уже после наступления нового года из гостей вернулась домой моя бабушка (скорей всего она гостила у сестёр в Михалёво). Бабушка эту ёлку ещё не видела. Мне не терпелось её удивить и порадовать. Я втихомолку взял спички и так же тихо пробрался в «залу» (так в деревне называли большую комнату), чтобы зажечь на ёлке свечи. Я не успел поднести зажжённую спичку к свече, как вата мгновенно вспыхнула. Моя попытка погасить загоревшуюся ёлку руками не увенчалась успехом, и я тут же стремглав убежал в соседнюю комнату и спрятался под кровать. Ёлку мгновенно потушили, естественно, разрушив всю красоту, а меня с обгоревшими руками и пузырями на пальцах выволокли из-под кровати. Мне этот «новогодний огонь» запомнился на всю жизнь.

Ещё в довоенные годы на месте некоторых старых изб, пришедших в негодность из-за их ветхости, были построены новые дома. Надо полагать, что возраст деревни Грудиного был, по видимому, достаточно солидный и исчислялся, по крайней мере, не менее чем двумя столетиями. По крайней мере, не исключено, что первые поселения в деревне Грудиного следует отнести ко времени основания Иркутска. Ещё в детстве один из долгожителей деревни, Пётр Андреевич Черкашин, мне рассказывал, что в ближайшем заливе (мы его называли курьей), на северо-западной окраине деревни, когда-то строили первые корабли для судоходства по реке Ангаре. Насколько эти сведения верны – я не берусь судить, но и не верить этому уважаемому человеку я не могу. А к Петру Андреевичу Черкашину я ещё вернусь.

Все жители нашей деревни занимались преимущественно сельским хозяйством, а некоторые из них также охотой и рыболовством. Они сеяли рожь, пшеницу, ячмень, овёс и коноплю, сажали картофель, капусту, редьку и морковь. Странно, что теперь конопля оказалась вредным растением. Насколько я помню, это растение специально высевали, и оно было совершенно необходимо в крестьянском хозяйстве, а мы, ребяташки, любили лакомиться вкусными семенами этого растения, и никто из нас

не стал наркоманом. Из семян конопли делали вкусное и душистое растительное масло, а из снопов самого растения после тщательного вымачивания и довольно простой обработки на специально оборудованных самодельных станках получали тонкую и мягкую пряжу, из которой вили верёвки для разных хозяйственных нужд. Спутанные отходы от пряжи (пакля) применялись и при строительстве домов для их утепления. Конопляная пакля была совершенно незаменимым утеплителем при строительстве домов в суровых сибирских условиях. А тонкие длинные нити, полученные из этого очень высокого растения и пропитанные дёгтем, широко использовались при пошиве ичигов, а также при починке обуви.

Мои родители, – папа Иван Мефодьевич и мама Ольга Афанасьевна, были большими тружениками: в молодые годы (до организации колхоза в деревне) они также занимались сельским хозяйством, держали скотину. В середине двадцатых годов большая семья, которой управляла моя бабушка Екатерина Александровна, разделилась на три семьи, о чём поведаю ниже. В начале тридцатых годов, когда в стране повсеместно организовывались колхозы, отец не записался в колхоз, а стал работать путевым обходчиком на железной дороге, а мама же продолжала заниматься сельским хозяйством, помогая колхозу выращивать овощи и выпекать для колхозников хлеб. На работу путевым обходчиком у папы уходило примерно 10 часов ежедневно. Кроме того, необходимо было в надлежащем порядке содержать достаточно обширное домашнее хозяйство: запастись сеном для скота и заготовить дрова на зиму. Помимо этого, папа много времени уделял ещё и своему любимому делу – рыбалке, занятию отнюдь не праздному, а очень, как я уже писал, тяжёлому и опасному. Рыбалка на стремительной Ангаре с сетями требует определённой сноровки, опыта и умения, а главное большой любви к этому не простому делу. Особенно такой способ рыбалки был трудоёмким и опасным в предзимье, когда намерзали большие забереги, и лодку вверх по Ангаре на 3–4 км приходилось транспортировать на тележке или на санках, чтобы можно было сплавляться вниз по реке и делать помётки. К тому же, осенью и зимой отец с увлечением занимался охотничьим промыслом: добывал колонка, белку, иногда лису. Бывали случаи, правда крайне редкие, когда семья лакобилась мясом дикого кабана или сохатого. Кро-

ме того, рыбалка и охота приносили определённый доход в бюджет семьи, так как большая часть рыбы и дичи продавалась. Зимой вся семья, включая и бабушку, вязала сети, а в мои обязанности входила починка сетей летом – после очередной папиной рыбалки. А когда началась Великая Отечественная война, отец как непригодный для фронта по возрасту – ему в начале войны шел 54-й год – больше чем когда-либо, помимо основной работы и других хозяйственных дел, занимался рыбалкой и охотой. Он также старался помочь близким: заготавливал сено для детей своего младшего брата, дяди Сани, ушедшего на фронт, и всячески помогал обездоленным женщинам деревни, оставшимся без мужей с малолетними детьми. При этом и мне приходилось участвовать в этой помощи.

Я не помню, чтобы родители позволяли себе передохнуть, разве только по большим престольным праздникам, когда собирались небольшими деревенскими компаниями. «Гулянки», как их называли мои родители и их ближайшие друзья, проходили ещё в довоенные времена. Подготовка к подобным празднествам начиналась значительно раньше и весьма основательно.

К большим праздникам, как Рождество Христово, Пасха, Троица, в доме наводили особый порядок. Мыли окна и двери, скребли пол, белили и красили потолки, оклеивали новыми обоями стены. В день праздника обязательно заводили большую стряпню. Дети в первый день Рождества рано утром ещё до рассвета ходили «Славить Христа». У нас в деревне не принято было называть этот обычай колядованием или распевать колядки. Не было такого обычая, по крайней мере, в нашей деревне. «Славить Христа» ходили чаще всего к своим родственникам или близким друзьям родителей: обычно подавали мелкую монетку или вкусный пирожок (мы больше предпочитали монету – пирожок и дома есть). Почти всегда в эти дни после обедни к нам приходил батюшка. Отслужив в церкви молебен, оставался у нас отобедать. Интересно, что после обеда папа и батюшка часто вели какие-то бесконечные беседы, для меня тогда совсем непонятные и неинтересные. Помню, когда уже прошло более двух десятилетий после этих бесед, в 1956 году, в день похорон моего родителя, этот священник приходил его отпевать. Это отпевание тогда на меня произвело впечатление, хотя в те годы подобная служба была большой редкостью.

Мама, папа, сёстры Мария, Катя (стоит) и я. 1951 год.

Сестра Нюра. Снимок 1975 года.

Брат Кеша. Снимок 1981 года.

Сестра Лиды. Снимок 1938 года.

К праздничным дням в старой деревне готовилось много вкусной еды: пекли пироги, булочки, тарочки (небольшие сладкие булочки с вареньем в углублении), коптили рыбу, жарили котлеты. В детстве я обожал котлеты с макаронами (это для меня было любимое блюдо). А ещё очень любил, когда мама в такие праздники «наверхосытку» подавала компот из сухофруктов. В обычные же дни пища была достаточно простая, но сытная: много ели рыбы (преимущественно хариуса и ленка), картошки и капусты. Заготавливали много грибов (чаще всего груздей) и ягод. Мясом питались главным образом зимой. Сахар был большим лакомством, и пользовались только сахарным рафинадом. Его раскалывали на мелкие кусочки и потчевали только гостей, когда подавали чай. Летом часто варили квас и кулагу. Кулага это – киселеобразный напиток, изготовленный из чёрствого ржаного заквашенного хлеба, предварительно подсушенного в русской печи. Получались плоские сухие лепёшки (их называли солодниками), которые заливались кипятком, тщательно разме-

шивались и варились также в русской печи. Затем всё это охлаждалось в погребе, сдабривалось брусникой или клюквой, и получался достаточно вкусный сладковатый напиток, наподобие киселя, который хорошо утолял жажду в летнюю пору.

Поздней осенью, как правило, забивали скотину и домашнюю птицу. Наш дом был расположен на самом краю деревни и относительно недалеко от достаточно большого залива, и мы всегда держали большую стаю домашних уток. В рацион питания семьи, особенно осенью и реже весной, входило немало дичи, которую добывал папа, а потом и я. Перед большими праздниками деревенские жители неукоснительно, особенно пожилые люди, соблюдали посты. В такие дни, а некоторые посты, например, Великий пост перед Пасхой, продолжался семь недель, полностью отказывались от мясных и молочных блюд; бывали особые дни, когда пища, например, перед Пасхой и Рождеством Христовым вообще не принималась. Исполнение христианских обрядов или церковных правил, таких как посты, хождение в храм, моление Богу, причащение и других для тогдашних крестьян было нормой. Думаю, что именно по этой причине, несмотря на почти полную безграмотность, они были людьми высоко нравственными и жили в согласии с самими собою. С удовлетворением можно отметить, что в наше время восстанавливаются многие храмы, как будто бы вновь стало много верующих в Бога людей, но я никак не могу понять: как в преддверии такого праздника как Рождество Христово по указу наших властей люди с упоением занимаются чревоугодием. Я имею в виду встречу Нового года. Католиков можно понять: у них начались рождественские каникулы. Но наше-то Рождество ещё не пришло. В конце концов, ведь ещё грядёт великий сочельник! Или мы теперь живем по указке!? Разве рождественские святки отменяются? В святки-то и принято веселиться, ходить ряжеными друг к другу в гости и заниматься другими увеселениями, как это делали наши совсем недалёкие предки.

Мои родители, как, впрочем, и большинство жителей старой деревни, были людьми очень набожными. В первый день праздников мама и бабушка, когда в начале тридцатых годов в деревенской церкви ещё бывали службы, обязательно ходили к заутрене и к обедне. И лишь на второй день могли позволить себе ходить в гости друг к другу. Празднества обычно начина-

лись у нас. Папа был хлебосольным и доброжелательным хозяином и любил собирать гостей. А, может быть, так происходило ещё и потому, что гости собирались у нас в первую очередь, мой отец из всей компании был самым старшим по возрасту. Мама тоже очень любила принимать и угощать гостей. И хотя она была человеком бережливым, но считала своим долгом обязательно напоить хотя бы чаем соседа или даже мало знакомого случайно зашедшего прохожего. И когда, много лет спустя, проживая с мамой в городе, я ей иногда говорил, что у нее в холодильнике есть что-то вкусненькое, она отвечала: «Что ты сынок, а вдруг какой человек зайдёт?!» Ведь тогда купить «что-то вкусненькое» не так-то просто было. На всякий случай у мамы всегда было что-то припасено. И в этом отношении рассказ о пребывании во Франции моего хорошего друга – Валентины Михайловны Климановой, меня особенно удивил и поразил, а сама Валентина Михайловна все оставшиеся дни пребывания в этой стране, по-моему, находилась в шоковом состоянии, как человек исключительно хлебосольный и в высшей степени гостеприимный. Насколько я помню, Валю наградили какой-то особой профсоюзной туристической бесплатной (может быть, за небольшую плату – за полную стоимость она бы не поехала – ей никогда бы не собрать таких денег) путёвкой с проживанием во французских семьях или в небольших частных пансионатах. И вот, когда Валя появилась в одном из таких заведений, оказалось, что там готовятся к обеду или ужину, точно не помню. Извиняясь, хозяйка ей объявила, что её не могут пригласить к столу, так как обед для неё ещё не предусмотрен. Мне и сейчас это не понять: как это возможно. Как можно пустить человека на ночлег и не накормить. Однако вернёмся к деревенской жизни.

Деревенская же праздничная компания моих родителей была почти всегда одна и та же, и собиралось обычно 8–10 человек. Все относились друг к другу доброжелательно и уважительно. Ссор и тем более потасовок не бывало. Не помню, чтобы в компании допускались нецензурные и матерные выражения, молодежь за такие деяния осуждалась, а дети и подростки наказывались. Не дай бог, если в этом была уличена женщина или ещё хуже молодница – её считали падшей и презирали. Взрослое население в деревне было либо неграмотным, либо малограмотным, но воспитание детей было достаточно строгим: детям наказыва-

ли при встрече обязательно здороваться со всеми встречными взрослыми дядями и тётями. В присутствии взрослых не разрешалось громко кричать и смеяться, а также не разрешалось ввязываться в их разговор, если к ним не обращались. Большинство мужчин курило табак, но не могу припомнить, чтобы курили женщины. Все эти негласные правила исполнялись достаточно строго.

На званый обед или ужин гости собирались чинно и, я бы сказал, как-то торжественно. В таких случаях обычно почему-то приглашать гостей всегда поручалось бабушке: она любила это занятие и проводила эту процедуру с большим удовольствием и загодя, обходя предварительно всех приглашаемых, при этом строго наказывала приходить в назначенный час. Пришедшие в гости женщины обычно при встрече кланялись друг другу, а мужчины здоровались за руку. Обращались друг к другу чаще всего по отчеству. При праздничных встречах в компаниях вначале, как и положено, обсуждались житейские дела. Мужчины обычно обсуждали хозяйственные проблемы, связанные с заготовкой сена и дров, а также рыбалкой и охотой. При мужских беседах женщины в обсуждении любых тем не принимали участия. Это было не принято. Для женщин более интересным были вопросы, связанные с видом на урожай в огородах, кто сколько запас ягод, грибов. Затем начиналось застолье с угощениями и выпивкой, а потом пели народные песни. Запевалами были чаще всего очаровательные Дарья Николаевна и Семен Алексеевич Грудинины – наши дальние родственники или однофамильцы, я точно не знаю. Активно помогал им Иннокентий Гаврилович Чувашов – муж моей сестры Нюры – она была старше меня на 22 года. Словом собирались родственные души, которые и в обычные дни всегда могли помочь друг другу материально и морально. Обычно дядя Коля (муж папиной сестры – тётки Глаши) в таких случаях обращался к маме со словами: «Афанасьевна, начинай нашу любимую!» И мама негромко начинала:

Я у маменьки выросла в неге.
 Не видала кручинушки злой.
 Той счастливой девической доле
 Позавидовал мне друг лихой.

И не раз и не два, как бывало,
 Приходилось всю ночь напролёт

У окошечка милого ждала.
Всё казалось, что милый идет.

Вот и жду я его, не дождуся,
Видно, милый не любит меня.
Не видала такого милого
Ни во сне. Наяву. Никогда.

Очи карие бойко глядели
На меня из-под черных бровей,
Они выпытать что-то хотели,
Что в душе затаилось моей.

Допытали они и узнали,
Что моя затаила душа
И из дома родного милого
Я, как малый ребенок, ушла.

И не думала, я не гадала,
Что любви моей скоро конец;
Знать, постылою милому стала,
Он с другою пошёл под венец.

Не красую, а пышным нарядом
Приманила богачка его,
Приманила большую казною,
Много взял он за нею всего.

Для меня теперь солнце не светит.
Для меня теперь тёмная ночь.
Жди не жди, а его не дождешься,
Плачь, не плачь, а его не вернешь.

Потом обязательно пели «По Муромской дорожке...», «Хасбулат удалой...», «По диким степям Забайкалья», не забывали и папину любимую песню:

Из-за острова на стрежень,
На простор седой волны,
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны...

Затем компания уходила к кому-то другому, третьему и так, как они говорили, «гуляли» до поздней ночи. А утром снова за работу... Но подобные хождения друг к другу в послевоенные годы, по моему, уже не практиковались или бывали очень редкими. Да и компанией-то как таковой уже собирались значи-

тельно реже. По-видимому, на настроении людей сказалась проблема будущего переселения на новые места жительства, связанного с предстоящим строительством гидроэлектростанции.

Петь в нашей семье любили. Брат, например, обожал репертуар Александра Вертинского и мог часами, с гитарой в руках, исполнять его песни. У меня до сих пор сохранились в памяти слова многих романсов этого певца и композитора, которые напевал брат – «Матросы мне пели про остров, где растёт голубой тюльпан...», «У меня родились ангелята...», «Я маленькая балерина...» и другие. В послевоенные годы, по моему в 1956 году, в Иркутск с гастролями приезжал Александр Вертинский. Мы все дружно ходили на его концерт и также дружно решили, что Кеша исполняет эти романсы ничуть не хуже самого Вертинского. Конечно, это было преувеличением. Но надо отдать должное, что у Кеши был очень хороший слух и приятный тенор, мы с удовольствием его слушали. С особой охотой он исполнял романсы Вадима Козина, Изабеллы Юрьевой. Эта известная эстрадная певица пленила его ещё в Ленинграде, когда он там учился в Индустриальном институте. Он сам себе аккомпанировал на гитаре. Нюра любила мамину песню, а Мария часто напевала свою любимую – «Расцвела под окошком белоснежная вишня», у Кати любимой была – «На позицию девушка провожала бойца», а её супруг – Иван Иванович – всегда начинал: «Там, вдали, за рекой...». Сестра Лида обычно запевала:

Поздней осенней порою
Выйду я в сад погулять,
Ночка ещё не настала,
Стану я милого ждать...

Детей в нашей семье было шестеро: четыре сестры и два брата. С большим уважением и, я бы сказал, с почитанием родители относились к родственникам, независимо от степени родства и их состоятельности, навещали друг друга, оказывали при необходимости и по возможности посильную помощь. Как и мои родители, все мы были довольно общительными. С молодых лет у каждого из нас было много хороших друзей и добрых знакомых.

Старшую сестру *Нюру* рано выдали замуж, ещё задолго до моего рождения, но жила она на другом конце этой же деревни.

В детстве я к ней часто бегал: она была необычайно приветливой и доброй. Когда бы я у нее ни бывал, Нюра старалась меня приласкать и обязательно чем-нибудь вкусеньким угостить. Эти черты характера – быть доброй и приветливой – у Нюры сохранилась навсегда. Спустя многие десятилетия, когда мамы уже не было, Нюра для меня оставалась человеком чрезвычайно родным и близким как мама.

Следующей по возрасту была *Лида*. Она рано, как говорила мама, «вылетела из родного гнезда». Лида мало жила дома, она у нас была «путешественницей»: то жила в Иркутске в «няньках», то в малоизвестном населённом пункте – прииске Ципикан, то вдруг оказывалась в Сретенске, перед войной она даже жила в Смоленске, а ещё не закончилась война, она уехала с мужем в Якутск. В деревне она, по-видимому, не выдержала сверхтяжелого крестьянского труда – с восьми лет её поставили за плуг пахать землю. Из взрослых мужчин в семье был только папа, а закончивший в 1936 году школу брат Кеша, уехал учиться в Ленинград. Не потому ли Лида так рано ушла из жизни – в 53 года? Но мы все друг друга любили. Перед самым началом войны она вернулась в Иркутск с мужем Фёдором Попковым. В ту предвоенную зиму в нашем деревенском доме было постоянное веселье. Лида с Фёдей привезли патефон, который крутили почти круглые сутки, собирая всю деревенскую молодёжь в наш просторный дом. Тогда этот патефон, наверное, был единственным во всей деревне. Мне, кажется, Лида с Фёдей тогда привезли в деревню какую-то свежую струю в обыденную повседневность деревенской жизни. В дни пребывания Лиды и Феди в деревне, в доме у нас пели уже новые, только что появившиеся тогда песни, такие как «Катюша», «Спят курганы тёмные...». Скорей всего Лида с Фёдей их и привезли. Особенно в довоенные годы мне запомнилась песня, по-моему, в исполнении незабвенного Марка Бернеса:

В далёкий край товарищ улетает,
За ним родные ветры вслед летят,
Любимый город в синей дымке тает,
Знакомый дом, зелёный сад и нежный взгляд...

Лида и Федя решили обосноваться в Иркутске. Федя был хорошим столяром, в городе он быстро нашел работу и жилье. Словом, всё шло как нельзя лучше. Однако летом того же года

началась война, и Фёдор Меркурьевич Попков ушёл на фронт, а возвратился только после ранения весной 1943 года. Лида и Федя очень любили друг друга. Было видно, как они трогательно и заботливо относились друг к другу. Папа и мама очень радовались этому. Правда, папа, глядя на их воркование, часто добродушно над ними подшучивал. Так, иногда Лида, отмахиваясь от Федя, бросала: «Фу, противный!», то папа живо подхватывал: «Да, «противный», как нищему гривна!»

С пятого класса я учился в Иркутске, и мы вместе с сестрой Катей жили у Лиды в затоне. Она для нас была всем – и мамой, и воспитательницей, и кормилицей. Вспоминается первое сентября 1941 года. В тот день Лида повела меня в школу, так как города я почти не знал. Учиться я начал в 42-средней школе, которую пятью годами раньше закончил и мой брат (в наши дни в этом здании находится 36-й железнодорожный лицей). Я робел, для меня деревенского мальчишки школа и класс представились чем-то необычайно огромным и непостижимым. В этом здании мне на первых порах было как-то даже страшновато. К тому же, в тот день мы ещё и опоздали. Но на первом же уроке русского языка, который вела Клавдия Евсеевна Сазонова, я сумел отличиться, правильно ответив – где находится Днепровская ГЭС и, что это – гидротехническое сооружение, вырабатывающее электроэнергию. Почему-то городские школьники на этот вопрос не могли ответить. Что было мне на руку и очень помогло в дальнейшем общении с одноклассниками. В те очень трудные военные годы Лида часто приносила из заводской столовой какую-то жижуху под названием суп-лапша, что-то где-то доставала, с кем-то договаривалась относительно топлива, решала другие важные житейские проблемы – время было крайне тяжелое. Лида у нас была исключительно добрым и удивительно доверчивым человеком. К ней также все относились весьма доброжелательно и приветливо. Да и для нее все люди без исключения были честными и порядочными, а если с нею кто-то и поступал иногда несправедливо или обманывал – она легко прощала, считая, что это всё по недоразумению.

Из всех сестер самой здравомыслящей, рассудительной, мудрой и, пожалуй, более чем кто-либо из нашей семьи практичной была *Мария*. В военные годы она с семьей жила около ст. Подарвиха, на разъезде «47 км.», недалеко от Байкала, и вела

там, на мой взгляд, успешно своё хозяйство, при этом работала вместе с мужем в местном магазине. В гости к Марии мы с сестрой Катей любили ездить. Благо, что поезд ходил туда каждый день. А мы, как дети железнодорожника, имели бесплатный проезд. Нашему приезду Мария всегда была рада и с удовольствием нас вкусно и сытно кормила. Ведь в хозяйстве её были коровы, свиньи, птица. А её муж Семён был очень хорошим рыбаком. Я и сейчас с особым удовольствием вспоминаю те места, где Ангара была стремительной или, например, падь Змеиную, в которой всегда было много земляники. Таких земляничных полян я больше нигде и не видывал. Разве что много лет спустя, будучи в экспедиции, я что-то подобное встречал в Еловском отроге Восточного Саяна, примыкающего к Тункинской долине.

С *Катей* мы жили почти всегда вместе или недалеко друг от друга. Сёстры с большим вниманием относились друг к другу, часто общались. Помню, как у Нюры в трехлетнем возрасте заболел сын Гоша менингитом. Она долго с ним лежала в больнице, сёстры всячески ей помогали. Несколько месяцев после больницы Гоше необходимо было проходить медицинские процедуры в Иркутске. Эти обязанности добровольно взяли на себя Лида и Катя, поскольку Нюра жила в деревне Грудиново, и у неё там было много хлопот по хозяйству. Катя очень любила свою семью, братьев и сестёр, а также многочисленных племянников и племянниц.

Семья наша была дружная, хотя у сестер уже были свои семьи, они всегда помогали родителям по хозяйству: по уборке сена и картофеля. Помогали подготовить дом к праздникам. И вообще мы все любили собираться «дома», даже когда жили в Иркутске. Родители у нас были очень заботливыми и любящими. Папа был более сдержанным, но всё равно было видно, как он, например, сильно переживал, когда не было долго писем от Кешы с фронта. Когда мама особенно о ком-то печалилась, и я ей говорил, что она кого-то из сестер или брата любит больше чем меня, то на это она почему-то с грустью мне отвечала: «Мне вас всех жалко!». Должен сказать, что у мамы не было привычки, да и времени сюсюкаться со своими детьми, но я точно знал, что всех она очень любила и сильно переживала за каждого из нас. Хорошо помню тот день, когда хоронили сестру Лиду, она скон-

чалась за три года до смерти мамы, с мамой было так плохо, что мы очень тогда боялись её потерять.

При организации колхоза отец отказался вступить в колхоз и, сразу же после общего собрания жителей деревни, устроился путевым обходчиком на железную дорогу, как я уже писал ранее. Тогда некоторые деревенские жители стали говорить, что не захотел Иван Сивку с Кауркой отдавать в колхоз – ведь у соседа Митрия даже худой коровёнки не было. Наотрез отказался вступать в колхоз и дядя Коля, также пошёл работать путевым обходчиком на железную дорогу. В колхоз шли, действительно, без всякого энтузиазма и чаще всего те, которые не имели, как говорится, ни кола, ни двора. А имеющих в нашей семье коней всё-таки заставили сдать в колхоз. Впрочем, в личных хозяйствах тогда запрещалось иметь этих нужных животных и всем остальным колхозникам и не колхозникам. В то время зажиточных крестьян раскулачивали и без всяких разговоров ссылали почему-то в Тайшетский район. Вспоминается далёкое детство, когда несколько дней, может быть, неделю или больше мамы не было дома, и я очень сильно по ней тосковал. А мама с тётёй Анисьей ездили навещать сосланного в этот район дедушку Галактиона (отца тёти Анисьи), который так там и скончался – ему не разрешили выехать в родную деревню, даже когда он был уже глухим стариком.

В детстве я всё удивлялся: почему у нас вместо ворот была загородка из тонких жердей?! Позднее мне объяснили, что если мы поставим ворота – нас обязательно раскулачат и выселят из деревни. Этой страшной кары все очень боялись. По той же причине был продан амбар. Долгое время не строили баню, также боясь раскулачивания. Раскулачивание было страшнее любого стихийного бедствия – пожара или наводнения. После пожаров и наводнений можно было как-то восстановить порушенное хозяйство, а после раскулачивания людей ссылали, и на прежнее место жительства уже, насколько я помню, никто не возвращался. Свой кров был больше чем основой любой крестьянской семьи. А ведь жили-то далеко не богато. На железной же дороге, куда папа поступил на работу, была хотя и весьма скромная, но постоянная зарплата на которую, при имеющемся подсобном хозяйстве, можно было сносно существовать. И всё-таки семья едва-едва сводила концы с концами, особенно в те годы, когда в

Ленинград после окончания средней школы уехал учиться в Индустриальный институт мой брат *Кеша*. Он всегда учился только на отлично, и после окончания девятого класса 42-й железнодорожной школы города Иркутска группу школьников-отличников, в порядке вознаграждения «за отличные успехи и примерное поведение» возили на экскурсию в Ленинград. Мы все знали, что его пленил этот город, поэтому после окончания он захотел учиться только в Ленинграде. К большому сожалению, закончить Кеше этот институт было не суждено – помешала война.

В довоенные, и особенно в военные, да и в послевоенные годы жители деревни работали очень много. Крестьянской работы всегда было невпроворот. К тому же необходимо было продать излишки сельскохозяйственных продуктов, а также рыбу и добытую дичь в городе на рынке. Сейчас приходится только удивляться, как мама могла носить такие тяжеленные мешки с бидонами молока на плечах и в руках огромные корзины, наполненные рыбой, в город. А ведь за все это выручались жалкие гроши, на которые можно было купить немного растительного масла, сахара, крупы для пропитания семьи. А ездить в город приходилось на пассажирском поезде под названием «Ученик». Этот поезд рано утром и вечером делал остановки на несколько секунд на разъезде «25 км» и следовал в Иркутск, а вечером шёл в обратном направлении. До разъезда надо было идти не менее двух километров, да и по городу-то ходили преимущественно пешком. До сих пор явственно сохранился в моей памяти случай, когда мы с мамой опоздали на этот поезд, она лишь подержалась за поручень последнего вагона уходящего поезда. Конечно, виной этого опоздания был я, увязавшись за мамой. А маме всю эту тяжелейшую ношу надо было нести обратно в деревню. Насколько я помню, в те годы общественный транспорт и в городе-то ограничивался одним автобусным маршрутом, который связывал железнодорожный вокзал с Маратовским предместьем.

Еще совсем ребёнком, как я уже отмечал выше, нередко летом упрашивал маму взять меня в город. Вообще я обожал маму и в детстве «гонялся» за нею повсюду. А поехать с мамой в город – предел мечтаний! Помощник-то я никакой, а обузой был изрядной. И все-таки иногда мне удавалось уговорить мою родительницу взять меня с собой в город. В городе меня, прежде все-

го, поражал своими размерами и красотой строящийся мост через реку Ангару. Когда я взирал на него с небольшого деревянного понтона при моем тогдашнем маленьком росте, мне казалось, что это строящаяся громадина висит где-то в небесах. Конечно, в городе мне было любопытно поглазеть на огромные, как мне тогда казалось, каменные дома по улицам Карла Маркса и Ленина. Потом мне интересно было побывать у «старух», так мама называла своих клиенток – известных преподавателей музыки в городе – Москалевых и Балабиных, которым она продавала (как она говорила – «носила») молоко, рыбу, дичь. В этой квартире я получал первые и единственные в своей жизни «уроки» музыки: почти всегда из-за полуоткрытых дверей комнаты была слышна приятная игра кого-то на фортепиано. Потом нас здесь обязательно поили чаем и угощали вкусными булочками или печеньем. А затем мы с мамой шли к преподавателям университета Нагорным. Там к нам относились также доброжелательно и любезно. Мне очень нравилось, как разговаривали эти городские «тётеньки». Маму они называли Ольга Афанасьевна, были очень любезными не только с нею, но и со мной. Интересно, что много лет спустя, я подружился с Владимиром Нагорных, а мама Володи – Евдокия Никитична Нагорная – преподавала мне химию на геологическом факультете Иркутского университета. На рынок ходил я с большой неохотой. Мне казалось, что там было невероятно шумно и бестолково, а больше всего мне не нравилось, что там было грязно и много мух. Мне очень нравились маленькие тележки с навесом, в которых по городу развозили мороженое. А ещё я любил небольшие палатки на каждом углу в центре города, в которых продавали газированную воду с сиропом. Мама обязательно мне покупала эти лакомства. Уже тогда город меня покорило, мне нравилось ходить по деревянным тротуарам, я с восторгом взирал на большие кирпичные дома и особенно широкие мощённую бульжником улицу Ленина и выложенную деревянными кубиками улицу Карла Маркса. Например, первым запомнился с детства дом на Степана Разина – главпочтамт. Как-то так случилось, что меня рано ещё до школы научили читать, поэтому когда я в детстве с мамой бывал в городе с большим удовольствием читал названия улиц и при этом недоумевал, что мама эти улицы называла по-своему – улица 5-ой Армии у неё почему-то «Троицкая», улица Марата – «Луго-

вая», а улица Степана Разина – «Почтамтская». И уж совсем мне не нравилось, что такую красивую улицу как Карла Маркса (хотя и сам-то не понимал смысла этих названий) мама небрежно называла «Большой». Обращение к ней за разъяснением мне ничего определённого не давало, так как она знала только старые названия улиц, а новых для неё вообще не существовало – читать-то она не умела, зато считала отлично. Именно с тех далёких времён я очень полюбил этот город и много позднее где бы ни бывал, куда бы ни заносила меня судьба, я возвращаюсь в него с большим нетерпением, огромной любовью и радостью, встречаюсь как с добрым и старым другом.

Возвращаясь к деревенской жизни, следует отметить, что молоко в доме в довоенные годы почти не пили – либо продавали, либо сдавали государству в счет госпоставок за содержание коровы. За содержание одной коровы ежегодно надо было сдать государству 220 литров молока, можно было взамен сдать десять или двенадцать килограммов сливочного масла, точно я не помню. Почему-то считалось сдавать масло выгоднее, чем молоко, поэтому продавали молоко и покупали в магазине сливочное масло и сдавали. Мама хотя формально и не была колхозницей, но очень много в нём работала: высаживала рассаду капусты, поливала и собирала овощи, сгребала сено и очень часто пекла хлеб для колхозников, которые сами просили её об этом. У нас в доме была самая большая в деревне русская печь, да и по выпечке хлеба мама была большая мастерица. До сих пор невозможно забыть те хлеба – огромные до 5-6 кг весом ковриги с румяной корочкой и необычайно душистые. Когда эти ковриги отвозили в колхозный склад, то на всю деревню разносился приятный хлебный аромат.

Много работали не только взрослые. К суровому крестьянскому труду рано приучались и дети, особенно в летнее, свободное от учебы время. А уж когда началась Великая Отечественная война – трудились все: и стар, и млад. Мне, например, летом приходилось работать по хозяйству – обрабатывать огород, заготавливать дрова на зиму с семилетним племянником Олегом (сыном Марии), который время от времени прятался в кустах – не детское это дело пилить толстые бревна, выловленные на Ангаре. В те годы по Ангаре сплавлялись плоты строевого леса. Некоторые бревна из этих плотов отцеплялись и застревали в

протоках или на опечках (отмелях в русле реки). Их-то мы и собирали на дрова и другие хозяйственные нужды. Ведь частных лошадей, как я уже писал, уже не было после организации колхозов. Затем наступала заготовка сена, а в июле я и мои сверстники выезжали на дальние покосы в долину реки Олы (правого притока реки Курма) помогать колхозу косить и сгребать сено для колхозного скота. Эту тяжелую сельскохозяйственную работу выполняли тогда женщины, дети да старики. Так что в наши летние каникулы, особенно в военное время, отдыхать практически было некогда. Даже в школе, с восьмого класса, нас с первого сентября до середины октября отправляли в колхоз на копку картофеля или выполнять какие-либо другие сельскохозяйственные работы. Если поездки школьным классом в колхоз на месяц или полтора оставили из-за недоедания только тягостные воспоминания, то выезды с колхозниками на дальние покосы были желанными: там кормили значительно лучше, а на красивых склонах гор в долине речки Олы было много разных ягод – голубики, смородины, малины.

В военные годы в летне-осенний период папу и дядю Колю (он тоже был путевым обходчиком), руководство железной дороги освобождало от основной работы и направляло на заготовку рыбы. Они были лучшими рыбаками в деревне, а мы с Павлом, сыном дяди Коли, моим одногодком, иногда вместе, а чаще порознь отвозили выловленную рыбу в Патроны, где находился приемный пункт. Между прочим не такое уж это было безопасное занятие для 13–14-летних мальчишек переплывать через Ангару на лёгком стружке.

1942-й год в нашей деревне, а, наверное, и в стране в целом, был невероятно трудным. К весне у многих жителей закончился картофель – основной хлеб селян, а позарез надо было уже делать весенние посадки. В тот год многие деревенские жители ездили в Тулунский район за семенным картофелем, на что уходили последние сбережения и более или менее пригодные для носки вещи. Чаще всего происходил натуральный обмен, денег не брали, поскольку они были обесценены. Почти все жители деревни, особенно дети и старики в ту весну, пока поля были не вспаханы, собирали оставшиеся колоски злаков, на огородах – прошлогоднюю картошку, всё это очищалось, отмывалось и шло в пищу.

С фронта приходили невесёлые вести – наши части с начала войны постепенно сдавали врагу такие крупные и важные в военном отношении города, как Одессу, Харьков, Севастополь, Ростов, Киев, Минск, Смоленск и другие. В кольце блокады оказался город Ленинград. Мы, дети, быстро выросли. Под Ленинградом воевал мой брат Кеша. Было невероятно тяжело, работали со стиснутыми зубами, но верой в победу. Все с напряжением ждали, когда же союзники откроют второй фронт. А союзники не очень-то спешили: вялая война у них шла в Северной Африке, происходили разного рода стычки американских военных кораблей с японскими судами в Тихом океане. Пожалуй, японцы в ту войну американцам больше всего и досаждали.

Во Второй мировой войне простых людей больше восхищало поведение югославского народа, который в Европе оказался, пожалуй, единственным, кто не смирился с режимом гитлеризма, и с самого начала оккупации повёл партизанскую войну с немцами. В конце концов, летом 1944 года, когда практически нашими войсками страна была очищена от фашистов и судьба войны была предreshена – союзники таки высадили десант на берегах Франции. Очень хорошо помню, как по этому поводу весело шутили грудининские старики: «Ага, испугались америкашки, а то, глядишь, наши солдаты проскочат всю Европу и к дележу американцев не подпустят!» В этих мудрых словах простых людей была большая доля правды! И уж совсем недоумение вызвали у жителей деревни американские атомные бомбы, сброшенные на японские города – Хиросиму и Нагасаки, когда война практически закончилась. У русских есть такая пословица: лежачего – не бьют. А вот американцы били. Много позднее всем стало ясно – зачем и с какой целью проводились эти устрашающие маневры с большими человеческими жертвами. К сожалению, нынешние западные политики мало чем отличаются от политиков тех далёких лет. Неудивительно, что в некоторых средствах массовой информации западной прессы в наши дни делаются такие безосновательные заявления, что якобы победу во Второй мировой войне 1941–1945 годов и освобождение Европы от фашизма принесли американцы. «Подавляющее большинство американцев уверено, что именно США в союзе с Британией одержали победу над Германией во второй мировой войне», – так пишет писатель Дмитрий Крылов в Литературной газете, № 18, 2006 год, в статье

«Учебник – оружие политики». Близкой точки зрения придерживаются и некоторые диссиденты типа В. Б. Резуна, сбежавшего в 1978 году в Великобританию, и сейчас пишущий под псевдонимом Виктор Суворов. Этот, с позволения сказать политический деятель, пишет: «Вторая мировая война была проиграна. Сталин это знал. И все его ближайшие соратники знали и понимали. И всем коммунистам не было причины танцевать и смеяться» (Суворов В. Последняя республика. М., 2006. с. 22). А вот весь советский народ по поводу Великого Дня Победы танцевал, смеялся и очень радовался! Мы, тогда совсем ещё молодое поколение, хорошо этот день запомнили.

Вместе с тем надо быть объективным и оценить ту огромную поддержку, которую оказали нашей стране США во время войны, поставляя военное снаряжение и продовольствие по «ленд-лизу». Правда, надо думать, что и здесь американцы больше заботились о своей безопасности. Большая политика несколько не меняется и в наши дни... Ведь, если мне память не изменяет, помогали-то они Советскому Союзу только до августа 1945 года, а когда убедились, что им ничего и никто не грозит – всякая помощь была немедленно прекращена.

В семье я был самый младший. Две старшие сестры – Нюра и Лида, как я уже писал, до моего рождения были уже замужем. Вскоре, ещё задолго до начала Отечественной войны, вышла замуж и сестра Мария за деревенского парня – Бубликова Семёна Михайловича. Мои родители не очень-то одобряли этот выбор и не давали своего согласия на брак, но Мария была человеком решительным и самовольно, когда папа был на работе, а маму подружки сестры позвали якобы к больной тётке Глаше, собрала свои пожитки и ушла в семью Бубликовых. Этот случай я хорошо помню, хотя мне было тогда не более пяти лет. Мария меня усердно кормила кашей и угощала халвой, полакомиться которой я очень любил, а в это время деревенские парни уносили сундук с её «приданым». Правда, через небольшой промежуток времени Мария вернулась домой, но уже с мужем и маленьким сыном. А в 1940 году она с семей уехала на разъезд «47-й км», расположенный между железнодорожными станциями Михалёво и Байкал, о чём я уже упоминал выше.

Росли мы в основном с сестрой Катей, а старший брат Кеша, уехавший учиться в Ленинград, после начавшейся Великой оте-

чественной войны, с пятого курса ушел добровольцем на фронт. Довоенное время, когда брат учился в Ленинграде, для нашей семьи было особенно трудным – ведь ежемесячно необходимо было посылать Кеше хотя бы мизерную. Отлично помню те времена, когда мы бывали с мамой в городе, и как она скрупулёзно отсчитывала каждую копейку, что бы сделать Кеше небольшой денежный перевод в Ленинград.

Мои детские годы проходили в деревне, в обществе моих сверстников. Особенно большая дружба связывала меня с двоюродным братом Павлом, сыном дяди Коли и тётки Глаши (тётя Глаша была родной сестрой моего папы). Мы с Павлом много времени проводили вместе: в одно время учились в начальной школе, играли, часто вместе бывали на охоте и рыбалке. Рыбалка и охота были особо любимыми для нас занятиями. Да и сейчас я довольно часто общаюсь с Павлом Николаевичем, мне с ним всегда интересно. Мы и в наши дни, когда встречаемся, то с удовольствием вспоминаем, как коротали майские холодные ночи на берегу Ангары около поставленных сетей или сидели в закрадке возле озера поздней осенью на зорьке в ожидании табунка крикв или, на худой конец, стаи чирков. Окрестности нашей деревни всегда привлекали уток и гусей во время осеннего перелёта. Утки находили здесь место для прокорма и отдыха на многочисленных озерах, а гуси могли опуститься на поля и огороды. А сколько мы с Павлом сделали совместных, удачных и не очень удачных, загонов на коз, наверно, и не сосчитать. Удивительно, что хотя я человек эмоциональный и не всегда сдержанный, да и Павел не пай-мальчик, но с ним у нас никогда не было ссор и даже мелких размолвок. Во всех охотничьих и рыболовных делах мы понимали друг друга с полуслова. Встречаясь с Павлом Николаевичем время от времени в наши дни, мы с удовольствием вспоминаем далёкое детство, наших дорогих родителей, милую старую деревню, её излюбленные места, и нам обоим от этих воспоминаний становится тепло и немного грустно.

С утиной охотой у меня связано еще одно одновременно и доброе и грустное воспоминание. Наверное, мне было не более пяти лет от роду, когда к нам в деревню на охоту приезжал Илларион Иванович Ковалёв, весёлый и добрый человек и, как говорил папа, – настоящий коммунист. Приезжая, «Варион Иванович» (так почему-то все его называли), прежде всего, извлекал

из сумки мешочек с пшённой крупой, весело подмигивал мне и говорил: «Вот тебе «крупяная каша», Иваныч (так он ко мне обращался, а пшённую кашу я и сейчас ем с удовольствием), а вечером пойдём на зорьку». На охоту я с ним ходил с нескрываемой радостью. Я с раннего детства знал, куда более всего на вечернюю зорьку прилетают утки и гуси. Мне доставляло большое удовольствие быть в обществе этого очень интересного, ласкового и весёлого человека. Илларион Иванович рассказывал мне какие-то смешные истории, сам громко смеялся, совсем забывая про охоту и уток. Теперь-то я понимаю – он просто приезжал в деревню отдохнуть и, как он говорил, «прочистить мозги и лёгкие». Вскоре он перестал бывать у нас, и я узнал, что его арестовали и объявили врагом народа и, как мне стало известно много позднее, расстреляли. Насколько я помню, меня это известие сильно огорчило, и я даже плакал. Связь нашей семьи с семьей Иллариона Ивановича Ковалёва не прерывалась. После окончания Великой отечественной войны к нам в деревню несколько раз приезжали жена Ковалёва – Елена Францевна и её сестра – Эмилия Францевна. Это были очень образованные люди, и долгие годы мои родители поддерживали с ними добрые отношения. И уже в конце 60-х годов мы узнали от Елены Францевны (она часто навещала маму), что Илларион Иванович Ковалёв был посмертно реабилитирован. И оказалось, как выяснилось уже в наши дни, что этот интереснейший человек не был никогда коммунистом, а служил обычным бухгалтером в областном управлении по землеустройству.

Большое место среди моих близких, особенно в мои детские годы, занимала бабушка. Екатерина Александровна, как говорится, верховодила в семье, хотя жизнь её лёгкой и не назовешь. Она, ещё в молодые годы, овдовела. Муж бабушки, мой дедушка Мефодий Ильич, будучи на рыбалке утонул в Ангаре ещё в 1910 году, оставив на руках молодой жены четырёх детей. Правда, двое из сыновей были уже взрослыми и даже женатыми. Интересно, что нашу бабушку в деревне не называли ни баба Катя, ни бабушка Катерина, а все звали «баушка Нифодьиха», по имени её погибшего супруга. А ещё её почему-то «за глаза» называли «сотским», пожалуй, скорее всего за её достаточно деятельный и энергичный характер. Будучи уже в преклонном возрасте, она непосредственно не принимала участия в генеральных уборках

дома, но советы давать любила, обычно садилась на стул посредине комнаты и вещала: «Афанасьевна! (это так она называла свою невестку, мою маму). Угол-то, угол-то не промыла!! А ты, Марейя, плохо побелила печку!» До глубокой старости она обладала отменным зрением.

Бабушка очень любила своих многочисленных внучат (а их у нее было и внуков и и внучек), никого из них она не выделяла, любила всем нам рассказывать разные занимательные истории, всех малышей старалась одарить какими-нибудь сладостями, особенно когда приходила из гостей. Жаль, что многое забылось, но кое-что и припоминается, например, её рассказы о событиях, которые происходили в нашей деревне в гражданскую войну, про то, как через деревню проходили отряды каппелевцев, семёновцев, белочехов. Это сейчас о белогвардейцах говорят и пишут только в превосходной степени. А в гражданскую войну, когда эти отряды проходили через сибирские деревни, они уводили скот, отбирали у крестьян зерно. Бабушка нам рассказывала, куда скрывалось при этом мужское население, где прятали от незваных гостей лошадей, скот. И в далёкой Сибири в гражданскую войну было также беспокойно. Особенно любила бабушка водить своих внуков и внучат в лес собирать ягоды или грибы, показывала, как она думала, только ей известные особенно богатые ягодами или грибами места. Все без исключения внуки и внучки также её обожали.

Бабушка, как и мои родители, была очень набожным человеком – не пропускала ни одной службы, которые бывали в нашей деревенской церкви, ни одного поста; и даже нередко на всенощную службу перед Пасхой ходила в село Никола, близ Байкала. А если и оставалась дома, то эту пасхальную ночь она проводила на улице, вслушиваясь в перезвон колоколов в церквях Иркутска. Бабушка была убеждена, что различает, когда звонят с Крестовоздвиженской церкви, а когда, например, она слышит колокольный звон со Знаменского монастыря. В это время она много молилась и, по-моему, представляла себе, что присутствует на этой важной духовной церемонии. Очень огорчалась, когда мы, школьники, под предводительством нашей учительницы, убирали купол с нашей деревенской церкви, переделывая её под клуб. Она не кричала, не возмущалась, а только тихо и беззлобно повторяла, что за это нас Бог накажет...

Зимы были суровыми, и нередко наше Грудиново было полностью отрезано от внешнего мира зимним ледоставом Ангары. При этом случались разные, а иногда и курьезно-драматические события.

До строительства Иркутской ГЭС, при замерзании реки Ангары, ее уровень сильно поднимался, порою на 3-5 метров от обычного. Почти всегда затапливалось большинство островов в пойме реки, и река как бы раздвигала свои берега, становилась очень широкой и величественной. Нередко подтоплению подвергались и жилые дома, а также другие строения, иногда вода появлялась и на городских улицах.

Старожилы-иркутяне помнят, что в 1953 году во время ледостава вода доходила по улице Карла Маркса до драмтеатра, а в районе старого ангарского моста дома были подтоплены до половины первого этажа и жителей спасали плавсредствами. Редкий год при ледоставе Ангары обходился без жертв. А небольшие деревушки в долине реки, как правило, находящиеся на возвышениях, обычно во время ледостава были окружены водой и с внешним миром связи практически не было несколько дней – пока вода не замерзнет и не установится ледяной покров.

В таком положении ежегодно в январе оказывалось и наше Грудиново. Так, однажды, в один из таких зимних вечеров, из соседнего села с работы возвращалась моя двоюродная сестра Анна (дочь дяди Коли и тёти Глаши).

Анна, позднее прошедшая всю Великую Отечественную войну от стен Сталинграда, через Украину, Румынию, Венгрию и закончившая ее в Австрии, жила вместе с родителями в деревне Грудиново. С самого начала войны она добровольно, вслед за своим женихом, ушла на фронт, а перед самой войной работала продавцом в соседнем поселке (ж/д станция Михалево). На выходные дни она обычно приходила домой. Надо же было так случиться, что в один из таких зимних вечеров как раз и происходило очередное затопление долины Ангары. Было это в предвоенную зиму 1941 года. Анне тогда шел девятнадцатый год, дома ее ждали родители, а в деревне жених Лёська (Олег Сапфиров, погибший на фронте в первые дни войны). Ну, как было не пойти... Да и молодым – все нипочем. Тем более что Анна слыла смелой, решительной и задорной девушкой. Она метко стреляла, хорошо плавала; с раннего детства и до преклонного возраста

часто занималась мужскими делами: косила траву, ходила на охоту и рыбалку. Словом, тогдашний ее поход домой она совсем не считала чем-то особенным. В темное время суток она прошла не менее шести километров, подошла к мостику, отделявшему железнодорожное полотно от острова, на котором и было расположено с. Грудиново. Под мостом вода почти касалась его настила, но она храбро его перешла и двинула к деревне, это около одного километра. Дорога проходила по берегу протоки вдоль небольшой берёзовой рощи под названием «Варварин лесик». Время было довольно позднее – около 9 часов вечера. На первых же метрах она обнаружила, что дорога между деревней и железнодорожным полотном была уже затоплена, и ей просто пришлось брести по пояс в снежно-ледяной жиже. Это в середине января при температуре не выше минус 20–25 С°, а может быть и еще морознее. И все-таки бесстрашная путешественница почти добрела в прямом и переносном смысле до деревни, по дороге потеряв часть одежды. Оставалось каких-то 80–100 метров до противоположного берега, на котором и находились первые дома деревни. Здесь-то ее и подстерегало самое страшное: деревня от нее была отделена мощным глубоким водотоком со льдом и снегом. Что дальше? А дальше было так.

Мне, тогда 11-летнему мальчишке, надо было сходить по нужде на улицу. А во дворе у нас зимой всегда намораживалась большая ледяная катушка. Я никогда не проходил ее мимо и считал обязательным с нее скатиться. И на катушке-то я и услышал слабый голосок: «Тетя Оля! Тетя Оля!» (Это моя мама). Я стремглав бросился домой и говорю маме: «Мама, мама...- там, под горой кто-то кричит тебя. Это, наверное, Аня из Михалево домой идет!?!». Мгновенно подняли всех на ноги, молодые парни быстро нашли лодку и Анюту принесли к нам в дом (он был крайний в деревне, потому-то и кричала Анна тётю Олю, ее родную тетю). Наша героиня представляла собой смерзшийся, но живой комок. При помощи горячей воды сняли с нее всю одежду и подняли отогреваться на большую русскую печь (сейчас такую редко увидишь), предварительно закутав в тулуп и влив в нее изрядное количество спиртного. И что бы вы думали!? «Путешественница» через 30 минут подговорила кого-то из молодежи, ей принесли одежду, и она убежала на свидание с Лёской. Вот так-то!!! Как я уже писал выше, героиня сей трагикомической истории,

позднее прошла всю войну, а в настоящее время Анна Николаевна в свои 85 лет чувствует себя нормально, нянчит правнуков и увлекается подлёдным ловом рыбы на Иркутском водохранилище, в Новогрудино.

Именно на эти колхозные поля, которые в последние после коллективизации годы практически не удобрялись и очень сильно истощились, и была переселена деревня Грудино, переименованная в Новогрудино. Земли здесь были песчано-глинистыми и глинистыми, и, конечно же, мало пригодными для выращивания картофеля и других овощных культур. А ведь овощи и особенно картофель всегда были основными продуктами питания сельского населения, в том числе и моих земляков.

Сколько я помню себя, в детстве меня окружали дети из семей Анофриских, Бабаёвских, Сукновских, Лемешевских. Только Лемешевы имели именно такую фамилию. В деревню Грудино незадолго до моего рождения они приехали из одной из западных областей России. Дети первых же трёх семей были моими родственниками или однофамильцами, предки которых жили в этой деревне с давних времён. Я не могу объяснить происхождение всех этих названий – Анофриские, Бабаёвские, Сукновские, не знаю, откуда они взялись, и кто их придумал. В деревне тогда принято было давать прозвища многим семействам или отдельным личностям. Чаще всего такое название выбирали по наиболее значимой и уважаемой персоне, которая являлась главой большого семейства. Так, наши соседи через дорогу – Андрейские имеют вполне объяснимое прозвище, по главе семейства Андрею Петровичу. Непосредственно нашу семью, в которой я родился и рос, называли по имени моего деда Мефодия – Мефодьевские.

Все деревенские семьи были, как правило, многочисленными, имели по 6–7 детей. Своих сверстников для времяпровождения я находил среди ближайших родственников и соседей. С ними с раннего детства мы, как правило, вместе проводили свой досуг, а затем пошли и вместе учиться в первый класс начальной школы. Надо сказать, что первые два класса мы учились в крестьянской избе, за тонкой перегородкой жили учителя, а в прихожей, где мы снимали пальто, находилась их кухня. Часто во время уроков между партами бегали маленькие дети учителей. В

этой же избе по вечерам работала и вечерняя школа, где молодые учителя пытались учить и наших родителей, но из этой затей ничего не вышло. Женщины сходили по два-три раза в школу, поговорили, повеселились и бросили. Помню, как я очень огорчался, что они никак не могут запомнить буквы, не говоря уже о их написании. Я искренне возмущался, что они так легкомысленно относились к учёбе. Мужчины вообще проигнорировали это новшество и совсем не стали ходить, правда, многие из деревенских мужиков азы грамоты познали ещё в детстве. В третий класс мы пришли учиться уже в новую школу, которая и теперь находится на Центральной улице, в Новогрудинино. Но в теперешней школе не учат детей, наверное, лет тридцать. В довоенные годы она для нас была чем-то очень значительным, отличаясь своей статью и новизной от всех деревенских изб. Я и теперь на это довольно приличное деревянное строение смотрю с уважением. После занятий в школе мы часто в довольно обширном школьном дворе, отгороженном небольшим забором от деревенской улицы, играли во всевозможные игры. Для деревенских ребятишек наиболее распространёнными играми тогда были лапта, городки да ещё, пожалуй, сыщики-разбойники; любили запускать змеев. В Пасхальные праздники нам часто взрослые делали качели. Летом же бегали за ягодами и грибами, занимались рыбной ловлей, а когда подросли – и охотой.

О некоторых членах семьи *Анофриских*, наших близких родственников (это семья дяди Коли и тётя Глаши, младшей сестры моего папы), я уже частично писал. Здесь же следует сказать, что семья была, пожалуй, одна из самых многочисленных в старой деревне – в ней было семеро детей (Валентина, Анна, Зинаида, Павел, Василий, Владимир, Станислав) и отличалась исключительным трудолюбием и хлебосольством, всегда жила в относительном достатке, разве что определённые трудности испытывала в военное лихолетье. За рождение семерых детей тётя Глаша была награждена советским правительством медалью «Материнская слава». Дядя Коля был очень трудолюбивым и строгим главой семейства и наставлял детей по принципу: ученье и труд – всё перетрут. Все сыновья этого весьма уважаемого семейства в деревне получили высшее образование. В наше время все дети и внуки дяди Коли и тётя Глаши, на мой взгляд, также живут в полном благополучии. Любопытное событие в этой семье про-

изошло после войны, когда старшая дочь Валентина вышла замуж за ссыльного из Эстонии Рихарда Владимировича Гофта. Первые годы ссылки Рихард Владимирович работал инженером по обслуживанию драги в Больших Котах, на Байкале. В конце 40-х годов работу драги приостановили, и Рихард Владимирович стал работать на одной из строек в Иркутске. На первых порах замужество дочери с этим человеком привело семейство Анофриских в шок. Все знали, что Р. В. Гофт отбывал ссылку в Сибири. Однако необычайная учтивость, вежливое обращение и воспитанность Рихарда Владимировича сделали своё дело и Виктор (как его стали называть в этой семье) был принят в семейный клан Анофриских. С лёгкой руки новоявленного зятя тётя Глаша стала Клавдией Мефодьевной, а дядя Коля – Николаем Григорьевичем. Высокая культура и образованность Р. В. Гофта снискали ему уважение не только в семье Анофриских, но и у всех ближайших родственников. К сожалению, Рихарда Владимировича уже нет в живых и, к большому огорчению, скончалась и Валентина Николаевна, царствие им небесное!

Бабаёвские (также имели фамилию Грудинины) были самыми нашими ближайшими соседями – хозяин дома Лука Петрович и его супруга Александра Петровна. У дяди Луки и тётки Александры было шестеро детей – Екатерина, Степан, Мария, Тамара, Михаил и Николай. По-соседски мы жили очень дружно, никогда не ссорились. С раннего детства я часто играл вместе с Марией и её соседкой Ниной, из семьи Лемешевских (Лемешевы) в разные детские игры, а затем и вместе пошли учиться в первый класс. Дядя Лука был на фронте и, кажется, единственный из всех деревенских участников войны, кто пришёл с неё невредимым. Семейство Бабаёвских (Лука Петрович и Александра Петровна) свой век доживали в селении Титово, которое в наши дни находится в черте города Иркутска. Совсем недавно я встречался с Михаилом и Марией. С Марией мы даже повспоминали детские годы, она мне рассказала, как они с подружкой Ниной мне завидовали, когда я им с гордостью рассказывал, как я ходил с папой на охоту или рыбалку, как там было необычайно интересно. Ведь ни семьи Бабаёвских, ни Лемешевских рыбалкой и охотой не занимались.

Сукновские также многочисленная семья, имеющая фамилию Грудинины. Насколько я помню из разговоров взрослых,

Сукновские имеют родство с нашей семьей по отцовской линии. Об этой семье я немного писал выше. Здесь же отмечу, что глава семьи дядя Вася в начале войны был призван на фронт и в первые же её месяцы погиб. На руках его супруги тётки Анисьи осталось шестеро детей (Мария, Вера, Зоя, Николай, Владимир, Геннадий). Троице малолетним сыновьям из этой семьи, когда дядя Вася ушел на фронт, тогда не было и десяти лет от роду. Тётя Анисья оказалась на редкость волевой и собранной, организованной и стойкой женщиной, выполняла любую мужскую работу: рубила лес и косила траву, возила сено и колола дрова. Откуда брались силы у этой хрупкой женщины!? Конечно, ей много помогала по домашнему хозяйству свекровь, баба Таня, а потом и повзрослевшие дочери. Анисья Иннокентьевна сумела всех детей поднять на ноги, а некоторым и дать даже высшее образование. Её младший сын Геннадий окончил Иркутский государственный университет, защитил кандидатскую диссертацию, а затем долгие годы был доцентом Иркутского пединститута. Мои родители с большим восхищением относились к этой мужественной женщине, по мере возможности всегда оказывали ей всяческую поддержку и помощь. Папа нередко летом помогал заготовить на зиму дрова, сено, а зимой подвозил. В мы были, действительно, в родственных отношениях. Помню, как в послевоенное время, в 1951 году, возникла проблема с местом проведения свадьбы моей сестры Кати с Иваном Недельским (наш просторный деревенский дом был уже перевезён в город Иркутск), и Анисья Иннокентьевна сама пришла к моим родителям и без малейших колебаний предложила свои «деревенские апартаменты», не менее просторные, чем наш дом, для исполнения этого торжественного события.

Из *Андрейских* мне бы хотелось написать немного про дедушку Петруху, Петра Андреевича Черкашина, о котором я уже упоминал выше. На мой взгляд, Пётр Андреевич был знаковой фигурой для деревни Грудиново. Скорей всего он был ровесником моей бабушки – Екатерины Александровны и они оба олицетворяли старую деревню. Их все хорошо знали и уважали. Пётр Андреевич в крупных хозяйственных делах уже не участвовал, например, в заготовке сена или уборке урожая, но всегда мог помочь одинокой вдове отремонтировать домашний инвентарь или отбить косу. Правда, в военные годы в сенокосную пору он

постоянно метал стога и зароды. Ранней весной ходил с рыбаками неводить рыбу, при этом обычно удачно подсказывал, где и как лучше закинуть невод, помогал и деревенским охотникам при загонной охоте на коз привозить добычу в деревню, дать полезный совет при организации загонов. Уже в преклонном возрасте в его обязанности входила еженедельная топка бани. Это он делал с большой охотой и часто приглашал в «помощники» меня, «помощника», который ещё «под стол пешком ходил». Поскольку в первые годы в нашем доме бани не было, то мы ходили мыться в баню к Андрейским. Я почему-то с удовольствием принимал приглашение деда помочь ему, и с большой охотой с ним занимался топкой бани. Затем мы с Петром Андреевичем первыми её опробовали. Было невероятно жарко, дед надевал шапку-ушанку, рукавицы и лез париться на полок, а я валялся на полу. Когда некоторые знатоки говорят, что лучшая баня это «баня по-чёрному» или курная баня, то есть без трубы, с одной каменной, то я не могу это оценить, а поверить этому трудно. Мне кажется, что «баня по-чёрному» всё-таки не от хорошей жизни. У нас в деревне, насколько я помню, таких бань не было.

Поведаю один эпизод, случившийся с Петром Андреевичем (с дедушкой Петрухой) во время войны. Где-то в сорок втором или сорок третьем году летом (точного срока я, конечно, не помню), но это случилось в самый разгар войны. На имя Петра Андреевича Черкашина от начальника военной части, где воевал его младший сын, пришло письмо с фронта с вырезкой заметки из фронтовой газеты. В этой заметке было написано, что боец Павел Черкашин совершил геройский поступок: брошенную в окоп фашистами ручную гранату он схватил и тут же швырнул её обратно во вражеский стан. Пётр Андреевич весь день ходил по деревне, всем показывал вырезку из газеты и непрестанно повторял: «Вы только посмотрите, что мой Пашка-то наделал! Вот шельмец, вот шельмец!!! Вот, почитайте!» – и всем показывал фронтовую газету. А его герой-сын – Павел Черкашин и впрямь вернулся с фронта, у которого в прямом смысле вся грудь была в орденах. Вот только искалеченным он был изрядно и, по видимому, по этой причине он немного пережил своего отца.

В обычное время Пётр Андреевич очень часто сидел на заваulinке с неизменной трубкой в зубах и мы, ребятишки, постоянно вокруг его роились. Он нам рассказывал разные военные и

житейские истории. Ведь он один из немногих в деревне был участником Первой мировой войны. Кроме трубки, у него была довольно импозантная борода, которая приводила всех ребятшек в неопишуемый восторг. Мы из озорства даже сочинили частушку, связанную с этой бородой: «дедушка Петруха возьми меня за ухо, я тебя за бороду, пойдём гулять по городу». Узнав о нашем «творчестве», дед внешне сильно сердился, но, по-моему, его это больше забавляло. Человек-то он был доброжелательным и с юмором.

Последняя встреча с Петром Андреевичем у меня состоялась уже в Новогрудинино. Это было в начале шестидесятых годов, когда я уже много лет проработал на производстве, закончил аспирантуру. Тогда Петру Андреевичу было уже далеко за девяносто. В те годы только моя сестра Нюра со своим семейством проживала в Новогрудинино, а я, время от времени, приезжал летом к ней в гости. Встретил я дедушку Петруху на окраине деревни. Выглядел он сильно постаревшим. Ведь я не видел его, наверное, не менее десяти лет. К моей огромной радости, он меня узнал. Я постеснялся справиться у него о его здоровье, а спросил что-то вроде: «Как дела, Пётр Андреевич!», он засмеялся и ответил: «Дела-то как сажа бела, да вот только жись-то кончается, ишо пожить бы, поглядеть чё там дальше-то будет». Меня поразили его трезвые мысли и отсутствие какого-либо старческого маразма, часто свойственного людям такого преклонного возраста. О чём-то ещё поговорили, а потом я все-таки осторожно попытался выяснить, как он относится к новой деревне, он насупился, помолчал и как-то нехотя сказал: «Ой, Нифоха, да это рази деревня!? Чё здеся делать-то, одно баловство!!». Только много лет спустя до меня дошел смысл этой многозначительной фразы мудрого, много познавшего в этой жизни человека. Вскоре после этой встречи он скончался на девяносто девятом году своего жизненного пути. Царствие ему небесное! Хороший был человек!

*Пётр Андреевич Черкашин,
Новогрудиново (фото 1961 года).*

Немного расскажу о Лемешевских. Эта семья приехала в деревню, по-видимому, незадолго до моего рождения и, кажется, из Воронежской области. Глава семьи – дядя Семён и его супруга – тётка Марфа были людьми очень тихими (как говорили в деревне – смирными), спокойными и доброжелательными, а главное – большими тружениками. Дядя Семён был отличным сапожником. По-моему, для всего населения деревни он вечно чинил обувь. А тётка Марфа, насколько я помню, первая в деревне выращивала огурцы, всех угощала,

а мы, ребяташки, всё-таки исхитрялись лазить к ней в огород. Деревенские жители к этой семье относились очень хорошо и всегда, особенно женщины или дети, прибегали что-нибудь одолжить. Если дома не было дяди Семёна, то тётку Марфу это сильно озадачивало, и она неизменно повторяла: «Ти дать, ти не дать, ти тятю спросить!?!». А потом всё равно одалживала. Впоследствии это выражение в деревне было как присказка. В этой семье было шестеро детей, двое старших парней – Александр и Пётр были на фронте, получили ранения, но благополучно вернулись домой. Дети у дяди Семёна и тётки Марфы были все воспитаны и доброжелательны. С Петром и старшей сестрой Лидой (необычайно милая и обаятельная женщина – Лида долгие годы работала бухгалтером в домоуправлении Академгородка) дружил мой брат Кеша. С Надеей и Верой – моя сестра Катя, а я в детстве дружил, а потом и учился с младшей из сестёр Лемешевских – Ниной. Какие были замечательные люди и как по-доброму относились друг к другу и ко всем окружающим их селянам!

Из близких друзей моих родителей не могу не остановиться, хотя бы очень коротко, на семье Семёна Алексеевича и Дарьи Николаевны *Грудиных*, о которых я уже упоминал. Семён Алексеевич был заядлым рыбаком. Он, как и папа, рыбу ловил при помощи сплава сетей по Ангаре. В детстве я любил слушать их неспешные и нескончаемые беседы о рыбалке. Дядя Сёма был человеком очень спокойным и рассудительным, к нему деревенские жители относились весьма почтительно. Он был деревенским книголюбом, имел небольшую библиотеку и давал книги для прочтения селянам, особенно детям. Словом, по деревенским меркам Семён Алексеевич в нашей деревне был человеком очень грамотным. Не случайно он стал одним из главных организаторов по переселению деревни на новое место. С сыном Анатолием этой славной супружеской пары я учился в начальной школе и был дружен. Отмечу, что правнучатый племянник Семёна Алексеевича – Николай Борисович Натяганов, дед которого родился в селе Никола – стал известным в городе художником, который в наши дни ведёт внутреннюю роспись Казанской церкви в Рабочем предместье.

Когда началась Великая отечественная война, молодёжь из нашей деревни в самые первые дни уходила на фронт либо добровольно, либо по призыву, но чуть ли не с каждого двора. Вернулись далеко не все, но почти все вернувшиеся с войны имели по нескольку ранений. А награды, наверное, имели все фронтовики. Например, мой брат Кеша был награждён орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Ленинграда», об этом мы узнали много-много лет спустя после окончания войны. Многими орденами и медалями награждён Иван Иванович Недельский, муж моей сестры Кати. Тогда о военных наградах как-то не принято было говорить. Более того, в первые послевоенные годы даже не отмечался этот поистине Великий Праздник. Участники войны были сильно огорчены таким необдуманном шагом правительства и как несказанно радовались, когда празднование этой великой даты было восстановлено. На фронтах Великой отечественной войны погибло много моих односельчан, кто призывался или уходил добровольно воевать с фашистами. Недавно преподаватель Иркутского государственного университета Валерий Дмитриевич Жуков любезно дал мне список участников Второй мировой войны, погибших на фронте, призванных пред-

положительно из деревни Грудинино или в ней родившихся. Вот этот список:

1. Грудинин Александр. 1919 г. р.
2. Грудинин Александр Мефодьевич. 1902.
3. Грудинин Владимир Семёнович.
4. Грудинин Константин Лукич. 1905.
(«Память», Иркутская область, том 1, с. 29, столбец 2)
5. Грудинин Иван Алексеевич.
6. Грудинин Илья Филиппович. 1912.
(Там же, том 1, с. 249, столбец 1)
7. Грудинин Анатолий Степанович. 1921.
8. Грудинин Егор Васильевич. 1906.
9. Грудинин Николай Михайлович. 1901.
10. Грудинин Яков Иванович. 1912.
11. Грудинин Александр Алексеевич. 1921.
12. Грудинин Андрей Михайлович. 1904.
13. Грудинин Андрей Николаевич. 1920.
14. Грудинин Василий Михайлович. 1914.
15. Грудинин Иван Михайлович. 1922.
16. Грудинин Роман Николаевич. 1903.
(Там же, том 6, с. 67, столбец 2)
17. Грудинин Иван Лукич. 1899.
18. Грудинин Леонид Фёдорович. 1924.
(Там же, том 7, с. 30, столбец 2).

В этом списке я нашёл и фамилию моего родного дяди – Александра Мефодьевича Грудинина, которого все мы близкие родственники и его семья считали пропавшим без вести ещё с военных лет.

Кроме того, в предвоенные годы в деревне Грудинино проживало много семей, имеющих фамилии Лемешевы, Платоновы, Седых, Ходячих, Черкашины, Чувашёвы, Янчины, из которых мужское население, способное держать в руках винтовку, также было призвано защищать страну от фашизма. И из этих семей не все вернулись с самой страшной, наверное, войны. Мне доподлинно известно, что не вернулся с фронта Фёдор Ходячих. Так что деревня Грудинино свой гражданский долг выполнила сполна. А некоторым воинам, родившимся в нашей деревне, по данным Главного управления МО РФ, до сих пор не вручены причи-

тающиеся им награды. А ведь деревня-то была невелика – около пятидесяти дворов.

Жители деревни Грудино принимали участие не только во Второй мировой войне, они также храбро сражались и в Первую мировую войну, о чём я уже упоминал. Недавно стало известно, что «...рядовой 199-го пехотного Кронштадтского полка Михаил Михайлович Грудинин, из крестьян Иркутского уезда, деревни Грудино, награждён Георгиевским крестом четвёртой степени за то, что в бою 1-го июня 1916 года у деревни Геленовка, находясь в связи у ротного командира, под сильным артиллерийским, оружейным и пулемётным огнём противника, с явной опасностью для жизни, своевременно передавал по назначению все приказания, распоряжения и донесения начальству» (Газета «Земля», 24.12.1994 год. Публикация О. Базалийской, главного археографа государственного архива Иркутской области: Георгиевские кавалеры – уроженцы Иркутской губернии).

Несколько слов хочется сказать о старейшей жительнице деревни Грудино и Новогрудино – Полине Корниловне Мясниковой. В деревню Грудино она приехала в последние годы войны с мужем-инвалидом, который вскоре утонул в Ангаре. Она осталась одна с тремя малолетними сыновьями. Во все годы существования старой и новой деревни она была уважаемым и полезным для жителей деревни человеком. Селяне её неоднократно выбирали в местные депутаты, где она добросовестно выполняла свои общественные обязанности. А главное, Полина Корниловна с огромными трудностями, но достойно вырастила троих сыновей и сейчас, проживая в деревне, пользуется большим уважением и почтением всех её жителей.

Были в деревне, как я уже писал выше, и нерадивые, они без особой охоты занимались крестьянским трудом, а уж о рыбалке или охоте вовсе не помышляли, да и не умели этим заниматься. Не скрою – почти все эти люди баловались спиртным. Большинство селян к ним относилось презрительно, а кто-то с жалостью. Они практически не влияли на жизнь в деревне. Давать оценку их существования, право же, рука не поднимается, да и нет никакого желания.

С самых ранних лет я пристрастился к очень увлекательному занятию – охоте и рыбалке. Папа часто, когда я ещё был совсем ребёнком, брал меня с собой. Словом, этими замечатель-

ными увлечениями мне было у кого учиться, и мама этому только радовалась. Так что к природе я прикипел сызмальства. И, наверное, не случайно по окончании средней школы выбор пал на геологический факультет. Хотя понятия о геологии я имел весьма смутные, знал только, что работа геолога связана с экспедициями в горы, в тайгу. В университет, на физико-математический факультет, поступал мой закадычный друг по школе № 11 в городе Иркутске Костя Чернышев – царствие ему небесное, а я выбрал геологический. Университет уже тогда был самым престижным вузом города. Мои родители и особенно брат выбор мой одобрили, о чем и я не жалею до сих пор.

Отец Кости был военным человеком, поэтому семья Чернышёвых была постоянно в разъездах. Уже на первом курсе университета его родители переехали из Иркутска в Баку, а Костя сначала остался заканчивать первый курс в Иркутске, а затем перевелся учиться в Ростовский университет. Впоследствии вся семья Чернышевых перебралась на постоянное жительство в город Ростов. После окончания университета я часто бывал в этом очень мне понравившемся южном городе, где меня принимали как близкого родственника и родители Кости, и его семья – жена Светлана и их дети – Саша и Люда, а потом и внуки. Костя всё мечтал еще побывать в Иркутске, он полюбил его и при встречах всегда живо интересовался всеми сторонами жизни города и судьбой нашей деревни, а мне приятно было отвечать на их многочисленные вопросы, особенно касающиеся моей малой родины.

Деревенская тёплая летняя пора сменялась прохладой наступающей осени, которая, как правило, всегда приносила много грибов и ягод в окрестных лесах нашего небольшого селения. Наступала пора, как теперь говорят, сбора дикорастущих – ягод и грибов. К этому событию большинство жителей деревни относилось серьёзно и с пониманием, запасая на зиму грибы и ягоды, а излишки продавали на рынке. В детстве нас водила за грибами и ягодами наша бабушка Екатерина Александровна, пустыми мы никогда не возвращались. Она всегда помнила все заветные уголки. Мы, дети, удивлялись: как это она всегда знала, где и что зреет, но не обращали внимания на важную деталь, что еще летом она обходила все лесные поляны и березовые рощи. И хотя к началу войны бабушке было уже далеко за семьдесят, она была человеком всегда чем-то очень занятым: постоянно работа-

ла на огороде, ходила за ягодами и грибами, много заготавливала веников, собирала целебные травы, а зимой вязала рыболовные сети. Это в наше время жизнь современных бабушек наполнена разными сериалами. Даже моя мама к телевизору относилась довольно прохладно. Смогла бы увлечься этим моя бабушка – трудно сказать. Слишком разные времена.

В конце 1942 года, когда бабушке исполнилось 75 лет, пришло известие о смерти тёти Мани, её невестки (жены младшего сына Александра, который до этого страшного события пропал без вести на фронте). Считаю своим долгом несколько подробнее написать о младшем брате моего отца – Александре Мефодьевиче Грудинине. Дядя Саня (как все мы его называли) родился в 1903 году. В восемнадцать лет был призван в армию, и там неожиданно для близких родственников проявил себя очень активным поборником новой власти. В деревню он вернулся уже с партийным билетом. В конце двадцатых годов братья разделились: средний Прокопий остался в старом доме, старшему Ивану (моему отцу) купили дом в Николе, сплывили его по Ангаре и поставили на краю деревни, и в эти же годы братья рядом с домом старшего брата построили новый дом младшему брату. Дядя Саня в деревне развернул достаточно бурную общественную деятельность, и при организации колхоза его выбрали председателем, хотя старший брат в колхозе работать не захотел. Естественно возникали разные разговоры, некоторые крестьяне начали проявлять явное недоброжелательное отношение к молодому председателю. Всё дело закончилось тем, что группа недоброжелателей в одну из тёмных ночей, пока хозяин собирался переезжать в новый дом, растащила его по брёвнышкам. Насколько я помню, этим «общественная деятельность» дяди Сани и закончилась. Он так же, как и мой родитель, ушёл работать на железную дорогу, а вскоре (перед самой войной) с семьёй переехал на житье в Иркутск. Как только началась Великая отечественная война, дядя Саня добровольцем ушёл на фронт.

В начале 1943 года, после смерти тёти Мани (жены дяди Сани), бабушка поехала воспитывать пятерых малолетних сирот, своих внучат (Володю, Дину, Тамару, Женю, Галю). Старшему из этих детей – Володе не было ещё и 14 лет, а самой младшей – Гале исполнилось всего три года. Бабушка до самого окончания войны прожила в Иркутске-2, где вела труднейшее «хозяйство» в

этой полугодной семье с малолетними детьми. Как они выжили – одному Богу известно. Известно только то, что Володя с четырнадцати лет начал работать на авиазаводе, и проработал он на этом заводе почти полвека. Вскоре там же стала работать и Дина. Остальные дети учились в школе. Бабушка в деревню вернулась только весной 1946 года, очень постаревшая, едва-едва передвигая ноги. Жители нашего села не могли не обратить внимания на бабушкину немощность, кто-то даже горестно заметил: «Ой, баушка Нифодыха приехала помирать!». Все мы, ближайшие родственники, были очень обеспокоены её состоянием здоровья. Но спокойная жизнь и относительно нормальное питание сделали своё дело, и бабушка прожила ещё девять лет, не стало ее в июне 1955 года. К большому моему огорчению мне не удалось проводить её в последний путь (тогда я работал в Приморье). Кто знает, может быть, в деревне-то она еще пожила бы – ведь в 1953 году наша семья переехала на постоянное жительство в город Иркутск. Известно, что кардинальные изменения жизненных устоев для людей преклонного возраста часто бывают весьма пагубными. Недолго в городе прожил и её сын, мой отец, скончавшись в мае 1956 года, на шестьдесят девятом году жизни.

Я часто вспоминаю своих родителей, брата, сестёр; и навсегда в моей памяти остался незабываемый образ любимой бабушки (матери отца) Екатерины Александровны. Недавно я с большим удовольствием прочитал стихи Краснодарского поэта Николая Зиновьева, написавшего, как мне показалось, именно о моей бабушке:

Осталась от бабушки прялка
И светлая скорбь на душе
О, Господи, как же мне жалко,
Что нет её с нами уже.

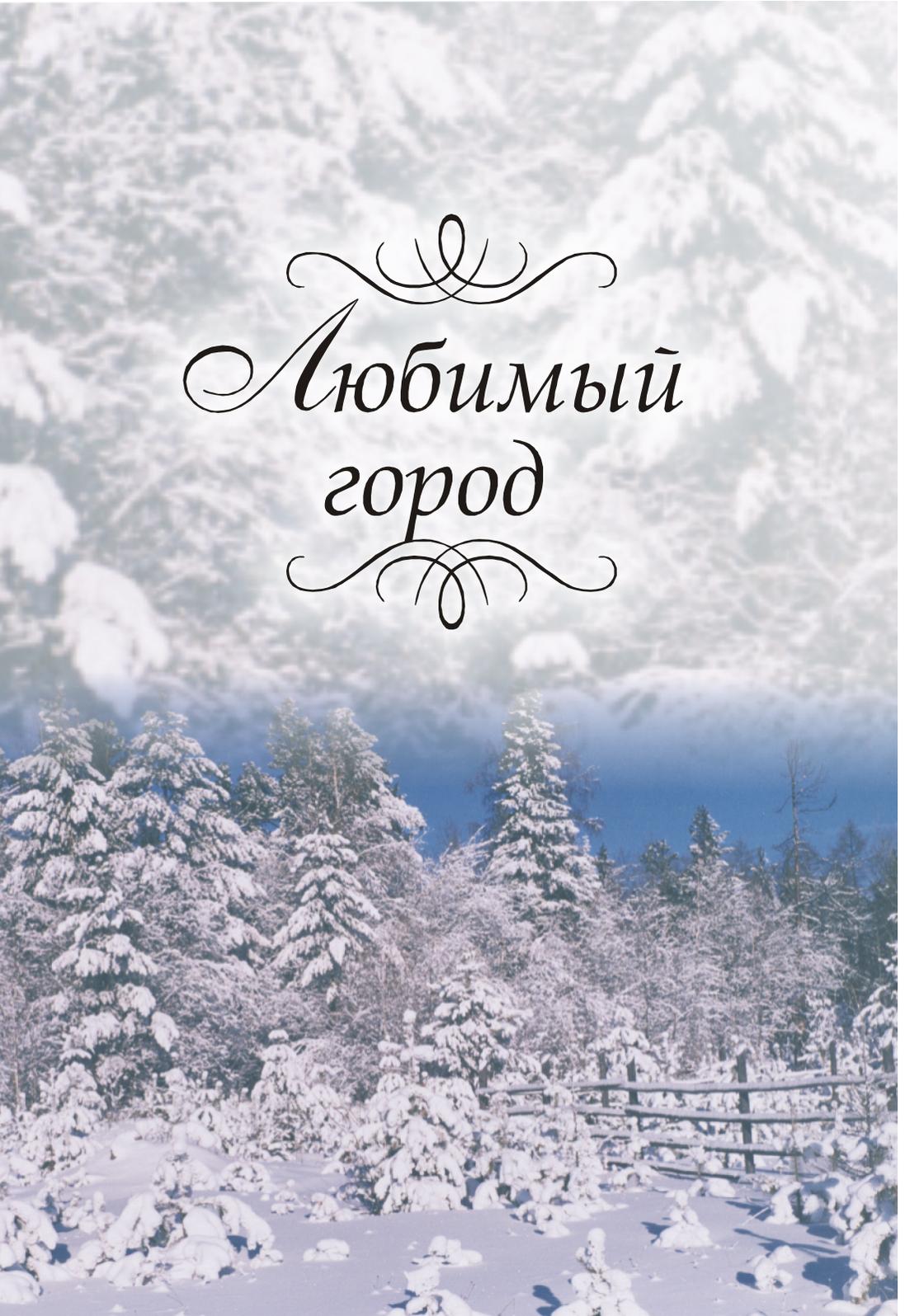
Никто мне «Мыкола» не скажет,
Но в снах моих, полных тоски,
Я вижу: в раю она. Вяжет
Христу шерстяные носки...

Это стихотворение и о моей дорогой бабушке – человеке глубоко верующем, великой труженице, которая искренне любила всех своих родных и близких.

Уклад деревенской жизни той далёкой поры ничего не имеет общего с современной деревней, по крайней мере, той, жизнь

которой я попытался описать. В наше время в Новогрудино живут одни старики да дачники, а старая деревня была наполнена детворой. Даже начальной школы в деревне теперь нет. Раньше жители деревни хотя и скромно, но создавали, а сейчас, за небольшим исключением, в основном только потребляют. Достаточно обширные сельскохозяйственные угодья теперь в значительной степени не обрабатываются и зарастают кустарниками и мелколесьем. Земли «рвут на части» преуспевающие бизнесмены из областного центра. Частые пожары по вине городского и сельского населения, а также варварское обращение с окружающей природой делают всё менее привлекательными для людей, как лесные угодья, так и берега водохранилища.

Любимый
город

Общий вид города Иркутска в наши дни с горы микрорайона Юбилейный

С самого раннего детства, как только я побывал в городе Иркутске – он меня очаровал, пленил и я его крепко полюбил, как говорится, всей душой и на всю оставшуюся жизнь. И даже будучи взрослым, когда я посмотрел множество городов нашей страны и зарубежья, моя привязанность к своему городу несколько не ослабла. Но парадокс заключался в том, что в те далёкие годы юности и молодости, когда я уже учился в городской школе, а затем и в университете, если длительное время находился в Иркутске, – я очень тосковал по своей деревне, и мне хотелось обратно, как я тогда говорил «домой». А в деревне, особенно к осени, я опять начинал скучать по городу. Но это, скорей всего, относилось только к старой деревне Грудинино. О старой деревне и нашем просторном доме я и сейчас тоскую. Тоскую по её окрестностям, по тем чистейшим берегам стремительной Ангары, по её многочисленным протокам и заводам. Сама деревня

Новогрудино меня почти не трогает, разве что только её окрестности, где проходили мое детство и отрочество. В основном же, я отношусь к ней спокойно, если не сказать прохладно. Во всяком случае, могу сказать однозначно – без особой любви и привязанности.

С возрастом, похоже, я стал типичным горожанином. Более того, я стал настоящим иркутянином, очень привязался к своему городу, и не побоюсь высокопарных слов – являюсь его истинным патриотом. Помню, как-то уже в годы перестройки один из моих молодых сотрудников в пору «разгула демократии», когда особенно бурно ругали всё «советское», заявил, что за годы советской власти в этом городе ничего путёвого не было построено, и он стал ещё хуже, чем был до революции. Мне от такого заявления было чрезвычайно обидно и горько. У меня было такое ощущение, что будто в этом есть и моя доля вины, хотя разумом я понимал, что этот молодой человек в какой-то степени был прав.

За годы советской власти город Иркутск сильно изменился и вырос. Но, к большому сожалению, особенно за последние десятилетия сильно обветшал и состарился, стал неряшливым и грязным. Многие деревянные строения, даже с великолепной резьбой, стали совсем не привлекательными, а убогими и никак не радующими глаз нового человека. Между тем это вина не домов, а – правителей города, которые в последние несколько десятилетий основательно его запустили. К счастью, буквально в последний год на город как будто бы власти обратили взор. Летом и осенью 2006 года город более или менее почистили, вернее его центральную часть, он стал мало-помалу приводиться в порядок, даже покрашенные ветхие хибары по центральным улицам теперь смотрятся несколько по-другому и выглядят менее неряшливо. А некоторые старые дома с прекрасной деревянной резьбой и хорошо отреставрированные и в наши дни создают колорит города. Вот бы всё это сделать по всему Иркутску!? Очень хотелось бы надеяться, что побелка и покраска домов, уборка улиц, скверов и парков в городе не является разовой акцией, как это часто у нас бывает, а будет продолжаться и дальше.

Помнится 1963-й год, когда в Иркутске проходил очень крупный международный геологический научный форум – Третье всесоюзное петрографическое совещание. Такой междуна-

родный форум для Иркутска был в диковину – власти «не ударили в грязь лицом» и сделали всё, чтобы основательно город привести в порядок. Тогда гости из Чехословакии и Германской демократической республики с огромным интересом и восторгом рассматривали деревянные строения с художественной резьбой прошлых веков на улицах нашего города. К сожалению, в наши дни большинство из этих домов находятся в крайне плачевном состоянии, а многие попросту в аварийном. Боюсь, что многие из них восстановить и спасти, на мой взгляд, уже невозможно, а некоторые уже и погибли. Да и наши городские власти восстанавливать более или менее сохранившиеся «музейные объекты» также, похоже, не очень-то и стремятся. Очень хотелось, чтобы я был не прав. А ведь потеряв эти дома, с великолепной кружевной резьбой, мы потеряем самое главное, что всегда характеризовало и отличало от других российских городов наш город – его самобытность, сибирскую стать. Только и осталось сказать: что имеем – не храним, потерявши – плачем. Как говорил академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв: «Утраты памятников культуры невозполнимы, ибо они всегда индивидуальны, всегда связаны с определённой эпохой в прошлом, с определёнными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, он совершенно беззащитен».

В город Иркутск я приехал учиться в 1941 году, в самом начале Великой отечественной войны, после окончания Грудининской начальной школы. Как я уже писал, учиться я стал в 42-й средней школе в пятом классе, а жил у сестры Лиды. В шестом классе я учился в 39-й средней школе при железнодорожном интернате в Иркутске-2. Про учёбу в интернате трудно вспомнить что-то положительное, кроме невероятного голода – есть хотелось круглые сутки. Помню только, что раздатчицу пищи в интернате мы прозвали «скупая улыбка». Война продолжалась почти четыре года, время было трудное и тяжелое, голодное и холодное. В одну из таких зим (в то время, когда сестра Лида с возвратившимся с фронта мужем уехала искать счастья в Якутск, а брат, вернувшийся с фронта после ранения, окончив юридическую школу, находился в длительной командировке в г. Бодайбо) я жил у двоюродной сестры *Валя* (дочери дяди Коли и тётки Глаши). Валя всю жизнь проработала в госбанке, получала мизерную зарплату, хотя работала по 14–16 часов в сутки. Кроме меня в

небольшой комнатухе с Валею жили её брат Василий и сестра Зина. Тогда в городе часто отключали электричество, в том числе, и в нашем доме. Да и тепла было мало, не говоря уже о пище. Где-то Валя приобрела «буржуйку» – маленькую железную печурку, возле которой мы согревались и варили на ней дежурное блюдо – картошку, если она была, а топливом снабжались с вокзала. Туда, на железнодорожные пути, мы ходили собирать уголёк. Другого топлива не было. Учиться было, прямо скажем, нелегко, а постоянное недоедание мало этому способствовало. Всё время хотелось есть. Привезённой картошки из деревни хватало на два-три дня, а потом ждали субботы, когда можно будет поехать домой, в деревню и досыта поесть. Удивительно, но особого уныния и не было; за нами никто не следил, мы что хотели, то и делали, и меньше всего думали об учебе. После зимних каникул я бросил школу, хотя родители об этом не знали. С соседским парнем (он учился в 15-й, а я в 11-й школах) мы задумали искать работу, а учиться решили в вечерней школе. В вечернюю школу нас не приняли – мы нигде не работали. Ведь школа-то была для работающей молодёжи. Тогда мы с двоюродной сестрой Зиной занялись «бизнесом» – стали торговать книгами на рынке. На вырученные деньги мы нередко покупали входные билеты в театр музыкальной комедии. С большим восхищением и восторгом рукоплескали игре артистов Жулиной, Воробьевой, Гроссу и другим любимым актёрам. Театр я полюбил сызмальства, но об этом ниже.

Самым впечатляющим и памятным днем того времени стало 9 мая 1945 года – День Победы. Этот Великий Праздник я встретил, когда ещё жил у двоюродной сестры Вали, в банковском доме, в Коммунальном переулке (ныне улица Канадзавы). Несмотря на то, что вера в победу всего нашего народа была непоколебимой – враг будет разбит, победа будет за нами – всё-таки, этот день для всех оказался неожиданным, хотя и ждали его с огромным нетерпением. И это не пустые слова, или как теперь некоторые говорят – «квасной патриотизм». Мне лично трудно представить другое более радостное и необычайно светлое событие, которое оставило бы такой глубочайший след в моей памяти. День в Иркутске был на удивление очень ясным, солнечным и по-весеннему тёплым. Рано утром того дня из деревни приехала моя сестра Нюра и первая нам сообщила, что закончилась война.

Все мы почему-то выскочили на улицу; а там творилось невообразимое. Незнакомые люди бросались друг другу в объятия, плакали и радовались одновременно. Все были в таком восторге и ходили как во хмелю, совсем не ощущали чувства голода, который тогда не покидал людей многие годы.

Окончание войны не сразу принесло облегчение людям. Особенно тяжелым был 1946 год, в том числе, и для всех моих близких и для меня. Однако возвращение брата Кеши весной 1945 года из длительной командировки из г. Бодайбо и его дальнейшая забота обо мне многое изменили в моей жизни. Брат стал строго следить за моей учебой. В первую очередь он нанял репетитора по русскому языку и литературе, где я особенно отставал от своих сверстников. Моим репетитром оказалась пожилая учительница – Августа Порфирьевна, фамилию которой я, к большому сожалению, не помню. Эта уважаемая и почитаемая мною женщина жила на ул. Марата, недалеко от нашего дома. Я и сейчас прохожу мимо этого одноэтажного деревянного дома с большим благоговением и всегда вспоминаю этого прекрасного человека. Помню, как она мне диктовала много отрывков из произведений Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других писателей, а потом мы скрупулёзно работали над моими ошибками, допущенными при написании продиктованного текста. По-моему, это был педагог от Бога. С каким восторгом она говорила о декабристах и почему-то более всего о А. А. Бестужеве-Марлинском и К. Ф. Рылееве. К декабристам она вообще была не равнодушна и вполне обоснованно, как я позднее в этом убедился, считала, что они привнесли в наш город истинную культуру и многому способствовали, чтобы город стал значимым центром Сибири. В этом она, конечно, была права. Это был необычайно интересный, образованный и интеллигентный человек. Она очень много мне дала в познании литературы и русского языка и, как я полагаю, в познании жизни. Именно благодаря усилиям Августы Порфирьевны, я пристрастился к чтению классической литературы, с большим удовольствием читал запоем Тургенева, Толстого, Чехова. Систематические занятия по другим предметам дали свои плоды, многочисленные опросы и контрольные работы стали мне не в тягость.

В эти годы мы с братом, а затем с вернувшейся из Якутска сестрой Катей, жили в крохотной комнатухе (не более 7–8 кв.

м.) по улице Ленина № 32, в одном из одноэтажных кирпичных домов. В этом же доме проживали еще три семьи – Вишневские, Ремезовы и Колесниковы. Несмотря на чрезвычайную скученность, мне не припоминается серьёзных ссор между соседями. Более того, когда Катя осенью 1946 года вернулась из Якутска, соседи Вишневские позвали меня спать в их более просторной комнате. В этой семье я подружился со своим ровесником Андреем, который учился в кооперативном техникуме, а сестра Катя – с его старшей сестрой Гутей – студенткой мединститута. А ведь у этих соседей тоже было только две комнаты, в которых проживало четыре человека. Хорошо запомнились молодёжные сборища на довольно обширной общей кухне: здесь нередко проводились танцы, часто пели, более всего из военной тематики. На эти весёлые сборища приходила молодёжь из соседнего дома-близнеца, из других соседних домов и даже улиц. Правда, вскоре эти два дома-близнеца объединили, начали надстраивать и сверху достроили ещё два этажа.

Интересно, что дом строили пленные японцы и мы, группа старшеклассников, часто с ними завязывали разговоры, иногда играли в шахматы, втихомолку приносили им какую-нибудь еду – обычно несколько картофелин. Все они были очень истощёнными, но чрезвычайно общительными и дружелюбными, что подкупало нас, и мы их жалели. Охрана на наше общение с японцами смотрела сквозь пальцы, но однажды командир охранников сделал внушительный выговор моему приятелю – Косте Чернышеву: «Ну ладно, эти-то пацаны – кивнул он в нашу сторону, где стоял я и Сёма Тумуров, также наш одноклассник из школы № 11, – а ты-то в армии побывал, что ты с ними крутишься?!». (Мы тогда все учились в девятом классе, и Косте не было ещё и шестнадцати лет.) Костя, сбитый, крепкий парень, всегда ходил в отцовском мундире, не по годам выглядел взрослым, хотя был более чем на год моложе меня. Мы часто этот эпизод вспоминали, даже будучи взрослыми, и очень веселились.

Надо сказать, что в послевоенные годы в Иркутске развернулось довольно активное жилищное строительство. До этой поры Иркутск был одно- или двухэтажным, почти нацело деревянным городом, а более высокие кирпичные дома были крайне редки, их можно было по пальцам перечесть. А в послевоенные годы были построены практически все четырёх- и пятиэтажные дома

по улице Ленина. Тогда же напротив нашего дома военным ведомством был построен довольно симпатичный по тем временам дом, в который переехал мой друг Костя. В те же годы на улице Ленина были возведены учебные корпуса и общежитие для студентов Института иностранных языков. Словом, в послевоенные годы город достаточно бурно развивался. Почти в это же время началось грандиозное по тем временам строительство Иркутской ГЭС, о чём я уже писал. А несколько позднее, в конце пятидесятых годов, на левом берегу Ангары, в районе деревни Кузьмиха, развернулось не менее грандиозное, чем Иркутская ГЭС, строительство Иркутского научного центра. И уже в начале шестидесятых годов был построен ряд научных институтов Сибирского отделения Академии наук СССР, в том числе и Института земной коры, с которым у меня связана большая часть трудовой деятельности как геолога-исследователя. Как раз в эти годы в Иркутский научный центр приехало много молодых специалистов – выпускников Московских, Ленинградских и других вузов страны. В эти же годы в Иркутские научные учреждения приехало немало уже известных в стране и за рубежом учёных. Позволю себе назвать только некоторых из них – Воронков М. Г., Мелентьев Л. А., Реймерс Ф. Э., Степанов В. Е., Сочава В. Б., Таусон Л. В., Шостаковский М. Ф., которые, на мой взгляд, наиболее удачно в те времена руководили рядом научно-исследовательских институтов. Именно в те годы в институтах Иркутского научного центра появилось много талантливой молодёжи, выпускников вузов Иркутска, Москвы, Ленинграда и других городов нашей страны, которые в настоящее время определяют научный потенциал Иркутска. (О путях становления и развития Иркутской науки можно ознакомиться в книге «Академическая наука в Восточной Сибири (к 50-летию научного центра СО РАН) / Г. А. Жеребцов, Н. А. Логачёв, В. В. Воробьёв и др. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 1999. 384 с.)

Возвращусь к житейским делам нашей семьи, проживавшей в Иркутске в послевоенное время. Как я уже писал, ютились мы втроём в крохотной комнатухе, а в последнее время, когда были надстроены два этажа, мы оказались и без дневного света. Мы с сестрой Катей обнаружили, что на третьем этаже нашего строящегося дома была почти готова к жилью, как мы полагали, небольшая квартирка с двумя комнатами площадью в 18 квадрат-

ных метров и малюсенькой кухонькой. Мы с сестрой решили, что эту квартиру послал нам сам Бог и, не ожидая окончания строительства, среди суровой зимы 1949 года, когда брат был в одной из своих частых командировок, соорудили в одной из комнатушек этой квартиры небольшую железную печку и самовольно заняли её. Строители на это событие никак не прореагировали. Более того, как только мы переехали, они стали ходить к нам греться, мы их угощали чаем. Словом, всё было в ажуре. В переезде нам активно помогали подруга Кати, Нина Полубоярцева и двоюродный брат Саша. Саша Грудинин (сын среднего брата папы – дяди Прони) тогда часто к нам приходил – он учился в железнодорожном училище. Это училище тогда называли ШВТ (школа военных техников). Вернувшись из командировки, брат, конечно, нас пожурил за такое «самоуправство», но нас так никто и не выселил. Вообще-то Кеша был самым авторитетным членом всей нашей тогда многочисленной родни. С ним советовались не только сёстры, родители, но и все близкие и дальние родственники, а также многочисленные знакомые. Его все уважали и почитали. Вернувшись после ранения на Ленинградском фронте, он в начале 1943 года окончил Иркутскую юридическую школу, в том же году поступил в ВЮЗИ (Всесоюзный юридический институт в Москве) и за два года закончил его экстерном. Всю свою более чем сорокалетнюю трудовую деятельность, будь он адвокатом, юрисконсультом или членом областного суда мой брат провёл безупречно. К любой работе он относился исключительно добросовестно. Все коллеги его уважали за компетентность в своей профессии. До последних дней жил он полнокровной жизнью: долго работал, а на пенсии как ветеран войны часто встречался со школьниками, был заядлым театралом, с увлечением работал на дачном участке; чем мог всегда помогал близким и, как праведник, умер во сне. Я трепетно храню «Удостоверение № 143». «Судья в отставке». «Судья – назначен Указом Президента Российской Федерации – Иркутский областной суд».

В этой, в общем-то, очень маленькой квартире (общей площадью вместе с кухней где-то около тридцати квадратных метра), кроме меня, Кешы и Кати, в разное время проживали почти все наши племянники: Гоша, Лида, Олег, Боря, Фая, Оля, Слава. Нередко здесь находили приют со всех концов многочисленные друзья и знакомые всех нас и наших родственников. В этой квар-

тире Катя познакомилась со своим будущим мужем – Иваном Ивановичем Недельским. А брат, Иннокентий Иванович Грудинин, прожил в ней почти 55 лет и скончался 20 июня 2003 года. Светлая ему память! Для меня это был самый близкий человек после моих дорогих родителей. Он много добра делал и для своих родственников, и для друзей и для многочисленных знакомых. А в Кешинной квартире теперь проживает наш внучатый племянник Алексей Терлецкий со своей женой Наташей и дочкой Вероникой.

В 1948 году я поступил в университет на геолого-почвенный факультет на геологическое отделение, и достаточно легко, хотя заявлений на эту специальность было подано в два раза больше. Наша городская подготовка, по-видимому, была основательней, тем более что закончил я 11-ю среднюю школу, которой многие десятилетия руководил известный в городе педагог Иосиф Александрович Дриц. Да и все другие преподаватели были очень высокой квалификации. Это была одна из лучших школ города. Стоит, пожалуй, вспомнить известного химика – Владимира Захаровича Когана. По-моему, этот педагог химию просто боготворил, и он не мог пропустить ученика, хотя бы что-то не освоившего из его предмета. Никогда не забуду его «фронтальных опросов», упоминание о которых нас приводило в трепет и смятение. Зато химию мы все знали назубок. Знание этого предмета мне очень пригодилось в освоении будущей профессии геолога, а затем и петрографа. С большой теплотой вспоминаю учительницу географии, нашу классную руководительницу, Людмилу Николаевну Зиненко. Ко мне она относилась по-матерински. Она, по-моему, интуитивно чувствовала мое тогда полуголодное существование и всячески меня поддерживала. Вообще учёба в городе, после деревенской школы, для меня была довольно трудной и больше всего потому, что постоянно менялось место жительства, а, следовательно, и менялись школы. С пятого по десятый класс я поменял пять школ. Не могу сказать, что какая-то из них была плохая. Просто я не успевал привыкнуть к одной школе, а надо было ходить уже в другую. Зуд реформ школьного образования коснулся даже тех, далеко не лучших для страны, лет. Я имею в виду разделение школ на мужские и женские. Такие школы просуществовали не более десяти лет, но моя учёба в средней школе угодила на этот период. Кроме хороших препода-

вателей одиннадцатой мужской средней школы, мне запомнились и преподаватели 42-й средней и 5-й неполной средней школ, где я также учился. Добрую память у меня оставили: Анатолий Васильевич Калашников, Анна Ивановна Чернышёва (преподаватели 42-й средней школы), Мефодий Елизарович Аршинский (директор 5-й школы). Запомнились мне и учителя Грудининской начальной школы – Александра Петровна Сапфирова, у которой я начинал учиться и Полина Григорьевна Хороших. У Полины Григорьевны я окончил эту школу, причём с похвальной грамотой – за отличные успехи и примерное поведение. В те годы, пожалуй, это была лучшая учительница в нашей деревне. Среди деревенских ребяташек она даже пыталась организовать художественную самодеятельность.

Учеба в университете мне показалась легкой прогулкой и прошла, можно сказать, в одно мгновение. Зимой – учеба и спорт: с первого же курса я много увлекался баскетболом и волейболом, а летом уже со второго курса уезжал в геологические экспедиции. Тогда все факультеты университета размещались в единственном здании на Вузовской Набережной (ныне бульвар Гагарина) в бывшем институте благородных девиц. Там же размещались ректорат и все деканаты.

В университете училось легко, особенно на первом курсе. Такая была эйфория после зимней сессии, когда вся группа сдала экзамены только на «хорошо» и «отлично», за крайне редким исключением. Зато весенняя сессия стала для нас холодным душем. Лишь трое или четверо сдали все на «хорошо» и «отлично», посыпались тройки и были даже пересдачи. Для того времени это было чрезвычайным происшествием. К тому же, уже тогда с тройками стипендию не давали, но, тем не менее, веселая студенческая пора продолжалась. Продолжалось увлечение спортом, самодеятельностью, были частые коллективные походы в кино, театр. Театр, как я уже упоминал выше, я полюбил с детства. Первым спектаклем для меня был

«Последний звонок». В первом ряду сидят мои преподаватели школы № 11, которую я закончил в 1948 году (слева направо): Татьяна Фёдоровна Варакина, Людмила Михайловна Мозжухина, Иосиф Александрович Дриц (директор школы), Людмила Николаевна Зиненко, Владимир Захарович Коган, а вокруг мы, школьники.

В дореволюционные годы в этом здании размещался Девичий институт Восточной Сибири (ныне один из корпусов Иркутского государственного университета)

«Кот в сапогах» с Козлитиной и Евтюховым в заглавной роли в ТЮЗе, когда я, наверное, учился еще в деревне. С кем я ходил смотреть этот спектакль – не помню, но восторгам не было конца. По-моему, наш Иркутский ТЮЗ с самого начала своего существования и до наших дней сохранил свою высочайшую марку воспитателя молодого поколения. Вот только, как и все другие театры страны, он не мог себе отказать в переименовании названий спектаклей авторов. Так, «Старший сын» Александра Вампилова, поставленный в наши дни на сцене этого театра, кстати, носящего имя этого знаменитого драматурга-земляка, почему-то идет под названием «Сарафановы». Глубоко убежден, что и Вампилов, и Островский, и Шекспир и многие другие писатели и драматурги, спектакли которых в наши дни часто переименовывают, не хуже новоявленных «режиссёров» знали, как лучше назвать своё произведение. В этом отношении мне очень импонирует высказывание Валентина Распутина, сделанное в небольшой вводной статье к пьесам Александра Вампилова, который писал: «...вампиловские пьесы, похоже, сами диктуют свою постановку и не допускают разночтений». (В кн.: Александр Вампилов. Старший сын. Иркутск, 1977). На мой взгляд, в любом случае следует уважительно относиться к писателям и к их литературному наследию.

В 1943 году, когда вернулся с фронта брат, он повел меня слушать оперу «Евгений Онегин», которую ставил Киевский театр оперы и балета, работавший в годы войны на сцене Иркутского драматического театра. Это была первая опера в моей жизни. В конце войны и в послевоенное время в драмтеатре тогда восхищались спектаклями «Так и будет», «Под каштанами Праги», «Тристан и Изольда». В спектакле «Молодая гвардия», также поставленного в первые послевоенные годы, дебютировал как актёр известный кинорежиссёр Леонид Гайдай, выпускник театрального училища при Иркутском драматическом театре. Вообще в те годы в театр ходили как на праздник: наряжались в лучшие костюмы и платья, дамы обязательно надевали модные туфли. Одетым как попало в театр ходить было просто неприлично, а уж есть мороженое или что-то жевать во время пред-

ставления было святотатством. Театр обожали, он был храмом искусства.

Первый год учебы в университете закончился учебной геологической практикой, которую вел у нас уже известный иркутский геолог, позднее ставший профессором – Петр Иванович Налетов. Впоследствии Пётр Иванович организовал достаточно представительный учебный геологический музей на геологическом факультете Иркутского государственного университета.

Практика, как и в настоящее время, проходила в окрестностях г. Иркутска. Мы с неизменным восторгом, как и теперешние первокурсники, «живьем» осматривали пропластки каменного угля в юрских песчаниках – удивлялись отпечаткам папоротника в этих породах; определяли, сколько террас имеет р. Иркут и какой рыхлый материал приносится этой рекой. Несказанно огорчались, что практика так быстро заканчивалась, как, впрочем, также огорчаются быстротечностью учебной практики и некоторые нынешние первокурсники. К сожалению, далеко не все нынешние студенты проявляют рвение к изучению геологической науки, некоторые из них с трудом сдают экзамены и зачёты; стараются всеми правдами и неправдами освободиться от учебной практики, но, к счастью, есть и немало студентов, которые живо интересуются проблемами современной геологической науки, с нетерпением ждут наступления учебной геологической практики, с удовольствием и интересом работают в геологических экспедициях. Всё это позволяет мне с оптимизмом смотреть в будущее нашей профессии.

С первого же курса наша группа в одночасье влюбилась в геологию. Наверное, потому, что стержневой курс – общую геологию – нам читал уже тогда известный ученый Николай Александрович Флоренсов. «В 1945–1947 годах – как пишет его ученик Николай Алексеевич Логачёв – Николай Александрович работал главным геологом Восточно-Сибирского геологического управления, сохраняя за собой кафедру и педагогическую нагрузку в университете» (Николай Александрович Флоренсов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003, с. 17). Известный иркутский геофизик, Николай Сергеевич Ермаков, только начинавший тогда работать в этом управлении, рассказывает, что он не знает более интересных, важных и нужных напутствий для геологов, уезжающих на полевые работы. А я не могу припомнить более яркого

и талантливого лектора чем Николай Александрович. Его несколько тихий голос и то, о чем он рассказывал, нас студентов-первокурсников завораживало. Лекции Николая Александровича были необычайно содержательными и интересными. Возможно, поэтому, читая этот курс сейчас, я редко бываю удовлетворен качеством своих лекций. Да и потом нам, тогда студентам геологического факультета, сильно повезло. Так, все основополагающие дисциплины читали такие корифеи науки, как Михаил Михайлович Одинцов (историческая геология и история геологии), Евгений Владимирович Павловский (геология СССР), Наталья Васильевна Фролова (петрография метаморфических пород), Александр Владимирович Власенко (петрография магматических пород), Всеволод Николаевич Данилович (геотектоника), Василий Дмитриевич Принада (палеонтология), Виктор Прокопьевич Солоненко (инженерная геология и гидрогеология). Светлая память всем этим очень хорошим людям и замечательным педагогам. В каждом студенте они видели личность и общались с нами как с равными.

Пожалуй, наиболее яркой и значительной личностью была Наталья Васильевна Фролова. Эта обаятельная и ироничная женщина всегда была предметом высочайшего обожания всего мужского геологического иркутского сообщества (и не только, наверное, иркутского). Её очень любили и все студенты. Общение со студентами для Натальи Васильевны, на мой взгляд, доставляло ей неизмеримое удовольствие. Во время перерывов она любила рассказывать различные житейские истории; часто с любовью и нежностью подтрунивала над своим супругом Евгением Владимировичем Павловским.

Евгений Владимирович как педагог вначале нам казался очень строгим и недоступным, и только на последнем курсе мы узнали, как он переживал за нас во время государственных экзаменов и защиты дипломных работ. Николай Александрович Флоренсов с виду казался также недоступным человеком, но если уж он отдавал кому-то свои предпочтения, то это навечно. Так было с его любимым учеником, ставшим академиком – Николаем Алексеевичем Логачевым.

О Михаиле Михайловиче Одинцове можно говорить бесконечно долго и всегда в превосходной степени. Без преувеличения можно сказать, что он был великим человеком. Кто знает его

биографию, непременно со мной согласится. Я приведу здесь небольшие выдержки из моей статьи об этом уникальном человеке, опубликованной в книге, посвященной памяти Михаила Михайловича Одинцова.

«В октябре 1948 г. мы, студенты, только что принятые на первый курс геолого-почвенно-географического факультета Иркутского университета, впервые увидели на факультете высокого, с крупными чертами лица, несколько необычного и даже строгого на вид, если не сказать сурового, человека, которым оказался Михаил Михайлович Одинцов. Студенты-геологи, вчерашние школьники, смотрели на этого человека с благоговением и, пожалуй, с некоторой робостью, особенно когда узнали, что это – известный исследователь Сибирской платформы и один из первых деканов геологического факультета (в самостоятельный этот факультет был выделен в 1949 г.).

Непосредственное наше знакомство с Михаилом Михайловичем состоялось на следующий год, когда он нам начал читать курс исторической геологии. Лекции по этому предмету собирали, как правило, полную аудиторию, все слушали Михаила Михайловича с большим вниманием и интересом. Эти лекции запомнились нам как-то по-особому: они для нас, по существу, были «дверью в геологию». Именно благодаря этим лекциям, а также лекциям по общей геологии, читаемым Николаем Александровичем Флоренсовым, после второго курса никто не хотел ехать на учебную практику в Моты, а все старались попасть на практику в геологические учреждения. Тогда студентов брали нарасхват; геологическая служба бурно развивалась, рабочих рук не хватало. И тогда же мы уже знали, что Михаил Михайлович совсем не суровый и даже не строгий, а очень справедливый человек и прекрасный педагог. В те времена среди педагогического созвездия на геологическом факультете (Николай Александрович Флоренсов, Евгений Владимирович Павловский, Наталья Васильевна Фролова, Виктор Прокопьевич Солоненко) наш Мих Мих, как мы его ласково называли, занимал, пожалуй, особое положение и как педагог, и как наставник, и как старший товарищ. Уже тогда многие студенты-старшекурсники – С. Ф. Павлов, М. Ф. Кузнецов, А. И. Бердников, А. П. Труфанова, Л. Н. Зведер и другие – дели-

ли с ним полевые будни. Позднее большинство из них стали известными исследователями и педагогами.

*Михаил Михайлович
Одинцов
Флоренсов*

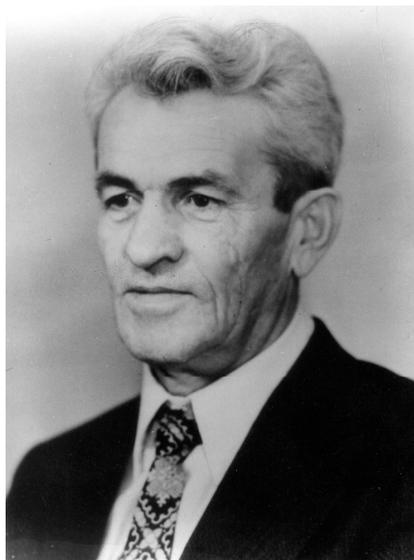
Николай Александрович

Наталья Васильевна Фролова

Евгений Владимирович Павловский

Виктор Прокопьевич Солоненко

Не менее запомнился нам курс «История геологии». Тогда от Михаила Михайловича мы узнали много полезного и интересного из жизни крупнейших мировых знаменитостей в геологической науке: от Леонардо да Винчи и Михаила Ломоносова до Зюсса, Обручева и Штилле. Помню, как тогда, на лекциях по истории геологии, Михаил Михайлович старался вместе с нами, студентами-пятикурсниками, обсудить проблему геологической науки как таковой. В ту пору он стремился нас убедить, что без настоящего «геологического ремесла» (он любил повторять это словосочетание),

связанного с трудными, но порой счастливыми, геологическими маршрутами, невзгодами и лишениями полевых буден, немыслима настоящая геологическая наука.

В декабре 1957 года я сдавал приемный экзамен в аспирантуру в Восточно-Сибирский геологический институт (ныне Институт земной коры СО РАН). Председателем комиссии был М. М. Одинцов (директор института), а членами – И. В. Белов и В. П. Солоненко, последний уже тогда был известным специалистом по сейсмогеологии. Запомнился весьма интересный случай. Во время экзамена сильно закачалась люстра в кабинете директора, зазвенели графин с водой и стаканы, ощущались сильные толчки. То было известное Гоби-Алтайское землетрясение, которое произошло 5 декабря 1957 года. Какова же была реакция членов приемной комиссии? Они попросту забыли о существовании будущих аспирантов и весьма оживленно обсуждали это событие: куда-то звонили, делали предположения относительно места

возникновения очага землетрясения. Откуда-то появился Андрей Алексеевич Тресков (известный уже в те годы в нашей стране специалист по землетрясениям, профессор Иркутского университета), и начали намечаться будущие исследования, связанные с этим, тогда очень значительным, событием. А будущими аспирантами занимался только Иван Васильевич Белов, остальным членам комиссии было не до нас. В 1958 г. была создана крупная экспедиция при институте, которая привнесла очень много интересного, много нового в познание структурных последствий сильных землетрясений. Изучение района Гоби-Алтайского землетрясения вывело институт на значимые позиции в стране и за рубежом еще в начале 60-х гг. Михаил Михайлович Одинцов относился к разряду тех людей, о которых память с годами обостряется, а его доброе и искреннее отношение к людям будет помниться всегда».

Словом, к своим преподавателям мы относились с огромным уважением и почтением. Все они были людьми очень высокой культуры, образованными и интеллигентными. Нам, студентам, большинство которых были выходцы из простых семей, казалось, что это – небожители. И всё-таки мы тогда до конца не осознавали самого главного, а именно: нас учили педагоги, имеющие огромный педагогический дар, обладающие высочайшим интеллектом, учителя с большой буквы. Выпускникам тех лет по большому счёту сильно повезло – им было у кого учиться. Так было не только на геологическом факультете, но и на всех других факультетах Иркутского университета. Разве можно было не знать таких светил-педагогов с других факультетов, как П. Ф. Бочкарёв, М. М. Кожов, И. А. Парфианович и многих других, которые работали в те годы в стенах Иркутского государственного университета. И в наши дни эти люди являются гордостью этого старейшего ВУЗа Иркутска.

После окончания первого курса университета наступило последнее лето, проведенное мною в прелестной деревушке Грудинино. Деревня была уже обречена, уже было известно, что через несколько лет она окажется на дне Иркутского «рукотворного моря» – так его тогда называли. Уже полным ходом шло строительство первой электростанции на Ангаре – Иркутской ГЭС. Но это грандиозное по тем меркам строительство мало кого из се-

лян радовало. Все были грустными и озабоченными. Вряд ли эти переживания можно описать лучше, чем это сделал наш земляк-писатель Валентин Распутин в своей повести «Прощание с Матерой».

Это последнее лето в деревне было жаркое и сухое, много работали, но главное как-то меньше смеялись, люди стали менее разговорчивыми, все было озабочено переездом на новое место жительства. Потеря малой родины ощущалась во всём...

Второй курс для нас уже был обыденным, мы явно повзрослели; к нам пришли совсем взрослые студенты – Володя Агафонов и Игорь Кузьмин. Правда, успеваемость вчерашних школьников была повыше. Не случайно Володя Агафонов после первой же сессии всех разделил на три группы: пролетарии (между тройкой и четверкой), социал-демократы (четверки и пятерки), а «пятерочников» назвал «профессурой», что довольно четко отражало наши знания. Курс был достаточно сильным, и все хорошо учились.

Обучение второго года заканчивалось учебной практикой, которая проходила в деревне Моты на Иркуте. Мы обосновались в местной школе, на берегу Иркуты, погода стояла отличная, жили весело и дружно. Руководила нами совсем молодой ассистент кафедры общей геологии – Мина Семеновна Бабкова. Наша руководительница организовала учебную практику так, как бывает в обычном съемочном отряде. Мы ходили в небольшие маршруты, а вечером сдавали маршрут руководителю практики. Если кто «запорол» маршрут, то на завтра повторял его заново. Так мы составили первую геологическую карту. Мы очень гордились этим, когда увидели, что из наших маршрутов получилась настоящая геологическая карта. Составленная нами первая геологическая карта нас одновременно удивила и возвысила в собственных глазах. Но всё это быстро прошло после знакомства с настоящими буднями в геологических экспедициях.

На втором курсе, после Нового года, нас приходили нанимать в Геологическое управление, в Сосновскую экспедицию или Сибгеолнеруд – такая была тогда организация, занимавшаяся поисками нерудного сырья, преимущественно слюды. Ведь слюда тогда была стратегическим сырьем. Проходя недавно по улице Горького, я с удивлением увидел на фронтоне прекрасно отреставрированного здания крупными буквами надпись «СИБ-

ГЕОЛНЕРУД-1949», который как организация уже не существует почти полвека. Интересующиеся могут увидеть это здание, в котором теперь размещается «Иркутскгеофизика», оно расположено почти против Харлампиевской церкви. В тот памятный 1950-й год я дал согласие поехать в геолого-съёмочную партию Иркутского геологоуправления. Эта партия предполагала проводить съёмку 1:1 000 000 масштаба в верховье бассейна реки Катанги. Уговорил меня туда поехать еще зимой только что окончивший наш факультет, позднее известный иркутский геолог – Борис Викторович Успенский. До этого мы были с ним хорошо знакомы. Вместе играли в волейбол. Борис был одним из лучших волейболистов в университете и играл за сборную ИГУ. Выезд партии на полевые работы затягивался, и я перед этим решил пройти и учебную практику по геологическому картированию под руководством М. С. Бабковой, о чем уже писал выше.

Числа 10 июля наша партия, в которую я был зачислен на работу коллектором, наконец-то вылетела в Нижнеилимский район Иркутской области. Мы летели из Иркутска до Нижнеилимска, большого районного села, поразившего нас, горожан, тем, что ранним утром по улицам в лошадиной повозке развозили необычайно душистый хлеб, а возница был облачен в белоснежный халат. Из Нижнеилимска мы тронулись тоже не сразу. Вначале до деревни Невон, вниз по реке Илим, а затем по реке Ангаре плыли на барже. А вот от Невона мы двинулись пешим ходом с навьюченными экспедиционным снаряжением лошадьми на Катангу, к месту нашей базы – Кирьяновской Конторе. Так назывались несколько деревянных домов, по-видимому, построенных еще до революции купцами. Здесь нас ждал сторож с большим запасом продовольствия и снаряжения. Буквально через день или два мы с Борисом Успенским на лодке двинули в первый геологический маршрут по одному из довольно крупных притоков р. Катанги.

На протяжении нескольких десятков километров нам удалось встретить, пожалуй, два-три коренных (скальных) выхода горных пород. Геология этого района для меня была, конечно же, белым пятном, да и не только для меня. Поэтому такие находки нас особенно радовали. Мы эти обнажения скрупулёзно обследовали. Борис к своим обязанностям старшего геолога партии относился очень добросовестно. По мере подъема вверх по

реке мы постоянно брали шлиховые пробы. Здесь я научился ее отбирать и отмывать. Все это было чрезвычайно интересно, а мне еще и как-то тревожно, особенно по ночам, да и Борис, по моему, тоже был беспокоен. По ночам у нас в палатке всегда горела свеча, и рядом лежало заряженное ружье и топор на случай прихода «хозяина тайги». А живности там действительно было много, особенно дичи, не говоря уже о рыбе. Рыбу мы ловили самым примитивным способом: привязывали леску с блесной к лодке и время от времени снимали с нее то крупного окуня, то щуку. Так что с едой у нас проблем не было. Каждый вечер мы варили почти ведро супа из уток или рябчиков, сдобренных какой-нибудь крупой. Наедались до отвала и, несмотря ни на что, засыпали богатырским сном.

Еще эта поездка запомнилась мне тем, как я самостоятельно выбирался из местечка Угоян, расположенного в нескольких десятках километров от крупного селения Ванавары (это уже Красноярский край). От Угояна до деревни Кеуль (на реке Ангаре), расстояние в 120 километров, надо было пройти пешком и одному. Сейчас-то там не очень обжитые места, а в то время эти два селения связывала не везде (особенно в старых гарях) заметная тропа. Дали мне одноствольное ружье, которое тут же вышло из строя (когда я пытался его зарядить, то оно никак не «хотело» прийти в нормальное положение – так я его и вез до самого Иркутска).

Конечно, одному в тайге, да ещё по плохой тропе, идти было жутковато, а когда через два дня я повстречал человека на лошади – на глаза навернулись слезы. От селения Кеуль, вплоть до Нижнеилимска, я добирался где пешком, где меня подвозили, а ночевал я чаще всего в деревнях, в какой-либо одной из крестьянских изб, расположенных по берегам Ангары и Илима. Встречали меня там очень радушно: кормили, укладывали спать на кровать, а своих детей клали на пол. По обстановке было видно, что селяне жили очень скромно, если не сказать бедно. И, тем не менее, на ночлег принимали без разговоров. Да, только и остается вспоминать российское гостеприимство тех времён, особенно характерное для нашего народа. Где-то недели через две я прибыл в Иркутск. Был конец сентября. Встретила меня сестра Катя и очень огорчила – был тяжело болен мой отец. У него случился инсульт. По-видимому, переезд на новое место не

прошел для моего папы безболезненно. Да и видно было, как он все эти годы сильно переживал. Ведь родители наш дом из деревни Грудинино вместе с братом мамы, Алексеем Афанасьевичем Афанасьевым, решили перевезти на окраину г. Иркутска. Скорей всего они по-своему рассудили правильно: дети уже учились в городе (это я и моя сестра Катя), им все равно дом перевозить надо на другое место, так не лучше ли это сделать сразу. Тем более, что новое место, отведенное для строительства новой деревни, похоже, папе не очень-то понравилось. А я к этому месту не привык и до настоящего времени.

К началу занятий на третий курс мало кто из студентов возвратился вовремя. Это и понятно. Большинство из нас вернулись к концу сентября, а некоторые и в октябре. Но занятия шли полным ходом, появились новые дисциплины, новые преподаватели, новые встречи и знакомства. Именно на третьем курсе мы ближе познакомились с Натальей Васильевной Фроловой, о которой я уже упоминал выше. Помимо лекций, Наталья Васильевна давала нам курсовые задания. Отчитываться по этим заданиям мы, как правило, ходили к ней на квартиру. Принимала она нас как гостей, обязательно угощала чаем с печеньем и разнообразным вареньем. Но это не означало, что курсовая работа зачтется. Наталья Васильевна умела быть одновременно и доброжелательной хозяйкой, и взыскательным педагогом.

К этому времени спорт как-то несколько отошел в сторону. В ту пору в университете было повальное увлечение театром. Все студенты восторгались игрой тогдашних звезд нашего драматического – Барановой, Крамовой, Юреновой, Терентьева, Ситко, Серебрякова. Тогда же в театре появились совсем молодые Венгер и Егунов. Некоторые из них приходили в университет руководить драмкружками. Тогда было модно в вузах и даже в крупных учреждениях ставить целые спектакли. Так, мединститут ставил «Евгения Онегина», геологоуправление – «Дети Ванюшина». Под руководством пятикурсника Олега Горнакова на геологическом факультете ИГУ тоже поставили спектакль по пьесе Павленко «Счастье». Я там сыграл небольшую роль разгильдяя-колхозника, говорят, что неплохо получилась. Но всё-таки больше всего в те годы студенчество увлекалось игрой профессиональных театров города. По-моему, в пятидесятые годы в нашем драматическом театре ставилась блестящая искромётная коме-

дия «Лев Гурыч Синичкин». На эту комедию билет было достать крайне трудно. А несколько позднее ставился интересный спектакль «Шестой этаж», с великолепным трио актёров – Макарьевой, Некрасовой и Броневым. Да, тем самым Леонидом Броневым, который уехал в Москву и долгие годы работал в «Театре на Малой Бронной».

Третий курс прошел в одно мгновение и снова сборы в «поле» (так назывались поездки в геологические отряды, партии, экспедиции). Я выбрал Восточный Саян и поехал старшим коллектором к Людмиле Ивановне Николаевой, дочери известного иркутского профессора-почвоведа, бывшего декана геолого-почвенно-географического факультета. Людмила Ивановна была начальником Ботогольской геолого-поисковой партии Иркутского геологического управления. База находилась в поселке Ботогол, где меня удивили отличные дороги в районе рудника, на котором добывался графит под руководством предпринимателя Алибера еще в начале прошлого столетия.

Саяны меня поразили своей величественностью, контрастностью и разнообразием животного и растительного мира. Горы в районе Ботогола (около 3000 м над уровнем моря) были покрыты кедром. Необычно сильно «изрезанный» рельеф указывал на современные движения в земной коре. Но это стало мне известно значительно позднее, а тогда я только понял, что «...лучше гор могут быть только горы...». Работа геологической партии была хорошо организована: вовремя и главное в необходимом количестве было завезено продовольствие и снаряжение. В партии был хороший завхоз, я помню до сих пор его фамилию – Клепиков, очень симпатичный и добрый человек. В конце каждой недели он выдавал нам, студентам, по банке сгущёнки. Именно в этой партии я по настоящему научился хорошо владеть картой и компасом, проводить самостоятельные геологические маршруты. В составе нашей партии были также студент-дипломник нашего факультета Вадим Вохминцев и студент-томич, мой ровесник, Владимир Пруглов. Скучать не приходилось, да и работы было очень много. Людмила Ивановна была довольно строгим и взыскательным начальником и хорошим специалистом-геологом.

Возвратился я домой лишь в октябре, когда в Саянах было уже совсем холодно, почти зима. Партия же оставалась на какое-

то время в Мондах, на предварительные камеральные работы, чтобы подготовиться к защите полевых материалов.

Дома меня встретила бабушка и племянник Гоша (сын старшей сестры Нюры), родители же мои все еще проживали в деревне в доме Бубликовых, хотя собственный дом был уже перевезен в город, а брат находился в очередной командировке. Конечно же, я побывал в своей деревне, но там было как-то очень тоскливо и неудобно, особенно в этом небольшом домишке, а поэтому я там особенно и не задерживался. К тому же меня уже «поглотила» городская жизнь.

Вот уже и четвертый курс. Почти все сокурсники приехали с геологической практики с достаточно солидными (по тем временам) заработками. Первое, что купили почти все, вернувшиеся с полевых работ студенты – спортивные костюмы, тогдашняя мечта всех студентов (и не только геологов). Четвертый курс вообще пролетел одним, как теперь говорят, «махом». Пожалуй, запомнились размеренные лекции Евгения Владимировича Павловского, да его вызов к геологической карте Союза ССР. На этой карте студент должен показать, где находится, например, город Киев или Минск или где протекает Днепр или Дон. Каверзные вопросы. Карта раскрашена разными цветами по свитам и горизонтам, поди, сыщи, где находится город Киев, обозначенный на карте мелкими буквами? Конечно же, запомнились и военные сборы в Мальте, которые проводились после окончания четвертого курса. Явственно вспоминается, как попал на гауптвахту очень дисциплинированный студент Игорь Кузьмин!? По недоразумению. А вот Володя Баранов крупно повздорил с подполковником Спиваком, так его чуть не исключили из университета. Это почти на пятом-то курсе. Ведь четвертый мы уже закончили и готовились поехать на преддипломную практику.

Все эти годы мы с Костей Чернышевым, уехавшим после первого курса из Иркутска, поддерживали активную дружескую переписку и даже обменивались фотографиями. Костя всё звал меня в Ростов, где он уже обзавёлся семьей, и у него появилось сразу двое малышей – Люда и Саша, с которыми я с большим удовольствием познакомился только несколькими годами позднее, о чём я уже писал ранее.

После окончания четвёртого курса и прохождения военных сборов все разъехались

по разным партиям и экспедициям. Мы с Анатолием Таскиным подрядились ехать в экспедицию Сибгеолнеруда. Там, в Бодайбинском районе, в бассейне реки Светлой, работала экспедиция этого треста по разведке и поискам слюды-мусковита в мамской продуктивной толще. Я попал на поиски в отряд, которым руководила Фаина Васильевна Кузнецова. Это, пожалуй, была самая интересная практика. Фаина Васильевна, помимо работы в Сибгеолнеруде, вела большую научную работу от Института геологии (теперь Институт земной коры СО РАН) в составе Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР. Фаину Васильевну отличало большое трудолюбие, пытливость и ясность мысли и, конечно же, огромная любовь к геологии. Надо сказать, в отряде собрался очень интересный коллектив. Первым помощником Фаины Васильевны был Леонид Федорович Клещев, позднее ставший её мужем. В составе отряда был также выпускник Благовещенского геологоразведочного техникума Павел Лешошко (с ним мы сразу же подружились, а позднее его полюбило все наше семейство); маршрутным рабочим второй год подряд ездил Виктор Хомкалов. В отряде было также два студента из Бодайбинского геоло-

Костя Чернышёв (фото 1951 года).

горазвездочного техникума – Леня Шестаков и Вася Перетолчин. Вот и весь отряд. Вначале было все гладко. Мы «маршрутили» мамскую продуктивную толщу, протягивающуюся в юго-восточном направлении. Вскоре начались проблемы с питанием: возчик Володя в тумане потерял ориентировку и завел лошадей в скальники, где они погибли вместе со снаряжением. У нас остался только мешок пшеники. Этим и кормились в течение месяца, подсыпая в кашу созревающую голубику (соли тоже не было). Но мы не унывали и даже с Леней Шестаковым в маршруте сочинили «Жуинскую поэму». Дело в том, что начальник Жуинской экспедиции под фамилией Фидрусь всё лето просидел на прииске Светлом и слал только радиограммы, чтобы мы сворачивали работы. В связи с этим и появилась эта поэма. Вот строки из нее:

Фидрусь испугался,
 Куда черти идут,
 Неужто близ Читы
 Слюду они найдут...

...

Работа в этом отряде у меня оставила самые светлые воспоминания. Там был очень хороший дружный коллектив, все друг о друге заботились, беспокоились, когда какая-то пара маршрутников запаздывала с возвращением на лагерь. Полагаю, что такому духу «геологического братства» небольшого коллектива способствовали Леонид Фёдорович Клещёв и Фаина Васильевна Кузнецова. Они неназойливо нас учили уму-разуму. А ведь они также были молоды – буквально на несколько лет старше самого старшего из нас. Наверное, там я по-настоящему приблизился к профессии геолога. Именно благодаря Фаине Васильевне я научился «читать» геологические выходы горных пород. А великолепные обнажения продуктивного горизонта дистеновых сланцев до сих пор стоят у меня перед глазами. Скальные выходы этих пород издали производили впечатление как будто бы это древние полуразрушенные замки! Это – удивительное творение природы! Мало где можно встретить такие необычные, протягивающиеся на десятки километров узкие в пять-десять метров шириной толщи горных пород. Эти обнажения в три-пять метров высотой среди почти голой, покрытой только ягелем, местности видны были с очень большого расстояния. В геологии такие толщи называют маркирующими горизонтами. Они очень

помогают геологу составить грамотную геологическую карту. И, конечно же, с этой практики я привез богатый материал для написания дипломной работы.

Ближе к окончанию университета в нашей довольно большой семье жизнь стабилизировалась: сёстры все вышли замуж, у них появились дети, стало быть, у меня племянники и племянницы.

Начался последний пятый курс, первый семестр которого запомнился зимним наводнением в Иркутске, чтением лекций по истории геологии Михаилом Михайловичем Одинцовым и началом работы над дипломом. О зимнем наводнении и лекциях Михаила Михайловича я уже писал. А вот над дипломной работой мне пришлось изрядно попотеть, так как у меня было два очень взыскательных руководителя. С одной стороны, полевые материалы мне предоставляла Фаина Васильевна, работавшая в Институте геологии, где и я просматривал многочисленные шлифы (тонкие срезы горных пород, которые изучаются под специальным микроскопом), составлял геологические и другие карты, разрезы, диаграммы. Со стороны университета руководил мною очень добрый, но требовательный Александр Владимирович Власенко, милейший человек. До сих пор помню, как я каждый вторник ходил в низенькую квартиру на втором этаже деревянного дома на улице Халтурина, сдавать ему очередной раздел. Александр Владимирович был довольно высоким человеком, и меня всегда удивляло, как он мог жить в такой низкой «хижине». Впрочем, в те времена жилищные условия были у многих не лучшими.

Приближалась пора госэкзаменов и защит дипломных работ. В мае прошло государственное распределение. Все мы получили путевки, причем даже небольших сбоев при этом не было: кто-то остался в университете, кто-то поехал в аспирантуру (Южно-Сахалинск, Владивосток); многие остались в Иркутске или поехали в соседний Улан-Удэ. Анатолий Таскин, мой ближайший приятель на курсе, решил работать в Москве, во Всесоюзном аэрогеодезическом тресте.

Мой жребий пал на Приморье, край, который с детства меня привлекал своим романтическим прошлым, далеким географическим положением и климатом. Я уже тогда знал, что Приморский край характеризуется более мягкими теплыми зимами, бо-

лее длительным летом, а главное – там произрастает наиболее пышная субтропическая растительность – лимонник, дикий виноград и другие экзотические растения, именно там встречаются редкостные животные, такие как амурский тигр и гималайский медведь. Распределение я получил в комбинат «Дальолово» на должность геолога с окладом по штатному расписанию в 1400 рублей, – для того времени это были немалые деньги.

В июне 1953 года были сданы государственные экзамены, защищена дипломная работа, получен диплом и подъёмные. Оставался месяц на отдых, который был использован на поездки между деревней и городом. Деревня, по существу, стала другая – некоторых домов уже не было. Не было уже и нашего дома, он перевезён был в Иркутск. А вокруг деревни уже вырубались деревья для очистки ложа будущего водохранилища; всюю шла подготовка селян для переезда на новое место жительства – в Новогрудино. Всё это настраивало на грустные размышления, и меня эти приготовления больше огорчали, чем радовали. Особенно грустно было смотреть на моих постаревших родителей: они металась между городом и деревней, цепляясь за деревню посадками картофеля и других овощей. Хотя в те годы в городе у них был свой дом и небольшой приусадебный участок. Словом, там было чем заняться. Да и возраст их был уже вполне почтенный, который давал право, как говорят, быть на заслуженном отдыхе. Не видно было особого энтузиазма и радости и у тех, кто перевозил свои дома в новую деревню. Мне же необходимо было ехать к месту своего назначения на работу. И 12 августа 1953 года группа выпускников Иркутского государственного университета, в их числе я и мой однокурсник Михаил Корж (он намеревался поступать в аспирантуру в Дальневосточный геологический институт АН СССР), скорым поездом № 33 Новосибирск-Владивосток выехала из Иркутска по направлениям на работу на предприятия и в школы Хабаровского и Приморского краев.

Последний раз скорый поезд промчал меня по старой Кругобайкальской железной дороге. Я с грустью из тамбура вагона в последний раз вглядывался в еще не вывезенные из моей деревни сиротливо стоящие деревенские избы и на любимые места детства и юности, с которыми так много было связано самых разнообразных и тёплых воспоминаний. Поезд быстро пронёсся через блок-пост «47-й км», где на прощанье помахали мне рукой

моя сестра Мария со своими сыновьями Олегом и Борисом. Они также проживали последние дни на этом полустанке, который в самое ближайшее время тоже окажется скрытым под многометровой толщей Иркутского водохранилища.

Мое возвращение из Приморья в Иркутск было поздней осенью 1955 года, и маршрут поезда тогда проходил уже по новому железнодорожному пути, пролегающему по горной части Присяянья, через неизвестные мне тогда железнодорожные станции Ангасолка, Андриановская, Большой Луг, Гончарово. Летом этого же года уже началось заполнение Иркутского водохранилища, и к концу пятидесятых годов все эти изумительные места, в том числе старая Кругобайкальская железная дорога на отрезке Иркутск–Байкал, оказались под многометровой толщей воды и стали громко именоваться Иркутским морем (точнее плотина ГЭС находится в семи километрах вверх по течению Ангары от железнодорожного вокзала города Иркутска).

Отрывок из книги известного строителя Иркутской ГЭС И. Т. Смолянина даёт в общих чертах довольно полное представление о заполнении Иркутского водохранилища.

«Картину послевоенной Ангары накануне затопления её берегов...» — пишет Иван Трофимович, — нарисовал мне бывший лесник Ангарского лесхоза, располагавшегося в селе Большая Речка, Михаил Трофимович Герасимов, работавший в этом лесхозе с 1947 по 1953 годы.

Николу подтопление не затронуло, только поднялась вода на берегу на один-полтора метра. Село Большая Речка затоплено частично. Было до трёх тысяч жителей, находился крупный леспромхоз: заготавливал до 150–200 тыс. кубометров леса и сплавлял его плотами до Иркутска, звероферма, где разводили песцов, соболей и норок. А вот от Тальцов остались 2–3 улицы. Полностью была затоплена территория стекольного завода, выплавляющего оконное стекло на дровах. Ниже по течению стояла деревня Бутырки: с десятков домов на возвышенном месте — почти все остались. Бурдугуз — не помню, видимо, ничего значительного не было. Далее — Бурдаковка, жили хохлы-переселенцы, деревня вся осталась, расстроилась. В конце деревни на возвышенности находилась большая городская психлечебница (до 300 человек), которую перевели в Жердовку. Ниже по Ангаре на берегу глубокой быстрой речки Каралок стояла большая деревня в 30

дворов, от которой осталось 4–5 домов, стоявших на возвышенности. В речку заходил харюзок, по ней выше 15–18 км образовалось селение Лебединка, где жили белорусы. Исток речки был в хребте, по другую сторону которого начинается Ушаковка.

У деревни Пашки раскрывалась широкая пойма Ангары, здесь уже начинались острова, и дорога спускалась к реке. Это было самое красивое и оживлённое место на Ангаре. Поля, сенокосы... Напротив Пашков на другом берегу Ангары между Иркутском и Байкалом была единственная станция Михалёво (на этом отрезке была ещё станция Подарвиха, прим. М.И.Г.) с подъездными путями и лесозаготовительным хозяйством Ангарского управления строительства, заготавливалось до 300 тыс. кубометров леса с лесосекой до 400 тыс. гектаров...

...Патроны были затоплены, новой деревни не строили. Были уже Новые Патроны с радиостанцией. Деревню Щукину – было домов 40 – восстанавливать не стали. Люди переселились часть в Лисиху, часть в Ново-Разводную, где от Пивоварихи образовалось опытное хозяйство» (И. Т. Смолянин. Свет первой звезды // Мои года. 2006. 11 нояб.).

Далее, в той же газете от 18. 11. 2006 года, И. Т. Смолянин продолжает: «Вполне объяснимо, что и Братск, и Усть-Илимск, и Красноярск, не говоря уже о Мамаканской и Вилюйской ГЭС, родились здесь, в Иркутске, от света первой звезды. И не в величине, не в мощностях, не в масштабах дело: именно здесь и на ТЭЦ-1 в Ангарске была создана основа экономики нашего региона – большая энергетика, заложены приёмы и методы работ, организация и механизация всего строительства последующих лет. Здесь, как в лаборатории исследовался опыт выживания и действий в жёстком сибирском климате. Всё это легло в основу проектирования и возведения очередных гидроэлектростанций ангарского и енисейского каскадов. Именно здесь, на строительстве Иркутской гидроэлектростанции, воспитывались руководители, бригадиры, рабочие, которые понесли в новые коллективы, в новые более суровые и сложные условия, приобретённые практические навыки, запасы знаний и отношений, взаимопомощь и взаимовыручку». Для многих людей старшего поколения всего Советского Союза строительство каскада гидроэлектростанций на Ангаре и Енисее было, пожалуй, самым счастливым временем, временем, когда вся страна жила в едином порыве свершения

небывалого. Эти годы, на мой взгляд, можно назвать годами романтизма и единения великого народа, хотя эти свершения не всегда были оправданы последующей не очень-то лёгкой жизнью людей в суровых сибирских условиях.»

Более полувека прошло с тех давних и памятных дней, когда были закрыты водой те благодатные места, облюбованные для постоянного жилья первыми землепроходцами Сибири. Кто тогда спрашивал местных жителей согласия на переселение на новые места? Получили ли эти люди какую-то компенсацию взамен? Конечно же, нет! Они, попросту говоря, были развезены по всему белому свету. Может быть, современные власти будут более осторожными при исполнении своих будущих «грандиозных» замыслов, связанных с тем или иным гигантским строительством и будут всегда помнить о судьбах простых жителей нашей необъятной страны. Ведь у нас так много свободной и необжитой территории, которую можно разумно использовать, не затрагивая жизненные интересы простого человека. Пора бы усвоить простейшую истину, что сиюминутные выгоды всегда выходят клином именно для самого рядового труженика.

А что представляет собой в наши дни деревня Новогрудинино? Кое-какие сведения я приводил выше. Конечно же, жизнь продолжается, приходят новые люди, нарождается новое поколение. Но то, что было в старой деревне, безвозвратно ушло в небытие, как, впрочем, и многое другое в нашей жизни. В подавляющем большинстве в этом населенном пункте живут сейчас совсем другие люди, преимущественно дачники, с другими интересами и другими судьбами. Что-либо писать о них мне интереса не представляет. Если говорить об общем впечатлении, то следует сказать, что современная деревня Новогрудинино мне приносит больше огорчений, чем радости. Большой частью она окружена огромными кучами строительного мусора, почти ежегодно в весенне-летнюю пору в окрестностях деревни горят леса, поля не засеваются, а зарастают кустарниками и мелколесьем. Многие построенные вокруг старых изб новые дачные сооружения в подавляющем большинстве находятся вблизи водохранилища, а некоторые даже непосредственно на берегу в нескольких десятках метров от кромки водохранилища, что явно не согласуется с водоохраным законодательством. Ведь деревня Новогрудинино находится в пятнадцатикилометровой зоне Иркутского

водозабора, который снабжает водой два крупнейших населённых пункта – города Иркутск и Шелихов. В этой зоне строить дачи ближе, чем за пятьсот метров от кромки водохранилища, по крайней мере, в советские времена было запрещено. Кроме того, в примыкающих к деревне лесах безмерно вырубается знаменитая ангарская сосна, идёт постоянный размыв береговой линии. Да и культура куда-то подевалась, совершаются беспробудные попойки приезжающих на отдых горожан. При всей этой, прямо скажем, не очень-то радостной картине мне невольно приходят на память слова старожилы старой и новой деревни, очень почитаемого и уважаемого мною человека, Петра Андреевича Черкашина (дедушки Петрухи), сказанные мне почти полвека назад о состоянии новой деревни, которые я приводил выше. Этот мудрый человек ещё в те далёкие времена чувствовал и предсказал будущее нашей деревни со столь трагической судьбой. Да одной ли только этой деревни!?

Не лучшим образом обстоят дела с водоохранной зоной водозабора не только в окрестностях деревни Новогрудино. Почти по всей береговой линии Иркутского водохранилища и в прилегающих к нему окрестных лесах, начиная почти от плотины ГЭС, наблюдаются порубки деревьев, везде разбросано много различных отходов, почти постоянно происходят пожары, особенно в левобережной части, где много дачных кооперативов. Берега захламляются, а некоторые бестолковые «горе-бизнесмены» умудряются вывозить на эти берега строительный мусор и бытовые отходы. С ранней весны и до поздней осени многочисленные отдыхающие в буквальном смысле слова выцеживают мелкие заливы и заводи мелкочейистым неводом, выгребая всю молодь. А в летнюю пору в некоторых заливах водохранилища почти всё лето стоят рыболовные сети. Неужели кругом всё так плохо или мне только так кажется? Неужели кругом разруха? Тогда это и «разруха в головах», как говорил классик словами профессора Преображенского.

Кучи мусора в окрестностях деревни Новогрудино, оставленные отдыхающими иркутянами после летнего отдыха

Такие же кучи мусора повсеместно можно видеть вдоль дороги от Иркутска до Новогрудино

В заключение этого повествования следует сказать несколько слов о самой «виновнице» всех этих вольных или невольных событий – о плотине Иркутской ГЭС. Ведь от технического состояния плотины зависит состояние всего водохранилища, а значит и судьба Иркутска, и судьба людей, проживающих в этом городе. Но к счастью, это, наверное, одно из немногих предприятий, которое, на мой взгляд, заслуживает и благодарности от жителей города Иркутска. Здесь надо отдать должное инженерно-техническим работникам коллектива Иркутской ГЭС. Несмотря на всякие передряги, коснувшиеся в последние десятилетия всего нашего общества, эти работники сделали и делают всё, чтобы внутреннее и внешнее состояние этого сооружения находилось всегда в образцовом порядке. Насколько мне известно, инженерно-технической службой ГЭС проводятся самые тщательные наблюдения за состоянием плотины и фильтрационными потоками в её основании. Регулярно выполняется плановая реконструкция пьезометрической сети наблюдательных скважин в теле плотины. Руководство Иркутской ГЭС до последнего времени постоянно поддерживает тесную связь с некоторыми научными службами Института земной коры СО РАН: ведутся совместные гидрогеологические, инженерно-геологические и сейсмологические наблюдения. Всё это позволяет спокойно жить и с оптимизмом смотреть в будущее.

За все эти годы, более чем за полвека, очень сильно изменился окружающий нас мир, изменились люди, изменилась страна, изменился её государственный строй. И, конечно, при всём при этом изменилась не только российская деревня, но и город стал другим. И в значительной части, к большому сожалению, эти изменения произошли чаще всего отнюдь не в лучшую сторону, особенно для сельского жителя, жизнь которого всегда была далеко не сладкой. Надо сказать, деревню государство никогда особенно не баловало, а попросту говоря, давно уже и забыло. Кроме формальной риторики для её возрождения с давних пор и до наших дней ничего в деревне не делается, а всякое правительство во все времена стремилось извлечь из неё только выгоду.

Ведь только во второй половине девятнадцатого столетия крестьянин в России был освобождён от крепостного права. Его всегда нещадно эксплуатировали, а на военную службу, хотя, это было задолго до Октябрьской революции, рекрутов из деревни призывали служить на двадцать пять лет. После революции крестьяне формально получили свободу, а фактически они ещё больше подвергались различным репрессиям: раскулачиванию, облагались невероятными налогами; селяне долгие годы жили без паспортов, как говорится, без имени, без отчества. Всё это не могло не способствовать планомерному и постоянному развалу и распаду деревни, и она год от года хирела, поскольку нормально жить там стало, попросту говоря, неумоготу и деревня медленно, но верно умирала. А теперь: что имеем, то имеем. О каком-либо восстановлении деревни говорить не приходится, но что-то еще сделать можно, а главное нужно.

В наши дни некоторые горячие головы считают, что «...Сельский мир кончился. Мы уже давно живём в урбанизированной среде... И никакой особой духовности в деревне никогда не было. Был тупой, монотонный, изматывающий, неинтересный труд, от которого человек всегда стремился избавиться. Крестьянин по мере возможности стремился эмигрировать в город. Точно так же, как в наше время, когда заканчивается индустриальный мир, наиболее активная часть молодёжи стремится эмигрировать в виртуальный мир.» (Литературная газета, № 45–46, 2005. Статья: Великая сушь). С такими, прямо скажем, убийственными сентенциями в адрес сельского жителя, в адрес российской деревни, на мой взгляд, вряд ли можно согласиться. Более того, они оскорбительны для крестьянства в целом, как будто бы его уже и не существует, хотя, конечно же, сельских жителей, как я полагаю, на порядок стало меньше. Да, труд сельского жителя лёгким и правда назвать нельзя. Но труд крестьянина, если кто знаком с ним не понаслышке, довольно разнообразен, и, что очень важно, настоящий крестьянин любил свою землю, относился к ней очень бережно, интуитивно понимая, как он с ней органически связан. Крестьянин, несмотря на то, что чаще всего был безграмотен, знал не хуже современных астрологов и разных предсказателей, когда наступают наиболее оптимальные сроки для посадки или посева той или иной сельскохозяйственной культуры, и когда приходит время их убирать.

Конечно, он сумел бы воспользоваться современными истинными благами цивилизации, если бы они туда доходили также быстро, как в город. Земля притягивает. Кто хотя бы немного был с нею связан, тот будет верен ей до последнего дыхания. Из деревни, и правда, некоторые крестьяне во все времена стремились уехать в город, как говорили, «на господские хлеба». Но уходили или уезжали в город большей частью те, кому действительно крестьянский труд был неинтересен и в тягость, для кого земля была безразлична. Они уходили в город на жительство к господам в качестве слуг и лакеев. Правда, бывали исключительные случаи, когда молодые способные люди уезжали учиться из деревни в город и, как правило, уже не возвращались обратно.

А что касается высказывания о том, что в деревне не было никакой духовности, то такой вывод может сделать только мало мыслящий человек, который никогда в ней не жил и вовсе не знает, что такое деревня и что в ней делают и чем занимаются. Я бы у таких «знатоков деревни» спросил: где впервые зародились разного рода ремёсла, откуда пошли народные песни и пляски, где были наиболее набожные люди?! Откуда брался материал для писателей, поэтов, композиторов как не из деревенской жизни?! И, наконец, я глубоко убеждён, что любой человек, где бы он ни жил – в городе или в деревне, по природе своей рождён для реального мира, а не для виртуального, как считает один из авторов статьи «Великая сушь».

Да, мир изменился, изменился уклад жизни людей, другим стало качество жизни, изменилось мироощущение и в значительной степени мировоззрение. К большому сожалению, в последнее время потребности многих граждан нашей страны, значительно преобладают над их способностью и возможностью сделать что-то полезное, произвести что-то необходимое. Хотят иметь все сразу, не затрачивая никакого труда, шикарное жильё где-нибудь за границей, вкусно и жирно поесть, а напоследок развлечься. Тем более, соблазн велик: трудные времена позади – везде всего в достаточном количестве. Как говорится, живём в бездефицитное время. Именно эти обстоятельства, по моему глубокому убеждению, приводят к обострению отношений между отдельными группами людей и в конце концов к возникновению разного рода конфликтных ситуаций. Многие перестали друг друга понимать и уважать, а ещё хуже – стараются найти

всевозможные способы обмануть – «обойти на вираже». Всё это привело к тому, что люди в большинстве своём стали черствее душой и, как правило, равнодушны и глухи к бедам ближнего. Не потому ли появилось чуждое для нашего российского общества выражение: «это ваши проблемы». Это выражение не свойственно сущности русского народа. Странное дело. Мы легко заимствуем всё плохое, но почему-то совсем не прививается у нас то хорошее, что накопили европейцы: дисциплина труда, чистота улиц и скверов, порядок, соблюдение правил дорожного движения, как пешеходами, так и водителями. Это тоже качество жизни. Я нигде не видел за границей, что бы молодёжь там сидела на спинках уличных сидений в парках и на остановках транспорта или таскала скамейки с места на место. Не хотелось быть брюзгой, но, право же, противно смотреть на наши тротуары, заплёванные жвачкой, семечками и окурками. Жвачкой заплёваны все полы в учебных заведениях Иркутска. А как обстоят дела в этом отношении в других городах России? К сожалению, не намного лучше. В Сингапуре и Китае с этим злом начали бороться – во всех учреждениях висят запретительные знаки, может и России следует к этому присоединиться? Правда, это весьма слабая надежда: ведь теперь жвачку жуют все – и члены правительства, и депутаты всех уровней, и чиновники и даже артисты на сцене. И ещё: в наше время безответственность, хамское отношение друг другу, неуважение старших – норма современного российского общества, особенно его молодого поколения. Ненормативная лексика стала обычной формой разговора, да что разговора... Падение нравов в стране фантастическое. Молодёжь по сути дела не знает как себя вести. Как-то я побывал в стенах одного из крупнейших и старейших вузов нашего города, теперь именуемого университетом. В коридорах этого вуза студенты и студентки громогласно изъясняются именно при помощи мата. Когда я спросил у одного из остепененных преподавателей этого вуза: что же это значит? Он мне без обиняков и с гордостью ответил: «у нас же ведь теперь демократия». Я настолько опешил и растерялся, что не нашёлся, что ответить. Да и что можно ответить на такое пояснение, если даже преподаватели так понимают демократию!? Теперь уже стало редкостью, когда в общественном транспорте молодые люди уступают место пожилым людям или инвалидам. Раньше, входя в помещение, люди крестились, а

теперь и шапку снимает далеко не всякий; принято было уступать место даме, а в наши дни нередко можно увидеть стоящую в автобусе старушку. Сейчас редко кто окажет помощь на улице человеку, которому стало плохо. Это очень нехороший симптом. Должен сказать, что в советские времена, даже в самые тяжёлые, простые люди в нашей стране в значительной своей части относились друг к другу с пониманием и желанием в трудную минуту помочь. На фоне большой армии голодных стариков и беспризорных детей в нашей стране совсем уж по-хамски выглядят деяния «новых русских», прожигающих жизнь в заграничных фешенебельных курортах и отелях, позоря Россию на весь мир. Хотя сами-то, так называемые олигархи, вряд ли понимают, насколько они мерзки и отвратительны. Очень хотелось бы надеяться, что это временное явление – издержки реформенного периода. Только вот реформенный период какой-то бесконечный. Ещё в конце прошлого столетия, во времена так называемой «перестройки», «великие реформаторы», а лучше сказать бездарные политики Горбачёв и Шеварднадзе, затем продолживший их «дело» амбициозный Ельцин, привели к развалу одно из мощнейших государств мира – Советский Союз. А затем началась рыночно-шоковая вакханалия, которая продолжается и по сей день. Тогда факт развала нашей страны президент Франции озвучил такими словами: «мы являемся свидетелями крушения не только сталинской империи, но и империи Великого Петра». Комментарии, как говорится, излишни.

В связи со слабостью властей всех уровней, в стране сложились условия для разнузданной коррупции и воровства. Это привело в свою очередь к огромной армии частной охраны, которая по численности в стране, наверное, в разы превышает наши доблестные войска. Судя по рекламным объявлениям, в частную охрану как раз и набирают людей, которые отслужили в армии. Какие уж тут заводы и фабрики, какое уж тут развитие производства. Ведь всё работоспособное население страны либо учится, либо торгует, либо что-то охраняет. Охранников стране надо много, очень много; теперь охрана есть везде и даже в банях и парикмахерских. В большинстве случаев это молодые крепкие мускулистые ребята. Им бы созидать, а они нередко являются слепым орудием криминальных разборок, с их помощью в наши дни нередко происходят разного рода захваты чужой собствен-

ности, а что при этом часто гибнут совсем невинные люди, это тоже мало кого волнует. Умышленные банкротства, организованное разорение предприятий – одна из форм криминала в стране. От всего этого происходит деморализация, а в конечном итоге, деградация современного общества. Правоохранительные органы у нас, прямо скажем, отнюдь «не надсадились» от тяжкого труда. Раскрываемость преступлений только на бумаге, а в жизни далеко не так. А сколько аварий на дорогах страны происходит ежедневно!? Невооружённым глазом видно, что многие молодые водители «не знают», что на красный цвет ехать запрещено, нельзя ездить по газонам и скорей всего «не ведают», что в мире существуют правила уличного движения. Все это не «крутость», как считают многие, а хамство.

На мой взгляд, плохая работа законодательной и исполнительной власти в наши дни видна по всей её вертикали. И такое положение, к великому сожалению, стало нормой. Ведь известно, что количество не всегда переходит в качество. Так, если познакомиться с публикациями местных и центральных газет или послушать официальные программы телевидения или радио, то можно убедиться, что разнообразные структуры власти любого уровня нашего государства в настоящее время растут как грибы в сырую погоду. Ежегодно во всех властных структурах страны формируются всё новые и новые комитеты, комиссии, отделы, департаменты и т. д. и т. п. По официальным данным на конец 2005 года в самых разных службах России (федеральных, республиканских, краевых, областных, городских и т. д.) насчитывалось не менее 1,2 миллионов чиновников, тогда как во всём Советском Союзе на начало 1990 года их было не более 400 тысяч человек. Население в России, стране преемнице СССР, уменьшилось более чем в два раза, а госчиновников увеличилось более чем в три раза. Это ли не показатель нашего «процветания»!?

Чиновников стало так много, что у самого обыкновенного вполне грамотного гражданина голова идёт кругом, когда необходимо получить у властей какую-то бумагу. На жалобы и письма вы обязательно получите вежливый, но настолько обтекаемый ничего не значащий ответ, что действовать дальше у вас никакого желания не возникает, и опускаются руки. В этом отношении наши чиновники, да только толку мало. Государственная дума издаёт сотни законов, в подавляющем большин-

стве которые не работают. Но зато депутаты Госдумы научились прекрасно тусоваться в разного рода ток- и шоу- программах на самых разных каналах ТВ и могут дать сотни очков вперёд народным артистам: они поют и танцуют на сцене, а некоторые из них стали известными шоуменами. Наверное, они думают, что это их главная работа. Поэтому не удивительно, когда мы видим по ТВ заседание думы, зал почти пустой. Удивляет другое: их народ выбирает. Чиновники и депутаты у нас, как мне кажется, слились в едином экстазе. Правда, они делают вид, что в чём-то не соглашаются друг с другом, о чём-то дискутируют. На самом же деле все эти обсуждения, не более как пустить пыль в глаза народу. На мой взгляд, всё население страны (исключая олигархов – это особая каста) поделено на две далеко не равные части. Первая часть – это те, которые пристроились около кормушки: чиновники, депутаты, разного рода начальники, группа лиц, получающих зарплату в конвертах. Для широкого круга людей заработная плата этих работников – коммерческая тайна. Вторая часть – рабочий класс, врачи, учителя, пенсионеры (обычные, те которые из рабочей среды, а также пенсионеры-врачи и пенсионеры-учителя). Судя по СМИ – это и есть та часть населения, о которой государство постоянно «печётся».

Как-то мне довелось по житейским делам побывать в одной из районных администраций нашего областного центра. Не буду описывать это заведение и его «скромные» кабинеты, только скажу, что там всё выполнено по самому современному европейскому дизайну. Отстояв в четырёх очередях, среди таких же смертных как и я, получив так желанные четыре подписи от «великих мира сего», на пятом я застопорился и оказалось, что несколько дней проведенных в разных присутственных местах этого, думаю совсем не богоугодного заведения были напрасными. Меня успокоила одна бабуся. Она в эти места по этому же вопросу ходит уже второй год. Советует брать с собой обязательно обед, хорошо бы термос прихватить, чайком побаловаться. Только мне после всего этого стало очень грустно: доживёт ли моя бабуся до того светлого дня, когда она выйдет из этого заведения счастливая, с желанными бумагами. Я лично в этом далеко не уверен. И, конечно, не уверен, что и сам когда-то получу так нужные мне бумаги, вернее подписи. Вот такая у нас администрация. Та, в которой я был с упомянутой бабусей, может быть,

даже и не самая худшая. Там даже в коридорах стоит несколько стульев. Правда, в кабинетах стульев поболее, но присесть посетителю не предлагают, если сам клиент не плюхнется на ближайшее сиденье, поскольку ему уже стало нелегко от всех этих хождений по многочисленным кабинетам...

Такое положение в общественной жизни нашего города, да и, наверное, страны в целом, ведёт к безответственному отношению людей к трудовой деятельности, учёбе и естественно способствует повсеместному падению нравов, что приводит к выхолащиванию какой-либо совестливости у современной молодёжи. А всему этому, как я глубоко убеждён, очень хорошо «помогают» наши средства массовой информации. Особенно в этом преуспели радио, телевидение и в огромных дозах в этих передачах «неназойливая» реклама, особенно наша российская, которая всячески старается уничтожить все хорошие качества человека, присущие российскому народу. Российское радио и особенно телевидение практически полностью устранились от воспитания молодёжи. В подавляющем большинстве случаев их программы заполнены пошлыми так называемыми развлекательными ток-шоу или зарубежными фильмами да всё той же рекламой. Именно реклама, единственная цель которой любыми средствами выкачать из людей деньги, призывает молодых людей «брать от жизни всё», заниматься разного рода сомнительными играми, лотереями и прочей чепухой. Всё это, несомненно, дебилизирует общество, особенно молодёжь. К счастью, и в наши дни немало осталось людей ищущих и равнодушных, в чём я постоянно убеждаюсь, общаясь со студенческой молодёжью. Очень надеюсь, что положительные гены, заложенные в российский народ ещё далёкими предками, победят современный распад общества, коррупцию и чиновничество. Хотя победить чиновников и бюрократов ещё мало кому удавалось.

Что же касается сельского жителя, то надо сказать, что жизнь в деревне никогда лёгкой и не была, не отличалась комфортом, а в те далёкие довоенные и послевоенные годы в особенности. Между тем сельские жители, не менее чем городские, ценили эту жизнь: строго, но бережно относились к своим детям, старались всячески крепить родственные связи, были более открытыми и доброжелательными между собой и часто помогали друг другу по-соседски, отличались добротой и скромно-

стью, были бережливыми и довольствовались малым. Именно бережливость и ограниченные потребности, если не российского, то сибирского крестьянина абсолютно точно, являлась характерной чертой его сути. Трепетно и с любовью, как я уже писал, жители деревни относились к природе – животному и растительному миру. Они интуитивно понимали, что это является основой их жизненных устоев. Все это, по-видимому, давало им силы с достоинством выходить из затруднительных житейских неурядиц. Они не спивались, не баловались наркотиками. Кстати, в довоенной сибирской деревне жители редко употребляли крепкие спиртные напитки, чаще всего им для веселья и душевных разговоров хватало браги. Не побоюсь также сказать, что эти люди в большинстве своём переносили тяготы жизни достаточно стойко и жили в согласии с самим собой и с окружающим их миром, а поэтому в деревне преступности практически не было. В довоенное время в нашей деревне мало кто пользовался замками, в большинстве случаев обходились простейшими задвижками, указывающими, что в доме никого нет.

Современная деревня по всей стране влачит жалкое существование, да, пожалуй, и вырождается. Люди или покидают её или постепенно спиваются. Особенно это видно по деревням, которые находятся вдали от крупных городов. Там почти повсеместно зарастают поля, рушатся избы, пустеют дома. Сколько их с заколоченными ставнями разбросано вокруг сибирских городов, да и, наверное, по всей матушке России?! Кто их сосчитает?! И никому практически нет никакого до этого дела. Разве что в окрестностях этих деревень беспрепятственно вырубается лес и сбывается за бесценок за кордон, где на наших глазах вырастают крупные города и промышленные объекты.

А ведь ещё совсем недавно именно российская деревня была основной корневой системой всего нашего государства, кормила всю страну, была её фундаментом. Именно сельское население, пришедшее в город в тридцатых годах прошлого столетия, решило проблему индустриализации нашей страны, что в конечном итоге позволило выстоять советскому народу в жесточайшей схватке с фашизмом. Деревенский солдат всегда был главной опорой в борьбе с иноземными завоевателями. Достаточно напомнить нашествия на нашу страну в разные эпохи её существования монголов, татар, немцев, шведов, поляков, литовцев,

французов, англичан, снова немцев. Всех били и выдворяли с территории России. Как пишет Ф. Ф. Нестеров, ещё «князь Бисмарк, предостерегая сторонников нападения на Россию, писал: «Об этом можно было бы спорить в том случае, если бы такая война действительно могла привести к тому, что Россия была бы разгромлена. Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведёт к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленить международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезаемого кусочка ртути. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей...» (Нестеров Ф. Ф. Связь времён. М. : Изд. Мол. гвардия. 1984, с. 85).

Действительно, суровый климат, огромные пространства, а главное, в подавляющем большинстве случаев ограниченные потребности людей являются бесспорными козырями для многомиллионного российского народа. По всей вероятности, современные крупные зарубежные, да и некоторые отечественные государственные мужи плохо знают историю или подзабыли её. На постоянное житьё в Россию испокон веков тянуло европейцев и азиатов. На территории России с давних пор и до настоящего времени проживало и проживает кроме бурят, калмыков, мордвы, русских, татар, удмуртов, чувашей, эвенков и других национальностей, много китайцев, корейцев, немцев, евреев, не являющихся коренными жителями нашей страны. Население страны со всеми жило в мире в согласии, ко всем относилось терпимо, перенимало всё лучшее, что было свойственно для других национальностей. Нередко случались межнациональные браки. Словом все эти национальности часто ассимилировались в российское общество и, на мой взгляд, как я уже писал, это общество в значительной своей части только становилось крепче от этой ассимиляции.

Именно из деревни вышло немало талантливых полководцев, больших учёных, знаменитых поэтов и писателей, прославивших нашу необъятную Родину. Об этом не надо забывать.

Российской деревне необходима самая безотлагательная и действенная помощь, а жизнь в ней следует сделать более при-

емлемой. Ведь деревенский житель не очень-то привередлив, готов довольствоваться малым и тем, что имеет. Конечно, и в деревню уже «пришли» так необходимые в сельской местности мобильные телефоны, а также ...чипсы, сникерсы и гамбургеры. Но, убеждён, что более строгий и размеренный образ жизни ещё остался в российской деревне. Современную деревню или отдельные сельские поселения в самое ближайшее время, прежде всего, следует электрифицировать, газифицировать и сделать к ним дороги. И тогда деревня обязательно возродится, а желающие там постоянно жить и трудиться, безусловно, найдутся. Время покажет, где в будущем станут жить люди: в современных крупных городах или в сельской местности. В виртуальный мир в наше время можно уйти, не обязательно проживая в городе. Вот только непонятно что это может дать для развития всего человеческого общества и, в частности, для российского человека. Ведь «виртуальной пищей» сыт не будешь, а в современных мегаполисах пока ещё не научились выращивать урожай зерновых.

В начале девяностых годов прошедшего столетия, когда развалился СССР, «заграница» из кожи лезла, чтобы «помочь» России в её «демократических преобразованиях». «Помогла». Да только «помощь разворовали», страна чуть ноги не протянула и оказалась в глубочайшем коллапсе, из которого мы до сих пор не можем выкарабкаться. И что же? Тогда «Запад» бурно рукоплескал нашим «феноменальным реформам» и «огромным достижениям в демократических преобразованиях», а теперь, когда страна начала более или менее выкарабкиваться из этой ямы, из-за границы опять окрик – «Вы нарушаете «права человека», а в это время наши бывшие республики той же «заграницей» обильно снабжаются оружием и деньгами...

Совсем ещё недавно мне казалось, что «Права человека» являются действительно очень важными общими правилами жизни людей для всего цивилизованного мира, а в будущем и для всего человечества в целом. На деле же оказывается далеко не так. Эта современная международная конвенция, как только появилась на свет, стала сразу же нарушаться, прежде всего, теми странами, которые являются одними из основных законодателей этой конвенции и считают себя наиболее цивилизованными. В частности, это касается, прежде всего, высоких политиков из США. Не лучшим образом ведут себя и некоторые политики из

стран Западной Европы, а также сотрудники из международного Гаагского трибунала по защите прав человека – все они «танцуют» под мелодию американцев. И вообще политика двойных стандартов в современном мире стала нормой. О каком многополярном мире в наше время можно говорить!? И вряд ли что-то изменится в ближайшем будущем. Все будут тянуть «земное одеяло» на себя. И это понятно. Но, спрашивается, зачем столько лишних слов, кто кого обманывает?! И действительно, если формула «Права человека» на самом деле является единой для всех цивилизованных и не цивилизованных стран мира, то почему Соединённые Штаты бомбили и разрушали города и селения Югославии и Ирака?! На мой взгляд, этими мерзкими поступками американцы многократно показали истинное лицо «американской демократии» и своё обличье. У них, видите ли, стратегические интересы... совсем на другом конце света. Ещё в 1985 году известный советский политолог Г. Х. Шахназаров писал: «США объявили зоной своей национальной безопасности район Персидского залива, и президент Картер в своё время объявил: «Любая попытка со стороны внешних сил установить контроль над районом Персидского залива будет рассматриваться как удар по жизненным интересам США. Такой удар будет отражён всеми необходимыми средствами, включая военную силу» (Шахназаров Г. Х. Куда идёт человечество: Критич. очерки немарксистских концепций будущего. М. : Мысль, 1985. С. 174). Вот так, не больше и не меньше, полагаю, что здесь какие-либо комментарии излишни. «У сильного всегда бессильный виноват».

Словом, от «заграницы» ждать ничего хорошего не приходится (правильнее сказать от Соединённых Штатов Америки), надо жить своим умом и рассчитывать, прежде всего, на свои силы. Все эти буши и билы не знают нас и знать нас не хотят (а вот Бисмарк знал!), не хотят понимать, что у нас зима длится кое-где 8–10 месяцев, а то и вообще может не кончиться (ну, например, на Таймыре), а у них её практически не бывает. Они не хотят знать, что в нашей стране живут не только русские и чеченцы, но и осетины, якуты, буряты, татары и ещё несколько десятков других народностей, которые считают Россию своей родиной, за нее борются, переживают и гордятся, что живут именно в этой стране. Да, в наше время США всем диктует, как жить и с кем жить. Западная Европа, хотя иногда слабо взбрыкивает, но по

большому счёту живёт под диктовку американских монополистов. Да и как же послушаться своего благодетеля, который долгое время терпеливо кормил и поил всю Европу. Помните «план Маршалла» или «доктрина Трумэна» после второй мировой... Слов нет, Соединённые Штаты страна самая сильная, самая, самая... Достоинно всякого уважения, когда видишь, как американцы любят свою страну, какие они патриоты. Но почему они считают, что другие нации, другие страны не имеют на это права!? Тем более, что история США насчитывает не многим более двух столетий, ещё совсем недавно в этой стране линчевали негров. По большому счёту эта страна, кроме накопления гипертрофированного капитала и долгов в десятки триллионов долларов, ничем себя не проявила. Да и в военном-то деле не бог весть, какие заслуги имеет. Может быть, всё-таки следует вести себя более скромно и, соответственно, достойно? Впрочем, мое мнение, наверное, очень субъективное. Есть основание предполагать, что первые лица даже самых великих держав, попросту говоря, марионетки или куклы. Кукловодами же являются президенты транснациональных компаний. В наше время, по-видимому, эти две-три сотни супербогатеев и заправляют всем миром. Им до простого народа совсем нет никакого дела. По моему же глубокому убеждению, в мире должно быть равноправие, наверное, в этом и заключается основная сущность настоящей демократии, да и прав человека тоже.

Очень хотелось бы надеяться, что Россия найдёт в себе силы выкарабкаться из этой сложной ситуации, в которую нас загнали сначала коммунисты, а потом их «дело продвинули» так называемые либералы. В этом особенно преуспел наш первый российский президент (напомню – один из коммунистических лидеров развалившейся страны) и бывший режиссёр натовского оркестра, который расфуговал среди своих ближайших советников и родственников миллиарды долларов, полученные из МВФ на развитие страны, а потом оправдывался, что он и сам не знает – куда они делись. А самое страшное это то, что именно при попустительстве этого «государственного деятеля» в стране расцвела самая разнузданная коррупция, неслыханное воровство. Убийства людей во время его президентства стало нормой жизни. А сколько появилось беспризорных детей!? Кто оценит, во что обошлись нашей стране эти реформаторские «новации» этого

деятеля и его приспешников? Каков экономический, физический, моральный ущерб был нанесён стране от всей этой шоковой вакханалии девяностых годов прошедшего столетия? Говорят – он дал людям свободу, боюсь, что от этой «свободы» как бы не рассыпалось наше государство. Никакими даже самыми современными методами эти новации подсчитать невозможно. Такого беспредельного безобразия в высоких властных структурах не было, наверное, в любые другие даже самые смутные времена нашей российской истории, даже во времена правления Бориса Годунова и Василия Шуйского. Я не политолог, но смею усомниться, что Беловежский сговор Ельцина, Шушкевича и Кравчука является законным. Ведь в нём не участвовали руководители других республик бывшего Союза. Перед этим проводился референдум, на котором большинство населения Союза Советских Социалистических республик ответило положительно относительно существования Советского Союза как единого государства. Не удивлюсь, если возникнет идея восстановления этой страны или её части, то вряд ли в мировом сообществе найдутся какие-то мотивы, которые могут воспрепятствовать этому желанию. Хотя шума и треска, особенно за океаном, такая идея восстановления Союза, несомненно, наделает много, но к этому пора привыкнуть, как гласит восточная пословица: «собака лает, а караван идёт». Более того, я глубоко убеждён, что желающие в той или иной форме объединиться обязательно найдутся. Ведь некоторые республики и сейчас готовы войти в состав России. При этом непременно будут споры, но ведь в спорах-то и рождается истина. Думаю неплохо бы начать этот процесс с объединения России и Белоруссии. Народы этих стран, наверняка, «за» и уже давно. Вот только высокие политики что-то всё тянут «кота за хвост». Боюсь, что кого-то боятся. А зря: «волков бояться – в лес не ходить». Хуже всего разного рода революции, которые без жертв никогда не обходятся. Вот этого-то всеми силами надо избегать.

Хотелось бы также верить, что со временем наша страна станет процветающим, истинно демократическим и, как в последние несколько веков, могущественным государством. Но вопрос в том, станет ли она по настоящему страной с рыночной экономикой, на которой зиждется почти весь остальной мир или будет решать экономические проблемы каким-то другим способом,

лично для меня остаётся открытым. Существующая в нашей стране в настоящее время экономическая политика вряд ли отвечает основным постулатам рыночной экономики. Ведь мы проживаем наши природные богатства. А если что случится? Об этом не хочется даже думать, наверное, и не только мне. А самое главное – эти природные богатства в значительной своей части не восполняемы. Что же касается экономики, выстроенной на конкуренции любыми даже недозволенными средствами, то следует сказать, что она не должна быть поставлена во главу угла в развитие нормального человеческого общества. Экономика, при которой в стране наживается горстка хапуг, а подавляющая часть населения нищенствует, это ни что иное, как узаконенное воровство. Существующие в мире противники всемирной глобализации экономики, так называемые антиглобалисты, как раз и выступают против трансконтинентальных промышленных корпораций, прибыль от деятельности которых идет в карман весьма ограниченному узкому кругу людей. Возможно, антиглобалисты не зря выступают против подобной политики современного капитализма?! Я далёк от мысли распределения благ по принципу «всем сёстрам по серьгам»: все люди разные и имеют разные способности и потребности. Вместе с тем глубоко убеждён, что не должно быть гипертрофированного расслоения общества по жизненному уровню в том числе и в нашей стране.

Полагаю, что человечество не может не развиваться гармонично, если оно будет стремиться к многовековому существованию. Только такой путь, путь без войн и без серьёзных техногенных катаклизмов может и в дальнейшем сохранить нашу хрупкую планету в целостности и сохранности. А наша планета очень нуждается в защите, тем более, что в последнее время она подвергается опасным испытаниям – атомным бомбардировкам, интенсивным техногенным загрязнениям гидросферы, атмосферы, что ведёт в конечном итоге к разрушению озонового слоя планеты. На мой взгляд, именно на сохранение нашей планеты следует направить все усилия мирового сообщества, а не заниматься гонкой никому не нужного вооружения и, попросту говоря, тем самым впустую уничтожать минеральные богатства Земли.

В нашей стране всегда высоко ценилась взаимопомощь и взаимовыручка. Что же касается «золотого миллиарда», о котором одно время писали некоторые зарубежные деятели, попасть

нам в него явно не светит. К тому же, само существование этого «золотого миллиарда» противоречит формуле конечного построения на Земле общества социальной справедливости, суть которого заключается в том, что все люди равны, что все люди братья. На мой взгляд, сколько бы времени не существовало человечество, оно наверняка не откажется от парадигмы всеобщей справедливости и благоденствия. Особенно это касается нашей страны, где проживающее в ней население хотя бы теоретически познало формулу «от каждого по способностям, каждому по потребностям». По крайней мере, в последние несколько десятилетий существования советской власти, до перестроечных времён, те же пенсионеры, которые сейчас особенно бедствуют, были более или менее социально защищены: пусть очень скромно, но было во что одеться и не быть голодным. Да и в наше время немало стран не отказалось от подобного пути развития.

В своё время, коммунисты, объявив всеобщее равенство и придя к власти в нашей стране, по моему глубокому убеждению, допустили в самом начале своего «царствования» принципиальнейшую ошибку. Они провозгласили всеобщий атеизм, и уже в начале 1918 года одним из своих первых декретов отделили церковь от государства. Это в стране почти со стопроцентным населением верующих, где почти в каждом селении был храм. Отмена церковных запретов привела к вседозволенности, прежде всего, среди самих коммунистов. Что наделали коммунисты за годы своего правления, всем известно. Об этом сейчас очень много пишут, я бы сказал более чем достаточно, и останавливаться на этом не буду. Только скажу, что некоторые современные историки, давая оценку советских времён, показывают жизнь той поры только в негативе.

В «коммунистическом вчера» было много и позитивного: была очень выверенная идеология. Великую Отечественную войну наш народ выиграл благодаря патриотизму советских людей. Такие художественные фильмы, как «Баллада о солдате», «Сорок первый», «Судьба человека» и многие другие не могли оставить людей равнодушными. Я уже не говорю о том, что после окончания Второй мировой войны СССР обрёл необычайную популярность среди простых граждан мира. Именно в послевоенное время, наперекор создателям стран западной коалиции «холодной войны» (которая в определённой степени продолжа-

ется и в настоящее время), появился ряд лидеров мирового коммунистического движения: Морис Торез во Франции, Долорес Ибаррури в Испании, Мао Цзэ Дун в Китае, Хо Ши Мин во Вьетнаме и многие другие. После победы в Великой отечественной войне наша страна среди народов мира приобрела фантастическую популярность. Мы, молодое послевоенное поколение, особенно хорошо ощущали это восторженное отношение к нашей стране простых иностранцев. К сожалению, впоследствии коммунистические лидеры нашей страны стали вмешиваться в деятельность коммунистического движения других стран, вплоть до финансовой поддержки. Однако эти вмешательства, эти финансовые поддержки, не идут ни в какое сравнение с той деятельностью, которую проводят Соединённые Штаты во всём мире в наши дни. Пока же все эти демократические преобразования простому народу, как российскому, так и из бывших союзных республик, мало, что дали хорошего. Разве что пышным цветом «расцвела» наркомания и появился СПИД, не говоря уже о преступности и коррупции.

Однако именно вседозволенность коммунистов привела их к коррумпированности. С самого начала они поставили себя в привилегированное положение по отношению к остальному обществу. Даже скромную должность небольшого начальника без партбилета в советские времена занять было невозможно. Практически все члены КПСС без каких-либо очередей получали просторные квартиры, имели высокие зарплаты, пользовались специальными магазинами, санаториями и т. д. и т. п. К ним стали относиться с недоверием, а во времена сталинских репрессий народом подпольно распевалась такая частушка: «Коммунист, коммунист – строганы голяшки, сегодня дома ночевал, а завтра в каталажке».

В конечном итоге их перестали уважать и даже презрительно называли «комуняками». В подавляющем большинстве случаев, особенно в последние десятилетия существования советской власти, членами коммунистической партии в нашей стране становились люди не по идейным соображениям, а, как правило, шли туда из-за корыстных целей. Естественно, всё это развращало людей, развращало общество.

Впрочем, и в наше время в этом отношении мало что изменилось. Не случайно при смене режима и при якобы демократи-

ческих преобразованиях в стране коммунистические лидеры всех рангов, как правило, заняли самые «горячие» посты: стали президентами банков, руководителями крупных ОАО и ЗАО; в «тёплые» места пристроили своих детей и внуков. Не отстают от такой формы обеспечения своих детей, судя по СМИ, и нынешние члены правительства. Нисколько не удивлюсь, если вдруг окажется, что все эти гайдары, чубайсы, гусинские, ходорковские, абрамовичи, а также деятели рангом поменьше при советской власти были членами ВЛКСМ или КПСС и при первой же возможности изменили коммунистическим принципам. Именно в пику коммунистам, которые полностью потеряли всякий авторитет в конце прошлого столетия, и был избран первый президент России, обещавший народу решительную борьбу с привилегиями, но, как оказалось, всех попросту обманул и сам же погряз в этих привилегиях. Особой-то симпатии у народа он ведь не вызывал. С лёгкой руки этого человека началось безудержное охаивание всего, что было в советские времена. А между тем, я глубоко убеждён и как я уже писал выше, что те времена нельзя описывать только в чёрных тонах. Вот как вспоминает жизнь в Москве семидесятых годов прошлого столетия известная французская актриса Марина Влади: «Я принадлежу не к России моих предков, а к России, в которой я жила вместе с Высоцким, в те безумные годы, когда в заклёпанной наглухо стране кипела яркая художественная жизнь, где жили и работали поразительные таланты, а юмор был спасением от всех бед».

И что же в конечном итоге после всех этих «суперреформаций» получила Россия в сухом остатке? Где эта яркая художественная жизнь? Ну право, не Милявская же (этот эталон пошлости, постоянно кривляющийся в рамке «ящика») олицетворяет эту жизнь!? Может быть, я что-то недопонимаю, неужели, для сегодняшнего дня этот образ и есть тот «поразительный талант»? Именно теперешнее телевидение, как самая доступная форма развлечения нашего народа, калечит и развращает современное российское общество, особенно его молодое поколение. «Телевидение не осознаёт, а потому и не выполняет своей главной роли. Оно не объединяет людей в единую этическую систему. Неоспоримы достижения телевизионного кино и телевизионного театра советского периода. Это был настоящий художественный взлёт, плоды которого ещё долго

будут отсвечивать на экране. Телевидение создавало не только политический капитал власти, но и нравственный капитал общества. Несмотря на самое грубое цензурное давление... Стыдно признаться, памятуя советские времена, но России сейчас, пожалуй, больше нужна несвобода. Крепость морали, строгость традиций, святость предрассудков» (И. Беляев. Литературная газета, № 7, 2007). Состояние нашего общества, как пишет Юрий Поляков, идёт «от вседозволенности 90-х, когда заведующего отделом журнала «Коммунист» назначали главным реформатором страны, когда мелкие жулики объявлялись предпринимателями, а крупные – олигархами, когда страдающие «фефектами фикции» малограмотные граждане становились телеведущими, а прохиндеи – политической элитой... Умный народ глупых песен не поёт. Он либо отторгает навязываемую ему нелепицу, либо сам непорочно глупеет, а затем исчезает из Истории...» (Литературная газета, № 52, 2006).

И всё-таки я убеждён – в нашей стране не вывелись истинные таланты во всех сферах жизни, и рано или поздно эти таланты будут востребованы нашим народом. Уже появляются проблески былой талантливости нашего народа в искусстве, литературе, спорте и эти проблески, как сказал известный спортсмен Марат Сафин, «греют душу». Ну, право же, разве не греют душу россиян прекрасный голос нашего земляка Дмитрия Хворостовского или скандирование нескольких десятков тысяч болельщиков слова «Россия! Россия! Россия!!!» на стадионах и в спортивных залах!?

Между тем жизнь многогранна и необычайно интересна во всех её проявлениях. Тем более что человек может адаптироваться к жизни в самых трудных и даже невероятных условиях. Таких примеров великое множество. Само по себе человеческое бытие крайне разнообразное и часто устроено так, что многим из нас приходится время от времени бывать в самых различных экстремальных ситуациях, к которым почти каждый из нас может приспособиться.

Позволю себе сделать небольшое отступление...

Познавать мир, бывать в разных городах, в разных странах особенно интересно. Как говорил один мой давний знакомый Владимир Викторович Самсонов: путешествия это – накопление

интеллектуального капитала. Кстати, с Владимиром Викторовичем мы в своё время вместе были в Японии и Сингапуре. До и после этой поездки я побывал ещё в ряде стран, и везде было очень интересно. А совсем недавно меня пригласили побывать в Германии. Большого желания поехать в эту страну у меня вначале не было, тем интереснее оказалось это неожиданное путешествие. А если учесть, что это была юго-западная часть Германии, о которой я имел довольно общее представление, то эта поездка для меня была вдвойне приятной.

В гости в эту страну меня пригласила моя бывшая студентка Светлана Александровна Шотт, выпускница Иркутского государственного университета 1971 года, долгие годы проработавшая научным сотрудником в Институте земной коры СО РАН, а ныне проживающая в Германии. Света живёт в небольшом городке под названием Альтенштайг, примерно в 70–80 километрах от Штутгарта. В Альтенштайге проживают брат и сестра Светы, ещё один брат живёт в Мюнхене. Все они в начале девяностых годов со своими семьями переехали на постоянное жительство в Германию из республик бывшего Союза – Света из России (из Иркутска), а братья и младшая сестра – из Киргизии.

Позволю высказать свои краткие впечатления об этой поездке. Неожиданным и приятным сюрпризом для меня в дни пребывания в Германии была довольно тёплая для этого времени года погода, с температурой +8...+10 градусов. Это в конце-то января! Я с восторгом лицезрел на изумрудные газоны и вечнозелёные кусты олеандры и магнолии.

Кроме Штутгарта и Альтенштайга, мне посчастливилось побывать и в ряде других городов этой части Германии – в Баден-Бадене, Фройденштадте, Нагольде, Ульме, Калве, а также в приграничном с Германией французском городе Страсбурге. Конечно, немецкие Штутгарт и Баден-Баден, а также французский Страсбург – города, которые пользуются мировой известностью, но не менее интересными были для меня и другие города этой части Германии, особенно Ульм и Калв. Новому человеку, особенно приехавшему из России, бросается в глаза, что все немецкие города отличаются исключительной опрятностью, ухоженностью и необычайной чистотой. На тротуарах и проезжей части улиц во всех населённых пунктах этой страны не видно мусора, грязи или пыли, в связи с чем, несмотря на большое количество

автотранспорта, воздух здесь (по крайней мере, пока я там пребывал) чист и прозрачен, поскольку пыли и загазованности из-за выхлопов автомобилей я не замечал. Судя по многочисленным памятным местам (развалинам древних крепостей, монастырей и храмов), всем небольшим селениям и крупным городам этой части Германии около тысячи лет. На мой взгляд, именно они отражают многовековую историю Германии – одной из крупнейших стран Европы.

Огромное впечатление производит город Страсбург, особенно его историческая центральная часть, где расположены наиболее красивые сооружения, в которых размещены магазины, банки и другие офисы. Город находится в широкой долине реки Рейн, имеет многочисленные каналы, которые очень его облагораживают. Безусловным украшением города являются кафедральный собор, музей «Эвр Нотр-Дам», университетский центр и многие другие памятники архитектуры. По улицам этого города бегают красивые современные скоростные трамваи. В общих же чертах Страсбург более оживлённый и, я бы сказал, более весёлый в сравнении с чопорными немецкими городами, например, с Баден-Баденом. Вместе с тем этот город, в сравнении с немецкими городами, не кажется таким чистым и опрятным. На улицах Страсбурга можно увидеть разный мусор и небрежно разбросанный строительный материал, как часто мы видим в наших российских городах.

В Баден-Баден нас возил на собственном автомобиле брат Светы – Володя, очень общительный и доброжелательный человек. Этот город можно назвать эталоном чистоты и ухоженности, городом дорогих вилл и роскошных отелей. Мне даже показали виллу, якобы принадлежащую нашему бывшему министру иностранных дел, а позднее тоже бывшему президенту Грузии – Эдуарду Шеварднадзе. Людей на улицах Баден-Бадена мало, тем не менее, иногда слышна русская речь. В этом городе есть довольно симпатичная православная церковь. Гуляя по этому красивому и знаменитому на весь мир городу-курорту, мы зашли в один из его многочисленных бюветов и испили минеральную воду из его природных термальных источников.

Штутгарт – административный центр земли Баден-Вюртемберг и является одним из крупнейших промышленных центров современной Германии и наиболее оживлённый город

этой части страны, один из её мегаполисов. Штутгарт, действительно, производит впечатление весьма солидного, респектабельного и, как все немецкие поселения, очень ухоженного города, по окраинам которого и располагаются многочисленные промышленные объекты. Этот город является столицей «Мерседесов». Наиболее яркое впечатление в столице «Мерседесов» производят административные старинные здания и церкви исторической центральной части старого города с прямоугольными кварталами. Первые упоминания, об этом значимом городе, относятся к XII веку. В центральной его части размещены монументальные строения XV–XVII веков, среди которых особо выделяются готические храмы, старая ратуша, ренессансный дворец, балетный театр, конюшни эрцгерцога и прекрасно вписывающиеся в этот городской пейзаж небольшие водоёмы с плавающими в них лебедями.

Пожалуй, из всех немецких городов, после Баден-Бадена и Штутгарта, на меня наиболее приятное впечатление произвёл Ульм, который, как впоследствии мною было выяснено, имеет более чем тысячелетнюю историю. В этом городе родился великий Альберт Эйнштейн. Город также относится к земле Баден-Вюртемберг и расположен на реке Дунай, имеет речной порт, множество памятников архитектуры. Наиболее значимым, на мой взгляд, из памятников архитектуры является кафедральный готический собор – самый высокий в мире (172 метра). Глубоко убеждён, что не меньше, поскольку осилили мы эту высоту со Светланой Александровной с большим трудом. Ульмский собор был основан в XIV веке. Мне было приятно увидеть в его небольшом музее, расположенном примерно на высоте 150 м от земли, наряду с известнейшими кафедральными соборами мира и репродукцию храма Василия Блаженного, который я фотографировал несколькими днями раньше в Москве. Ульмский собор поражает великолепным внутренним убранством и особенно многочисленными изумительными витражами. Всё это произвело на меня неизгладимое впечатление. Интересно, что после «взятия такой высоты» мы со Светой не ощущали особой усталости, только очень проголодались.

Пожалуй, одним из красивейших небольших городов юго-западной части Германии, относящейся к гористой и большей частью покрытой лесом местности Шварцвальд, является Калв. К

этому городу почти вплоть примыкают развалины древнейшего монастыря Хирсау, где некогда (примерно в XI–XII веках) проживали бенедиктинцы, сторонники старейшего западноевропейского монашеского ордена. Гордостью местных горожан является крупнейший немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии, Герман Гесс, родившийся в этом городе. Город имеет богатейшую историю, начавшуюся со времён кельтов и древних римлян, которые постоянно ещё в начале прошлого тысячелетия воевали друг с другом. Всё это нам показала и рассказала младшая сестра Светы очаровательная Лариса, которая и свозила нас в этот удивительный городок, с исторической точки зрения и весьма приятный в наши дни, на собственном автомобиле. Из других небольших городов мне понравился Наголд, где имеется русский супермаркет, с российскими продовольственными товарами. Этот магазин имеет широкую популярность, особенно среди «русских немцев». Там многолюдно, слышна довольно громкая русская речь, что не характерно для всех других магазинов Германии. Города Калв, Наголд и Альтенштайг находятся друг от друга относительно недалеко – в 20–30 км, похожи друг на друга – все они расположены в лесисто-гористой местности и имеют древнейшую историю, времён начала прошлого тысячелетия. Всё это можно узнать по многочисленным надписям на всех памятниках архитектуры, которые нам приходилось осматривать.

Проведя почти две недели в этой стране, я побывал в гостях у родственников Светланы Александровны, где был принят очень тепло и радушно. Поистине с российским гостеприимством. Брат Володя с семьей (жена, дочь, внучка) живёт в просторном и довольно комфортабельном трёхэтажном доме, с большим участком земли (не менее 0,2 га). Сестры Лариса и Света снимают отдельные квартиры. Насколько я понял – отопление автономное и очень дорогое. Дорогое по нашим меркам и электричество. В сумерки в Германии в небольших городах не так ярко освещены окна домов: жестокая экономия электричества. И, тем не менее, живут они все в благополучии. Есть, правда, и проблемы: Света и Володя из-за банкротства фирм, где они служили, потеряли работу и живут на пособие по безработице.

Отношения к иностранцам у местного населения, прямо скажем, весьма прохладное, если не сказать неприязненное. Во

всяком случае, русскую речь коренные немцы, особенно молодёжь, слышать не хотят.

Известно, что Германия одна из богатейших стран Евросоюза, с высоким жизненным уровнем, с высокой средней продолжительностью жизни, с очень выверенной социальной защитой населения. В этой стране особо заботятся о детях и инвалидах. Пенсионный возраст, как мужчин, так и женщин определён законодательством в 67 лет. Германия производит впечатление очень организованной во всех жизненных сферах страны. Например, можно по проездному билету, купленному у водителя автобуса в городке Альтенштайг, доехать до Фройденштадта, пересесть на электричку до Штутгарта, а затем из Штутгарта на поезде доехать до Страсбурга. И по этому же билету вернуться обратно в Альтенштайг. Что мы с успехом и проделали. Поразили меня и подземные платные парковки, существующие даже в крохотных городках. В этих парковках, кроме автоматов и шлагбаумов, я никого не видел. Не меньше меня удивили груды прошлогодних яблок под яблонями. Хозяева их вовремя не собрали, но и другим собирать не разрешается. Довольно распространённая пресса на русском языке очень сильно ругает наше правительство, значительно больше, чем мы сами. Из этой прессы следует, что половина населения России живёт за колючей проволокой.

В Германии всё предусмотрено, всё очень продумано и выверено, всё «правильно». Всё население страны «на колёсах». Как мне показалось, «русских немцев» не очень-то здесь и ждали. Путешествуя по городам этой страны, у меня ни разу не возникло мысли – пожить в ней, а вот слова известного нашего поэта и барда прошлых лет Владимира Высоцкого мне часто приходили в голову: «Париж открыт, а мне туда не надо...». Мои друзья, в настоящее время проживающие в Германии, очень скучают по России, живо интересуются как у нас, что у нас. Здесь, то есть в Германии, они говорят жить скучно. Может быть, оттого, что всё очень «правильно» или оттого, что нет больших и малых житейских проблем?! И, наверное, ещё почему-то...

На мой взгляд, любому человеку, начинающему свой жизненный путь, чрезвычайно важным является то: кто будет с ним рядом, с кем ему более всего придётся общаться, работать, де-

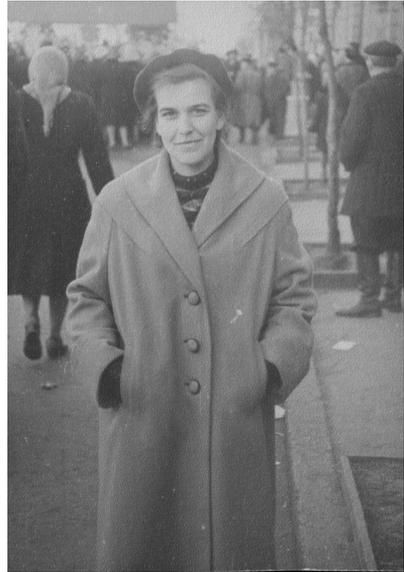
лить горесть и радость, дружить. Эти виды человеческих взаимоотношений как никакие другие, как я полагаю, являются определяющими как в жизни отдельных людей, так и в системе общих человеческих ценностей. В этом отношении мне в жизни везло – я никогда по большому счёту не конфликтовал на службе или учёбе, с ранних лет имел хороших и верных друзей. Не обходилось и без ошибок. По характеру я не такой спокойный как, например, моя мама, а более вспыльчивый, как мой родитель, особенно в молодые годы. К тому же, как и моя сестра Лида, я унаследовал от папы такие черты характера, как чрезмерную доверчивость. Но в отличие от Лиды, я от этого, пожалуй, больше страдал, чем моя сестра, когда я ошибался в людях. До сих пор не могу спокойно относиться к обману, ханжеству и хамству. Конечно, всё это мне нередко вредило в жизни. Но, тем не менее, как мне кажется, я мог трезво оценивать свои необдуманные шаги, а главное, всегда мог по большому счёту полагаться на своих близких родственников и верных друзей и знал, что они меня поймут, что-то простят, а порою дадут дельный совет и никогда не подведут. Эти близкие люди всегда мне были дороги и приятны в общении, будь это дома, на работе, учёбе или на отдыхе. Позволю себе привести высказывания в мой адрес одной из моих коллег по работе в Институте земной коры, моей давней доброй знакомой, ведущего научного сотрудника Лидии Васильевны Соловьёвой: «Я всегда ценила и ценю Ваше трепетное отношение к научным фактам, непредвзятость исследователя и высокую требовательность к себе! До сих пор храню Ваш высокопрофессиональный отзыв на свою докторскую диссертацию. В общении Вы прямотушны, доверчивы и искренни. Может быть, Вас иногда подводит излишняя прямолинейность – но это бесконечно выше двоедушия у иных...»

Как правило, где бы я ни работал, меня в подавляющем большинстве случаев окружали приветливые и доброжелательные люди, от общения с которыми я приобретал жизненный опыт и знания, а также удовольствие и радость жизни. Особо хочу назвать таких замечательных друзей, которые стали частью моей жизни. Это Валентин Александрович *Вахрушев*, Лариса Александровна *Мишарина*, Валентина Михайловна *Климанова*, Владимир Матвеевич *Кочетков*, Семён Матвеевич *Замараев*, Константин Романович *Чернышёв*, которых мне так теперь не

достаёт – их уже нет в живых, но память о них я буду хранить до конца дней своих.

*Лариса Александровна Мишарина
(фото 1954 года)*

*Валентина Михайловна Климанова
(фото 1961 года)*

Разве можно забыть общение с мудрейшим Валентином Александровичем Вахрушевым, который был мне уже в зрелые годы верным другом, хорошим собеседником и отличным наставником. Человеком он был очень образованным и начитанным, большим учёным и прекрасным знатоком камня. Мы часто прогуливались в окрестностях Академгородка, иногда я его сопровождал на зимние купания в Ангаре, ниже плотины ГЭС. Он был знатным моржом. С этим человеком всегда было интересно. Мне посчастливилось побывать с Валентином Александровичем на Международном геохимическом конгрессе в Москве в 1971 году. А после того как Валентин Александрович уехал из Иркутска, мы с ним довольно регулярно переписывались и перезванивались до самых последних дней его жизни.

*На геохимическом конгрессе в Москве в 1971 году,
крайний справа во втором ряду В. А. Вахрушев*

Однажды, где-то в конце 2004 или начале 2005 года Валентин Александрович в письме мне сообщил, что написал книгу о камне, а вот опубликовать её, по-видимому, при жизни не суждено. Вскоре после этого письма я в беседе с деканом геологического факультета Иркутского университета – Светланой Павловной *Приминой* – осторожно упомянул о Валентине Александровиче Вахрушеве. Светлана Павловна живо подхватила мои воспоминания об этом замечательном человеке и сообщила, что она училась у Валентина Александровича минералогии (в семидесятых годах прошлого столетия В. А. Вахрушев читал курс минералогии на факультете геологии). И тут я, конечно, не мог не сказать о проблеме с неизданной, но написанной книгой Валентина Александровича. И Светлана Павловна, со свойственной, для этого человека решительностью, заявила: «А мы издадим эту книгу!». Дальше всё происходило как по мановению волшебной палочки. В конце 2005 года книга под названием «Камень в делах человеческих» вышла в свет в издательстве Иркутского государственного университета. Мы все радовались, когда книга вышла в свет, и, конечно же, был несказанно рад, ещё здравствующий – Валентин Александрович Вахрушев. Геологический факультет, по настоянию Светланы Павловны, провёл презентацию этой книги с привлечением всей геологической общественности го-

рода и приглашением всех кто знал автора, кто учился у Валентина Александровича. Получилось очень тёплое воспоминание об этом удивительном человеке.

Книга чрезвычайно любопытная и крайне познавательная, особенно для молодого поколения. В своём обращении к читателям Валентин Александрович пишет: «Я хочу, чтобы её прочёл каждый, кто неравнодушен к истории, к судьбе наследства близких и очень далёких предков. Уважительное или неуважительное отношение к минувшему – верный показатель любого человека: будь то крестьянин или рабочий, министр или академик. Человеку, владеющему прошлым, принадлежит будущее, как сказал один из классиков».

В школьные годы я дружил с Костей Чернышёвым. О Косте я уже писал выше, здесь только добавлю, будучи ещё совсем в юном возрасте, Костя был на редкость для своих лет уравновешенным и спокойным человеком, весьма основательным и добрым, а самое главное – он был очень надёжным товарищем, учился только на «отлично», а я за ним тянулся. В классе он получил прозвище «казак». Хотя Костя из Иркутска уехал в 1949 году, мы с ним продолжали общаться ещё почти сорок лет, до последнего его дня. Много лет спустя, после отъезда Кости из Иркутска, бывая время от времени у него в гостях в Ростове-на-Дону, я всегда встречал радушный приём и со стороны его родителей, жены Светланы, а также их детей Саши и Люды. Я всегда чувствовал, что в этой семье меня любят, естественно, я платил тем же.

Также я благодарен судьбе, что на своём жизненном пути повстречал такого замечательного человека как Лариса Александровна *Мишарина*, вначале преподавателя Иркутского государственного университета, а затем одного из ведущих научных сотрудников Института земной коры СО РАН. Лариса Александровна была на редкость образованным и интеллигентным человеком; большой знаток музыки, литературы, живописи. Она была крупнейшим специалистом в области сейсмологии, а затем и сейсмогеологии. Лариса в силу своего пытливого ума вскоре стала хорошо разбираться и в вопросах геологии, не будучи геологом. Мне радостно сознавать, что в минуты душевных бесед Лариса называла меня братом. Другая моя подруга – Валентина Михайловна Климанова – про Ларису говорила так: «Лора у нас

первая по уму». Что же касается самой Валентины Михайловны, то про нее могу сказать: я не знавал человека более добропорядочного, отзывчивого и душевного. Будучи большим знатоком своего дела – она была прекрасным палинологом – Валя проработала всю свою трудовую деятельность только в Институте земной коры. Она всегда кого-то опекала, кому-то помогала, была отличным кулинаром, обожала до самозабвения угощать гостей, словом, была на редкость хлебосольной. Да что людей! Добрая половина её скромной зарплаты уходила на кормление всякой живности Академгородка в Иркутске. Именно про неё можно сказать, что этот человек в трудную минуту «последнюю рубашку отдаст».

Семёна Матвеевича *Замараева* я знал ещё по учёбе в Иркутском университете, а когда пришел в Институт земной коры, то мы встретились как старые друзья. Ездили мы с ним вместе на охоту, рыбалку. Семён Матвеевич (многие годы он заведовал лабораторией тектоники в институте) был большим знатоком геологии нашего края. Он один из первых, кто предсказывал возможность нахождения на юге Сибирской платформы углеводородного сырья. Об этом мне недавно напомнил известный геофизик нашего края послевоенных лет Николай Сергеевич Ермаков. Феноменальная память С. М. Замараева и его высокий профессионализм удивляли многих геологов. Постоянные совместные обсуждения и консультации Семёна Матвеевича по геологии Сибири мне очень пригодились в своё время при подготовке докторской диссертации. В начале семидесятых годов также на охоте я познакомился с Владимиром Матвеевичем Кочетковым, человеком весьма интересным, образованным и очень порядочным. Он также оставил заметный след в Институте, как специалист-сейсмолог, где проработал более тридцати лет (был заведующим лабораторией сейсмологии, а затем и заместителем директора института по науке). Оба эти человека были заядлыми охотниками и рыбаками.

Мне очень импонировало, как трепетно, с нежностью и любовью относились к своим мамам не только Лариса и Валя, но и Костя Чернышев, и Володя Кочетков, и Сёма Замараев. В наше время такое отношение к своим родителям, на мой взгляд, можно увидеть далеко не всегда, особенно со стороны мужской половины.

В 60–80-е годы прошедшего столетия мне посчастливилось много ездить по стране, бывать за рубежом. Научные командировки обычно сопровождалось многочисленными знакомствами, чаще всего с людьми очень интересными и неординарными, которые оставили значительный след в моей жизни. Вот имена некоторых из них – Евдокия Даниловна *Андреева* (Москва), Елена Алексеевна *Бабина* (Томск), Наталья Григорьевна Удовкина (Москва), Иван Михайлович *Волохов* (Новосибирск), Владимир Александрович *Дворкин-Самарский* (Улан-Удэ), Александр Александрович *Ефимов* (Екатеринбург), Степан Степанович *Зимин* (Владивосток), Андрей Яковлевич *Каневский* (Киев), Дмитрий Сергеевич *Коржинский* (Москва), Георгий Георгиевич *Лихойдов* (Владивосток), Алексей Александрович *Маракушев* (Москва), Георгий Владимирович *Пинус* (Новосибирск), Глеб Владимирович *Поляков* (Новосибирск), Николай Михайлович *Чернышов* (Воронеж), Евгений Михайлович *Шеремет* (Донецк), Дмитрий Сергеевич *Штейнберг* (Екатеринбург).

В этом списке уже многих нет в живых, нет в живых и Ивана Михайловича Волохова, Степана Степановича Зимина, Владимира Александровича Дворкина-Самарского, достаточно известных учёных-геологов, расположенных ко мне по особому дружелюбно и душевно, с которыми я время от времени встречался, обсуждал житейские и научные проблемы. Они мне близки и дороги.

Все эти, встречаемые на моем жизненном пути люди, не побоюсь сказать, очень многое сделали в формировании меня как специалиста и вообще как человека современного общества. Именно им и, конечно же, прежде всего дорогим родным – маме Ольге Афанасьевне, папе Ивану Мефодьевичу, брату Кеше, сёстрам Нюре, Лиде, Марии, Кате – я обязан всему тому, чего достиг, проживая на этой многострадальной матушке Земле. Полагаю, что мне очень в жизни повезло, что живу я в таком прекрасном и любимом мною городе, как город Иркутск. В городе, где всё родное – «родные улицы, знакомые кварталы...», где несёт свои самые чистые и прозрачные воды вечно молодая красавица-Ангара и где совсем недалеко плещется суровый, но всеми любимый и родной Байкал. Да, Байкал! Описать это чудо природы невозможно. Его надо видеть, слышать и чувствовать. В этом изуми-

тельном озере, действительно, есть что-то притягательное и даже магическое.

Заключение

Мне почему-то вновь и вновь хочется вернуться к главной теме своего повествования, связанного с описанием природы и жизни людей на территории, которая в настоящее время скрыта под Иркутским водохранилищем и которая уже никогда, к моему великому сожалению, не предстанет перед человеком в своём первоизданном виде. Несколько лет назад одну из моих опубликованных заметок, посвящённой старой деревне Грудино, наша газета «Восточно-Сибирская правда» назвала так: «Не сожмнуться над памятью волны». Вначале это название мне показалось несколько претенциозным, но потом я подумал, что, возможно, именно такое название, как нельзя лучше отражает моё внутреннее душевное состояние.

При написании настоящих воспоминаний, многие события которых ещё не стерлись окончательно из памяти, я хотел напомнить молодому поколению о том, как жили в относительно недалёком прошлом, чем довольствовались, что волновало сибиряков.

Мне особенно горестно сознавать, что ценности наших предков, особенно те, которые были связаны с сохранением животного и растительного мира, как мне кажется, в наши дни не являются определяющими в жизни современного общества, не стали их одновременно опорой и заботой. Я тешу себя мыслью, что это временное явление. Ведь от того, в каком согласии люди живут с окружающим миром, зависит их будущее, их частная жизнь и жизнь всего человечества в целом. Очень хотелось бы надеяться, что люди будут внимательны друг к другу, будут бережно относиться к природе, порою очень ранимой, особенно в век бурного технического прогресса. Ведь, от состояния окружающей среды во многом зависит здоровье и, конечно, качество жизни всех людей и каждого человека в отдельности. Все мы обязаны думать о сохранении всего живого на Земле. Мы также должны постоянно помнить и заботиться о том, какой мир оста-

вим будущему поколению. Ведь строительство очередного суперсовременного промышленного гиганта оборачивается, как правило, сиюминутными выгодами, а впоследствии может очень сильно навредить людям.

На мой взгляд, есть определённая надежда, что в будущее нашего общества можно смотреть с некоторым оптимизмом. В частности, я с большим удовлетворением считаю своим долгом отметить победу иркутян (а по-другому это и не назовёшь) в природоохранных митингах, бурно прошедших весной 2006 года в городе Иркутске. Митингующие решительно выступали против строительства газопровода, который предполагалось проложить в водосборном бассейне озера Байкал, вдоль трассы БАМа, с выходом на побережье Тихого океана. Эти многотысячные и многократные митинги в защиту Байкала под лозунгом «Не бывать трубе на Байкале!», с участием людей самого разного возраста, особенно студенчества и школьников города и области, что больше всего мне понравилось, показали, что современное общество и в наши дни представляет определённую силу и правительство обязано с ним считаться. Эмоциональные выступления на трибуне Дворца спорта учёных, экологов и людей просто неравнодушных, а особенно последующие шествия митингующих по центральным улицам нашего города сделали своё доброе дело. И российский президент вынужден был отклонить первоначальный проект, представленный группой московских специалистов, предложив перенести «трубу» за пределы водосборной части Байкала.

Всё это меня чрезвычайно порадовало и в значительной степени убедило, что рано или поздно обязательно забрезжит свет «в конце тоннеля» и жизнь нашего народа, если он не захочет быть игрушкой в руках распоясавшихся хамов, хапуг и коррупционеров, непременно станет лучше. Лично я призываю людей, не позволять себя одурачивать разнообразными «проектными проектами», в том числе, с образованием новых строек «века», которые не способствуют улучшению жизни, более того, могут навредить здоровью или вызвать большие неудобства для людей, например, очередное переселение на новые места жительства – «распыление» населения по миру.

В трудные минуты жизни мне всегда приходят на память пронизанные лиризмом стихи замечательного поэта Анатолия

Жигулина. Одним из его стихотворений я бы и хотел закончить своё, может быть, не совсем стройное повествование.

Жизнь – нечаянная радость,
Счастье, выпавшее мне,
Зорь вечерняя прохладность,
Белый иней на стерне...

Всё приму, что мчится мимо,
По дорогам бытия,
Жаль, что ты неповторима
Жизнь прекрасная моя.

f

Оглавление

Б. М. Ишмуратов. О книге «Варварин лесик». _____	3
Предисловие _____	7
Родное Приангарье _____	9
Деревня моя... _____	45
Любимый город _____	97
Заключение _____	168

М. И. Грудинин

Популярное издание

Мефодий Иванович Грудинин

Варварин лесик

Использованы фотографии Т. М. Мельниковой

Редактор Э. А. Невзорова

Дизайн М. Г. Яскин

Компьютерная верстка А. В. Врон

Подписано в печать 07.06.07.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 3,5.

Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 250 экз. Заказ 61.

Редакционно-издательский отдел
Иркутского государственного университета
664003, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 36